

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
«НАРОДНАЯ УКРАИНСКАЯ АКАДЕМИЯ»

На правах рукописи

ВАЛЮКЕВИЧ Татьяна Викторовна

УДК 811.111'373

**КОНЦЕПТ *ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА*
В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Специальность 10.02.04 – германские языки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
кандидат филологических наук,
доцент И.В. Змиева

Харьков – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА КОНЦЕПТА <i>ВНЕШНОСТЬ</i> <i>ЧЕЛОВЕКА</i> В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	12
1.1. Толкование внешности в гуманитарных науках	12
1.2. Онтологические и семиотические признаки понятия внешности.....	17
1.3. Внешность как гештальт	22
1.4. ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА как перцептивный концепт.....	28
1.5. ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА как лингвокультурный концепт.....	34
1.6. Структура концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА	44
Выводы к главе 1	47
ГЛАВА 2. МЕТОДИКА, ИНСТРУМЕНТАРИЙ И АЛГОРИТМ АНАЛИЗА КОНЦЕПТА <i>ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА</i>	50
2.1. Методы анализа концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА	50
2.2. Алгоритм анализа концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА	60
Выводы к главе 2	64
ГЛАВА 3. ПОНЯТИЙНО-ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА <i>ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА</i>	66
3.1. Объективация понятийного компонента концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА	66
3.1.1. Средства вербализации концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА	67
3.1.2. Концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА в домене ЧЕЛОВЕК	72
3.1.3. Имя концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА	77
3.1.4. Семантическое пространство внешности	80
3.2. Объективация ценностного компонента концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА	91
3.2.1. Внешность человека как объект оценивания	91
3.2.2. Языковые средства оценивания внешности человека.....	101

	3
3.2.2.1. Сенсорная оценка внешности человека.....	110
3.2.2.2. Сублимированная оценка внешности человека.....	115
3.2.2.3. Рационалистическая оценка внешности человека	126
Выводы к главе 3	130
ГЛАВА 4. ОБРАЗНО-ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА	
<i>ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА</i>	133
4.1. Метафора, как средство реализации образного восприятия	
внешности человека.....	133
4.1.1. Подходы к изучению метафоры	133
4.1.2. Теория концептуальной метафоры	136
4.2. Диапазон концептуальной метафоры, объективирующей концепт	
ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА	141
4.2.1. Коррелят ЧЕЛОВЕК.....	142
4.2.2. Коррелят ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ.....	146
4.2.3. Коррелят ЗНАК/ИНДИКАТОР	159
4.2.4. Коррелят СУБСТАНЦИЯ/МАТЕРИАЛ.....	162
4.2.5. Коррелят ИНСТРУМЕНТ.....	164
4.2.6. Коррелят ЦЕННАЯ ВЕЩЬ	165
4.2.7. Коррелят ТОВАР	166
4.2.8. Коррелят НАВЯЗЧИВАЯ ИДЕЯ	166
4.2.9. Коррелят ЖИВОТНОЕ	168
4.2.10. Коррелят САКРАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ.....	168
Выводы к главе 4	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	172
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	175
СПИСОК СПРАВОЧНЫХ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ	
ИСТОЧНИКОВ	210
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА ...	212

ВВЕДЕНИЕ

Данная диссертационная работа представляет собой результаты исследования содержания, структуры и средств реализации концепта **ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА** в английской языковой картине мира.

Человек является главным объектом изучения современной лингвистики, основная задача которой заключается в «языковом моделировании человека во всех ипостасях его бытия в объективно существующей взаимосвязи с другими сопредельными науками о человеке» [62, с. 20]. «В центре всего изображаемого словом стоит человек – он сам и все, что воспринимается им как его окружение, сфера его бытия» [249]. Вопросы человеческого фактора в языке рассматриваются в [7; 14; 120; 121; 207; 208; 245].

Внешность является объектом изучения в различных областях знаний: психологии [262], социальной психологии [29, 254], соционике [242], медицине [222], криминалистике [40].

Лингвистические исследования внешности человека охватывают широкий спектр вопросов внешности человека, рассматриваемых с точки зрения разных подходов. Так, внешность рассматривается как часть перцептивно-образного представления о лингвокультурном типаже [98; 99], художественная ценность [184], один из когнитивных классификаторов, детерминирующих концептуальный образ женщины [60]. Предложены когнитивные модели описания внешности персонажей в английской языковой картине мира [204], осуществлено когнитивное моделирование концепта «ЧЕЛОВЕК ТЕЛЕСНЫЙ» [105], построен фрейм «внешность человека» как основа для атрибутивно-метонимической характеристики человека [33]. «ВНЕШНИЙ ЧЕЛОВЕК» изучается как образ-концепт [114], как доминантный признак поля «человек» [2]. Концепт **ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА** изучается в аспекте межкультурного взаимодействия [224; 225] как часть образной составляющей макроконцепта **ЧЕЛОВЕК** [177].

Отдельные компоненты внешности человека – соматизмы разработаны как концепты, составляющие концептосферу «ЧЕЛОВЕК ТЕЛЕСНЫЙ» [3; 201; 103]; в частности, это анатомические признаки человека, а именно: содержание концепта «РУКА» [155], концепт EYES [76], концепт ЛИЦО [89], концептосфера HUMAN FACE [157], соматизм «FACE» и его составляющие [185]. Внешность изучается в рамках невербального общения [117; 83; 125; 248], а также как объект эстетической оценки [163; 228; 229; 150].

Вместе с тем, концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА как целостный образ – гештальт, как воплощенная в языке совокупность представлений о внешних анатомических, функциональных и социальных признаках человека в картине мира представителей английской лингвокультуры требует обоснованного и всестороннего изучения.

Актуальность исследования обусловлена соответствием его задач современной лингвокогнитивной парадигме, цель которой – установление и описание связей между концептуальными структурами и языковыми единицами, вербализующими представления британцев о ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА. Особо актуальными являются вопросы, связанные с изучением человека – объекта исследования многих наук, изучающих различные его аспекты, одним из которых является внешность. Концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА понимается как феномен культуры, неотъемлемый атрибут бытия человека, составляет его образ и является ядром национальной культуры, системы ее ценностей. Необходимость определить связь между системой визуального восприятия ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА и когнитивными средствами ее моделирования и объективации в языке, с одной стороны, и отсутствие специальных исследований целостного образа ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА, с другой, явились непосредственным стимулом для нашего исследования, способствующего решению перспективного научного задания раскрытия отношений окружающей действительности – человека – языка – мышления.

Связь работы с научными темами. Проблематика диссертации отвечает профилю исследований, проводимых на факультете «Референт-

переводчик» Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» в рамках научной темы «Языковая семантика как отражение концептуальной и языковой картины мира» (номер государственной регистрации 0106U006373).

Цель исследования состоит в изучении содержания и структуры гештальтного перцептивного концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, а также средств объективации его понятийного, ценностного и образного компонентов в английской языковой картине мира.

Поставленная цель предполагает необходимость решения следующих **задач**:

- обосновать теоретико-методологические основы лингвокогнитивного анализа гештальтного лексического концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА;
- выделить содержательные характеристики концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА и стереотипное представление о внешности в концептуальной и языковой картинах мира представителей британской лингвокультуры;
- построить модель лингвокультурного концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, структурированного понятийным, ценностным и образным компонентами;
- выявить и описать лексические средства номинации концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА;
- смоделировать шкалу оценок внешности и определить зоны положительной, нейтральной и отрицательной оценки;
- установить средства метафорической репрезентации концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА и выявить корреляты метафор, объективирующие знания об образном компоненте внешности.

Объектом исследования в работе являются представления о внешности человека, объективируемые в английском языке и дискурсе, а **предметом** – средства вербализации понятийного, ценностного и образного компонентов концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА.

Материалом исследования является лексема *appearance* и ее синонимы, полученные из лексикографических источников методом сплошной выборки и являющиеся средствами прямой номинации концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА. Также обработано 2 тыс. фрагментов текстов художественных произведений британских авторов XIX–XX вв., и дискурсивных фрагментов из Британского национального корпуса (BNC), содержащих имя концепта – лексему *appearance*.

Анализ фактического материала ведется с помощью **методологического аппарата** когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики [20; 34; 36; 37; 38; 70; 71; 120; 121; 132; 145; 146; 154; 192; 250; 251; 252; 286]. Она основана на положениях лингвокультурологии [66; 67; 68; 69; 98; 99; 100; 211; 214], теории когнитивной метафоры [35; 87; 130; 267; 268; 269; 270; 276; 287; 288; 297; 299; 316; 317; 318; 320; 321; 332], теории номинации [109; 119; 120; 121; 190; 221], оценочной семантики [26; 91; 92; 193].

Методика исследования обусловлена его целью и материалом, является комплексной и включает *дефиниционный, компонентный и этимологический анализ* (для определения содержания понятийного компонента, семного состава лексических номинаций концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА и его этимологического слоя), *концептуальный анализ* (для определения структуры концепта), *анализ смысловых связей синонимов* (для структурирования лексико-семантического поля номинаций концепта), *дискурсивный анализ* (для моделирования оценочного компонента концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА с помощью шкалы оценки), привлекает *инструментарий теории когнитивной метафоры* (для анализа когнитивных метафор, представляющих образный компонент концепта), метод *фреймового моделирования* (для структурирования понятийного компонента концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА), элементы *количественного анализа*.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые:

- ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА определяется как целостный образ – гештальт, объединяющий анатомические, функциональные и социальные признаки;

- доказана синкретичная природа структуры концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, представляющая собой неразрывную взаимосвязь его понятийного, ценностного и образного компонентов;
- выявлены языковые средства оценивания внешности человека и смоделирована шкала ее оценки;
- определены корреляты когнитивных метафор концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА и установлены модели его метафорической репрезентации.

Новизна полученных результатов изложена в **положениях, выносимых на защиту:**

1. Концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА представляет собой ментальную сущность, перцептивный концепт – представления о зрительно воспринимаемых внешних признаках человека, имеющих осведомительное значение в процессе восприятия. ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА – это целостный образ – гештальт, содержание которого составляет совокупность анатомических, функциональных и социальных признаков человека, выделяемых только в эвристических целях.

2. Концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА имеет синкретичную структуру, обусловленную неразрывностью ее компонентов – понятийного, ценностного и образного. Об их единстве свидетельствует семный состав имени концепта – лексемы *appearance* и ее синонимов, который предопределяет соответствующее понятие, ценностный компонент и образность, передаваемую концептуальной метафорой, выражающей в языке образный компонент концепта.

3. Структура понятийного компонента концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА упорядочена значениями лексико-семантического поля «Внешний вид», центр которого образован значениями лексем, объединенных интегральной семой «внешний вид» и называющих целостный образ человека. Периферию поля составляют номинации концепта, имеющие дифференциальные семы, на основании которых образуются микрополя «манера поведения», «мимика», «тело», «костюм» и «маска».

4. Ценностный компонент концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА формируется в результате интерпретации и оценивания в процессе восприятия в соответствии с исторически сложившимися эталонами культуры. В оценочных суждениях концепт номинируют оценочные прилагательные, которые, в зависимости от основания оценки, объективируют сенсорную, сублимированную или рационалистическую оценку внешности.

Основания оценки внешности человека определяют принадлежность значений прилагательных к зонам на шкале оценки: значения прилагательных сенсорной оценки занимают три зоны на оценочной шкале, а значения прилагательных сублимированной и рационалистической оценки, основанные на соответствии норме, размещаются в двух зонах – положительной и отрицательной оценки.

5. Образно-ценностный компонент концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА объективируется концептуальными метафорами и отражает единичные признаки внешности, существующие в сознании отдельных индивидов. Диапазон метафор ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА представлен концептуальными коррелятами ЧЕЛОВЕК, ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ, ЗНАК / ИНДИКАТОР, СУБСТАНЦИЯ / МАТЕРИАЛ, ИНСТРУМЕНТ, ЦЕННАЯ ВЕЩЬ, ТОВАР, НАВЯЗЧИВАЯ ИДЕЯ, ЖИВОТНОЕ, САКРАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ, которые подвергаются *спецификации* и *расширению* и конкретизируют представления о внешности, выступающей в качестве концептуального референта.

Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в развитие когнитивной семантики (выявление логического понятия в структуре концепта, описание его внутренних и внешних связей), лингвистической аксиологии (определение средств оценивания концепта, моделирование оценочной шкалы концепта), разработку теории концептуальной метафоры и фреймового моделирования.

Практическая ценность исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в лекционных курсах по лексикологии

английского языка (разделы «Лексическая семантика», «Синонимия»), общего языкознания (раздел «Семантика»), в научных исследованиях аспирантов и студентов.

Основные положения диссертации прошли **апробацию** на заседаниях кафедры германской и романской филологии ХГУ «НУА» (2008-2015), на специализированном лингвистическом семинаре ХНУ им. В.Н. Каразина (2015), Международной научной конференции, посвященной 70-летию факультета иностранных языков (Харьков, 2000), V Всеукраинской научной конференции «Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація» (Харьков, 2005), Международной научной конференции «Единство системного и функционального анализа языковых единиц» (Белгород, 2006), конференции молодых ученых «Молодые ученые Харьковщины-2006» (Харьков, 2006), XI научной конференции «Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація» з міжнародною участю (Харьков, 2012), международной заочной научно-практической конференции «Актуальные вопросы филологии, искусствоведения и культурологии (Новосибирск, 2012), научно-теоретической конференции «Инновационный подход к исследованию института образования» (Харьков, 2014), международном симпозиуме «Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives. The 5th International symposium proceedings» (Вена, 2014), научно-теоретической конференции «Управление качеством обучения в инновационном вузе» (Харьков, 2015).

Публикации. Основные положения диссертации отражены в 9 статьях (из них 8 в специализированных изданиях Украины, 1 статья в зарубежном издании), а также в 5 тезисах выступлений на международных и 4 всеукраинских конференциях (общий объем 3,96 печ. листов).

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав с выводами к каждой, заключения, списка используемой литературы (349 наименований), справочно-лексикографических источников (27 наименований), и источников иллюстративного материала

(40 наименований). Общий объем работы составляет 214 страниц. Объем основного текста – 174 страницы.

Во **введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, раскрывается новизна, теоретическая и практическая значимость, указывается апробация его результатов.

В **первой главе** рассматриваются вопросы изучения внешности в гуманитарных науках, описываются подходы к изучению концептов, обосновывается выбор лингвокультурного подхода к изучаемому концепту, дается определение концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, моделируется его структура.

Во **второй главе** описывается методика, инструментарий и алгоритм анализа концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА в английской языковой картине мира.

В **третьей главе** изучается понятийно-ценностный компонент в структуре концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, рассматриваются способы его объективации. Ценностный компонент изучаемого концепта выявляется на основе анализа языковых средств оценивания внешности. Выделяются группы оценок внешности, объективированные оценочными прилагательными.

В **четвертой главе** анализируются подходы к изучению метафоры. Выявляются метафорические корреляты, составляющие диапазон метафоры. Определяются когнитивные трансформации области источника – *спецификация* и *расширение* – способствующие более полному пониманию изучаемого концепта.

В **заключении** представляются результаты проведенного анализа и определяются перспективы дальнейших исследований.

ГЛАВА 1

ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА КОНЦЕПТА *ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА* В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

«Человек справедливо считается тем центром, вокруг которого прямо или косвенно сосредоточивается проблематика исследований» [240, с. 3]. «Человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции, свой интеллект, свое отношение к предметному и непредметному миру, природе, свои отношения к коллективу людей и другому человеку» [15, с. 3].

«Чтобы жить и быть в мире, человек должен, прежде всего, быть воплощен в этом мире, занимать в нем определенное пространство, быть осязаемым, зримым, телесным. Кроме разума, совести, долга и т.п., у человека есть плоть, голос, походка, мимика, жесты, он облачает свое тело в одежду, надевает на него украшения и т.п.» [266, с. 4]. Таким образом, посредством внешности человек физически (пространственно) вписывается в окружающий его мир, является объектом зрительного восприятия и представляет собой знаковую систему [112; 113].

В данном разделе рассматриваются подходы к изучению внешности, определяется понятие «внешность», анализируются его онтологические признаки, моделируется структура изучаемого концепта.

1.1. Толкование внешности в гуманитарных науках

Самое раннее упоминание о внешности населявших Британию кельтов принадлежит Пифею (ок. 320 до н.э.), который описывает их как высоких светловолосых и голубоглазых людей, раскрашивающих тело, лицо и волосы яркими красками [239]. «Все бритты раскрашивают себе тело вайдой (синяя растительная краска), чтобы устрашить неприятеля в битве. Они носят длинные волосы и бреют себе все тело, кроме усов» [275, с. 12].

Однако, первые свидетельства проявления внимания людей к своей внешности и тому, как они выглядят в глазах других, появляются 30 тыс. лет назад, в то время, когда жители Африки начали украшать свои лица [271]. «Интерес человека к собственной внешности и внешности окружающих его людей – бесспорный факт. В любых условиях и обстоятельствах у человека проявляется способность воспринимать, оценивать и сравнивать свою внешность с особенностями физиономического комплекса других людей» [235, с. 81].

Изучение внешности человека во взаимосвязи с чертами его характера восходит к Аристотелю, основателю физиогномики (от греч. φύσις – природа, γνῶμων – знающий) – «учения о якобы однозначной связи между внешним обликом человека и его принадлежностью к определенному типу личности, благодаря чему по внешним признакам могут быть установлены психологические характеристики этого типа» [8].

Под термином «физиогномика» понимается искусство познания человеческого характера и вынесения суждения о человеке по его внешнему виду. В данной лексеме выделяются два значащих элемента: *physis* и *gnōmē*. *Physis*, помимо значения «природа», включает еще и дарованные природой внешние формы, естественный телесный облик, постоянный фактор, изначально отличный от внутренней сущности. *Gnōmē* означает процесс суждения и познания через эти внешние, материальные черты духовного начала личности, ее душевный склад, темперамент, аффекты [156].

Целью физиогномики в древности была типизация, обобщение человеческих типов, а впоследствии и индивидуальное портретирование. Являясь носителями образной зрительной информации, физиогномические знаки включали тип тела, фигуру в целом, осанку, части тела, цвет кожи, черты лица, выступали в роли посредника между воспринимаемым и воспринимающим и информировали о чертах характера воспринимаемого человека. Особое значение придавалось форме, цвету и выражению глаз. Таким образом, органы человеческого тела представляли собой знаки

специфического метаязыка, знаки не культурного происхождения, а естественные, биологические, статичные [156; 338; 339; 300] (ср: Е.С. Кубрякова, относит части человеческого тела к примарным обозначениям, которые, «формируясь в ходе чувственного восприятия мира, явно проступают в исторической перспективе как первичные» [121]).

Основным принципом физиогномического анализа являлось сопоставление внешнего и внутреннего, телесного и духовного, видимого и невидимого [156]. В частности, Аристотель, наблюдая за внешностью людей, придавал большое значение их сходству с животными, характеризуя похожего на льва как отважного, на оленя – робкого и трусливого, на волка – хищного и т. д., а также, считая возможным установление сходства между отдельным человеком и представителями различных народностей, ставил цель дать рациональное объяснение несходству не только отдельных лиц, но и целых народов [8].

Идеи физиогномики, а именно, возможность передачи внутреннего через внешнее, нашли отражение в античной драме – жанрах трагедии и комедии, использовавших маски. Театральная маска всегда обобщала, схематизировала, передавала только одно состояние, была рассчитана на первое впечатление и была правдива, в отличие от подвижного живого лица.

Прикладываемая к лицу театральная маска (греч. *prosōpon*) послужила названием архетипа Персона. Маска или Персона (Persona) – архетип, согласно К.Г. Юнгу, представляющий собой социальную роль, которую человек играет, выполняя требования, обращенные к нему со стороны общества [263; 264]. По мнению Г.В. Токарева, архетип является ментальной единицей, представляющей собой возможность возникновения тех или иных образов, хранящихся в подсознании человека. Архетипы не являются результатом личного опыта, а наследуются человеком от предшествующих поколений [223]. Архетип представляет собой форму существования коллективного бессознательного, его содержание составляют предзнания, данные от рождения [312; 313] (о направлениях исследований архетипа см. [20]).

Персона – архетип, относящийся к социальному образу человека. Общество ждет от человека исполнения определенных норм культурного поведения, которые со временем устаревают и превращаются в штампы, что ведет к формированию маски, под которой живет большинство людей [263; 264; 310]. Образ Персоны принадлежит к коллективному, а не личному «я» человека. Представлению о «я» предшествовало представление о себе как о безличной части рода, от которого ведет начало идея переселения души умершего родственника в тело родившегося младенца. Это древнее представление о себе через образ предка смыкается с генетической памятью и нам практически недоступно [303].

В психологии под персоной понимается личность индивида в том виде, в каком она представлена другим, в противоположность аутентичному Я. Персона дает возможность индивиду взаимодействовать с окружающим миром, отражая ту роль, которую человек играет в нем, достигая компромисс между внутренней психологической структурой личности и обществом. Персона это социальная роль, которую индивид играет в соответствии с требованиями, обращенными к нему со стороны окружающих [312; 313]. Персона понимается как публичное лицо, обращенное к другим (ср. с анимой), скрывающее истинную суть человека, стиль, которым мы общаемся с другими, включающий одежду и наш индивидуальный стиль выражения [292].

В XV веке физиогномика приобрела большую популярность среди медиков, философов, юристов – представителей профессий, занятых «работой с людьми». Так, И. Лафатер, развивавший идеи физиогномики в XVIII веке, считал возможным определение черт характера по строению черепа и рельефу лица [325; 326]. Ф.И. Галль – основатель френологии – направления, выделившегося из физиогномики на рубеже XVIII-XIX веков, высказывал идею о связи строения черепа с моральными и интеллектуальными качествами человека [296]. Идеи И. Лафатера и Ф.И. Галля послужили основой формирования теории о врожденном

преступном типе, разработанной Ч. Ломброзо, который утверждал, что преступники отличаются своим внешним видом, в частности, неправильным строением черепа, асимметрией лица [328].

Развитие физиогномики было вызвано возрастающим интересом к человеку, его внутреннему миру, психологии, формированию характера. Физиогномика не получила статус точной науки [156], тем не менее, как отмечает С. Степанов, несмотря на отсутствие достаточной обоснованности физиогномических теорий, идеи о взаимосвязи внешнего и внутреннего были впоследствии логически обоснованы [213].

Физиогномика оказала существенное влияние на развитие знаний о невербальных проявлениях человека. Следует отметить, что застывшие маски древнегреческого театра, скульптуры изображали статические невербальные проявления внутреннего состояния человека. Попытка объяснить динамические аспекты невербального поведения (жесты, позы, мимику, вокальные характеристики и т.п.), а именно причины возникновения экспрессивных движений тела, а также их связь с работой определенных мышц, с научной точки зрения, принадлежит Ч. Дарвину [81], который утверждал, что мимика отражает функциональное состояние нервной системы и зависит от особенностей психики.

В XX в. изучением невербального поведения в русле идей, сформулированных Ч. Дарвином, стала заниматься психология, одним из поворотных открытий которой явилось признание коммуникативной функции невербального поведения. По мнению С.Л. Рубинштейна, выразительные движения являются не просто сопровождением эмоций, как считал Ч. Дарвин. Они «выполняют определенную актуальную функцию, а именно – функцию общения; они – средство сообщения и воздействия, они – речь, лишенная слова, но исполненная экспрессии» [198].

Интерес к внешности человека восходит к глубокой древности и представляет собой бесспорный факт. Древние учения о внешности оказали существенное влияние на современные исследования. Так, внешность

человека является объектом исследования целого ряда научных дисциплин. В психологии внешность служит основанием для социально-психологической интерпретации человека, определения его индивидуально-личностных качеств, стрессоустойчивости [262; 341]. В рамках социальной психологии изучается роль внешности в процессе социальной перцепции и формирования имиджа [29; 254; 274; 289]. В соционике – отрасли психологии, изучающей вопросы соотношения души и тела – внешность рассматривается как ключ к определению социотипа человека [242]. В медицине внешность используется в качестве источника информации о состоянии здоровья [222]. Статус самостоятельного и признанного медицинского метода, основанного на идеях физиогномики, получила иридодиагностика – определение состояния здоровья человека по радужной оболочке глаза. В криминалистике внешность, являясь важным источником информации о преступнике, используется для раскрытия и расследования преступлений [40]. Визуально воспринимаемый образ человека, рассматриваемый как телесная маска и являющийся составной частью его имиджа, изучается О.М. Гребенниковой [77].

Таким образом, внешность человека, интерес к которой восходит к глубокой древности, является объектом изучения различных наук, каждая из которых рассматривает отдельные ее аспекты.

1.2. Онтологические и семиотические признаки понятия внешность

Внешность определяется как лицо человека, его фигура, одежда, совокупность характерных особенностей его облика, сложное образование, совокупность признаков [29], «деталей» [139], элементов [40], семиотических систем [176], доступных чувственному отражению и выделяемых при визуальном восприятии человека. С.В. Попов выделяет две группы признаков, а именно, собственные, неотъемлемо принадлежащие человеку,

такие как общефизические, демографические, антропологические, анатомические, функциональные и сопутствующие, дополнительно его характеризующие, такие как одежда, обувь и др. [187]. Другие исследователи выделяют три группы признаков. Первую составляют анатомические признаки, формирующие физический аспект человека [29; 139] (также называемые общефизическими [40] и габитусом, понимаемым как характеристики телесного строения человека [176]). Вторую группу составляют признаки функциональные, (или динамические в терминологии А.Е. Лагуна [127]), представленные мимикой, жестами, манерами, осанкой, походкой и др., т.е. кинесикой, включающей невербальные жесты [29; 40; 139; 176]. Третья группа включает в себя социальные признаки, представленные одеждой, украшениями, прической [29; 139] и сопутствующими аксессуарами [176]. О.Г. Подковырин, в свою очередь, относит к области внешности все чувственно воспринимаемые моменты и выделяет телесные и вещные элементы, образующие «слои» («одежда» и «тело») [184].

О.В. Коротун к понятию «внешний человек» относит «все то, что человек объективно и субъективно, прагматически, эстетически присваивает своему внешнему виду: физические и нефизические органы (естественные и искусственные), предметы, украшающие человека и покрывающие его тело или используемые для дополнения внешнего облика, динамические признаки внешности (движения тела, мимика, позы, манера, походка), внешние речевые признаки (голос, речь), а также эстетические, этические, социальные, психологические оценки наружности человека» [113, с. 15].

Как отмечает А.В. Демуцкая, «в первую очередь человек воспринимает другого человека зрительно. И даже такая предварительная зрительная оценка уже позволяет одному человеку сделать выводы относительно другого человека – нравится он ему или нет, предположительно истолковать его характер, темперамент» [82, с. 162]. По мнению С. Степанова, внешность человека, представляет собой «лицевую сторону», «бессловесный язык».

Компоненты внешности являются «несловесными сигналами», которые «считываются» и интерпретируются [213, с. 8].

Так, внешность человека может иметь осведомительное значение о его социальной принадлежности (1), психологическом состоянии (2), личностных характеристиках, привычках, предпочтениях, здоровье (3), национальности (4):

(1) *They were from their appearance obviously working class*

/BNC, A5Y 1107/

(2) *Beneath the outward appearance of self-assurance and scholarly success, deep-seated psychological tensions were being set up in Nizan's personality, tensions exacerbated by changes in Nizan's family and educational situation, tensions that were to lead to a personal crisis*

/BNC, FTW 228/

(3) *To a certain degree, your physical appearance reveals personal characteristics, habits, preferences, and health potential. Facial features are a physical representation of your inner energies*

/BNC, NBF 152/

(4) *Her personal appearance and her imperfect English when she spoke, informed me that she was a foreigner* */W. Collins, The Woman in White/*

Следует отметить, что источником информации являются все признаки внешности – анатомические, динамические и социальные. Однако, физические признаки, и, прежде всего тело человека, как объекта и субъекта социокультурного пространства, несет информацию о социальных, культурных, интеллектуальных, профессиональных свойствах человека [113]. «По данным языка, образ человека телесного представляет собой один из наиболее значимых фрагментов языковой картины мира, поскольку именно тело выступает отправной точкой формирования представлений человека о мире» [201].

Тело является внешним маркером индивидуальности человека. Мы видим, познаем других людей и ощущаем себя как тело [170]. Г.В.Ф. Гегель рассматривает тело человека как его действительность, несмотря на то, что

внутренняя сущность выражена не во внешности, а в поступках. «Бытие, тело определенной индивидуальности, есть первоначальность ее, не результат ее действия. Его тело есть им же созданное выражение его самого и вместе с тем некоторый знак, в котором индивид дает только знать, что он есть в том смысле, что он осуществляет свою первоначальную природу в произведении» [75, с. 165].

Знаковостью обладают также мимика и жесты. Внешность, понимаемая И.С. Коном, как означивание основных свойств и качеств внутреннего мира [111], отражает эмоциональное состояние, характер, внутренний мир человека [4]. Внутренние качества человека, его состояния находят выражение в его внешности. На взаимосвязь телесного и духовного, зависимость между темпераментом и внешностью указывает К.Г. Юнг [263; 264]. Внешний облик рассматривается как внешняя форма существования и проявления внутреннего мира человека [199; 184], как «средство объективации и интерпретации субъекта, как орудие развития и формирования его психологических структур, в первую очередь образа «я», и как средство экспрессивно-импрессивного проявления личности» [176, с. 223].

Как отмечает А.Ф. Лосев, «человек вольно или невольно выражает внешним образом свое внутреннее состояние, так что его внешность в той или иной мере всегда символична для его внутреннего состояния» [137, с. 162]. Люди краснеют в моменты стыда, гнева и всякого рода страстей или эмоций. Они бледнеют от страха и ужаса, синеют от холода, бледнеют, желтеют и чернеют от болезней.

По мнению Г.В.Ф. Гегеля, «в жизни выражение лица и всей фигуры определяется внутренним миром» [75, с. 176]. «Вся душа есть внешность. Человек живет, пока есть у него внешность. И личность есть внешность» [257, с. 99]. «Выражение духовного начала является существенным в человеческом облике» [75, с. 174]. «Бедность, забота, гнев, холодность и равнодушие, страсти, изменчивость и душевные потрясения, зависимость от внешней природы, вообще весь конечный характер человеческого

существования налагает специфический отпечаток, создавая совершенно особые лица с их неизменным выражением. На одних лицах, например, страсти оставили выражение своих разрушительных бурь, другие обнаруживают лишь внутреннюю пустоту и банальность, а иные почти совершенно утратили общий тип своих форм» [75, с. 159].

Ф. Кан сравнивает лицо человека с ландшафтом, который, «благодаря постоянной смене красок, тона, света и теней, глубины и поверхностей вызывает у нас все новые и новые впечатления, причем впечатления эти бывают столь безошибочными, что люди, знающие нас, умеют определить наше душевное состояние уже при одном взгляде на наше лицо» [97]. В примере (5) отмечено, что смертельно бледное лицо заключенного выражало его душевные страдания.

(5) *The prisoner's face betrayed traces of acute mental suffering. He was
deadly pale* /BNC, AYN 456/

Одежда, являясь социальным признаком внешности, также играет роль знаковой системы, отражая проявления внутренних качеств и состояний человека [108]. Как отмечает П. Флоренский, «одежда – часть тела. В обычной жизни это – внешнее продолжение тела, аналогичное волосяному покрову животных и птичьему оперению <...>, пронизанная более тонкими слоями телесной организации, одежда отчасти врастает в организм. В порядке же зрительно-художественном одежда есть явление тела, и собою, своими линиями и поверхностями, строение тела она проявляет. Следовательно, понятно, что коль скоро за телом признана способность портретно являть метафизику человеческого существа, в этой способности нельзя отказать одежде, которая, как рупор, направляет и усиливает слова свидетельства, произносимые о своей идее телом» [232, с. 145].

О.М. Фрейденберг проводит аналогию между одеждой и маской древнегреческого театра, отражающей характер человека и отмечает, что «одежда получила такую же стабильную семантику, как маска, и каждый актер на сцене, жрец в храме и человек в быту оказались наделенными раз и

навсегда данной характеристикой платья, маской платья, семантизирующей его социальное положение, возраст, пол и характер» [233, с. 201].

Например, несоответствующая одежда, являясь частью внешности, может вызвать неуважение работодателя к сотруднику:

(6) Leapor, a poor woman, could not dress to advantage; indeed, her employer's low regard for her as a servant is partly related to her appearance /BNC, AN4 1966/

Таким образом, внешность, воспринимаемая зрительно, представляет собой бессловесный язык, знак, сообщающий информацию о человеке. Следует отметить, что знаковостью обладает как целостный образ, так и его отдельные составляющие.

1.3. Внешность как гештальт

Внешность человека воспринимается зрительно, характеризуется целостностью и является первым признаком человека, на который обращено внимание воспринимающего.

Первые исследования феномена восприятия принадлежат И. Мюллеру, попытавшемуся выделить в рамках сенсорного опыта зрение и осязание [334]. Восприятие представляет собой «целостное отражение предметов, явлений и событий в результате непосредственного воздействия объектов реального мира на органы чувств» [365, с. 99], «процесс категоризации; движение от признаков к категориям...» [39, с. 165], рассматривается как активный процесс познания и, наряду с ощущением и представлением, является чувственной составляющей процесса познания.

С. Степанов отмечает, что «человека нельзя воспринимать фрагментарно, как нельзя увидеть лицо, в одиночку прогуливающимся по улице. Каждая внешняя особенность должна анализироваться в ансамбле с другими. По одной единственной, даже ярко выраженной, черте внешности или характерному жесту нельзя делать однозначного вывода о наличии определенной черты характера» [213, с. 9].

В процессе восприятия человека важным признаком является общий контур лица и тела. «На уровне обобщенного узнавания главную роль играет контурно-разграничительная линия, которая очерчивает общую форму объекта, выделяет его из фона...» [170, с. 61]. Форма, как обозначение внешних очертаний, наружного вида предметов, является их базовым пространственным свойством, наряду с такими перцептивными признаками, как размер, цвет и др. и идентифицирует объект, играет роль фона, на котором выделяется фигура [306]. Дж. Локк говорил о важной роли органов чувств в процессе приобретения жизненного опыта и рассматривал фигуру, наряду с протяженностью, величиной, положением, в качестве первичного свойства (характеристики), придавая статус вторичных таким свойствам, как цвет, звук, вкус, запах и др. [134].

Е.В. Рахилина отмечает, что зрительный образ человека не складывается из отдельных параметров (формы или размера) [195]. В структуре человеческого тела целое доминирует, психологически представляется более базовым, чем его части. В примере (7) внешность воспринимается как приятная и это положительное впечатление формируется в результате целостного восприятия лица и тела:

(7) I liked her from the first. She was of most pleasing appearance. She was very mild...The mildness I have mentioned seemed to emanate from her whole being. Her bodily as well as facial appearance was the case of this

/BNC, KLN 1526/

Целостное восприятие человека позволяет рассматривать внешность как гештальт. В научный обиход слово «гештальт» (нем. Gestalt) было введено немецкими учеными, представителями гештальтпсихологии, продемонстрировавшими, что в процессе восприятия мира мы выделяем не отдельные детали, а целостные конфигурации – гештальты. Данный термин не имеет точного эквивалента ни в английском, ни в русском языках. В зависимости от контекста, его смысл может передаваться словами «образ», «форма», «структура», «фигура», «целостность». Под гештальтом понимается

интегрированное целое, функциональная структура, упорядочивающая, согласно присущим ей законам, многообразию отдельных явлений; завершенная сущность (в частности, организм), значимая и организованная более, нежели простая сумма составляющих ее частей [356].

В лингвистические исследования понятие «гештальт» было введено Дж. Лакоффом, согласно которому, «мысли, восприятие, эмоции, процессы познания, моторная деятельность организованы с помощью одних и тех же структур, которые называются гештальтами» [129].

Как отмечает Дж. Лакофф, «гештальты являются одновременно целостными и анализируемыми. Они состоят из частей, но не сводимы к совокупности этих частей [там же, с. 359-360]. В примере (8) описаны отдельные анатомические признаки, в совокупности «составляющие» целостный образ внешности:

(8) Shirley Keedlar was gracefully made, and her face, too, possessed a charm as well described by the word grace as any other. It was pale naturally, but intelligent, and of varied expression. She was not blonde: clear and dark were the characteristics of her aspect as to colour: her face and brow were clear, her eyes of the darkest grey: no green lights in them, – transparent, pure, neutral grey: and her hair of the darkest brown. Her features were distinguished; they were high, bony, and Roman, being indeed rather small and slightly marked than otherwise

/D.H. Lawrence, Sons and Lovers/

При восприятии человека в сознании воспринимающего «высвечиваются» определенные фрагменты его внешности, создавая фигуры – отдельные признаки, на которых акцентируется внимание. Основой данного представления является зуммингование («наплыв» на определенный информационный фрагмент) [340] – одна из операций, используемых ментальной системой для обработки визуальных образов (другие операции – ротация (вращение образа), сканирование (беглый просмотр)). Таким образом, некоторые признаки являются перцептуально

выделенными и выступают как более значимые, а другие воспринимаются как второстепенные.

В основе такого ментального представления лежит операция, известная в психологии как «эффект центрации», согласно которой «элементы, на которых фиксируется взгляд, переоцениваются по сравнению с остальными: поле восприятия как бы расширяется в зоне фокуса внимания...» [364]. Этот же эффект был обнаружен и американским психологом С. Аша, который считает, что «в создании целостного представления о личности другого человека некие его воспринятые качества выступают как центральные, и вокруг них группируются другие характеристики и качества» [там же].

Концентрация восприятия на отдельных объектах, наиболее значимых в момент восприятия, определяется как внимание, под которым Дж. Брунер понимает такой процесс выделения признаков, при котором субъект постоянно оперирует то выделенными признаками, то целым [39]. Внимание, являясь необходимым условием восприятия, «фильтрует» поступающую информацию, обеспечивая избирательную сосредоточенность психической деятельности на определенном объекте [244]. Следовательно, в процессе восприятия объекта внимание способствует наибольшему различению его деталей. Глаз, рассматривающий сложный объект, никогда не движется по нему равномерно, а всегда ищет и выделяет наиболее информативные точки, привлекающие внимание воспринимающего. Человек воспринимает определенный объект, выделяя в нем множество признаков, обобщая его в одну категорию с внешне различными, но по существу близкими объектами [140].

Человек воспринимает действительность неравномерно: часть информации является базовой, исходной, а часть – новой, наиболее значимой в настоящий момент. Объекты окружающего мира в отношении к другим объектам воспринимаются сознанием на основании автоматического противопоставления фигуры и фона. На первом этапе процесса восприятия происходит деление определенных объектов на более и менее выделенные

(фигуру и фон), в то время как следующий этап предполагает их более точную идентификацию [324].

А.А. Бодалев отмечает первостепенность восприятия физического облика человека – типа сложения, возраста и расовых особенностей, мимики, жестикуляции, походки, осанки, голоса, речи, позы и др., затем – одежды, прически, украшений и прочих предметов, и признаков внешнего «оформления» облика человека, которые оцениваются, как правило, окружающими с позиций усвоенных ими этико-эстетических норм [29].

Люди отличаются друг от друга, во-первых, по их телесному строению, по их величине, росту, очертаниям лица, а затем по темпераменту, способу реагировать, чувствовать и действовать [118]. В известной мере человек начинается с фигуры, черт лица. Первоосновой человека является его тело. Телесность, физический облик – первое, на что обращено внимание воспринимающего [80]:

«Если говорить о внешности, то нет ни одного объекта, на который бы не обратили внимание наши предки – цвет волос, кожи, рост; дефекты, приобретенные и наследственные; внешне выраженные последствия болезни и т.д.» [125, с. 184]. «Обозначая человека, делают выбор не из бесконечного множества его нормативных свойств, а из малого числа индивидуальных признаков: при этом выбирается наиболее различительный – то, чем человека отметила природа» [10, с. 14]. Пример (9) свидетельствует о том, что таким признаком могут являться волосы человека, а именно их цвет:

(9) The gentleman was a man of a very remarkable appearance in respect of the absolute whiteness of his hair, and a certain indescribable intensity of face

/Ch. Dickens, A Tale of Two cities/

Таким образом, во внешности человека некоторые признаки являются наиболее «выделенными» и информативными. На особую «выделенность» некоторых «частей» тела человека в наивной картине мира (в отличие от научной) указывает Е.В. Рахилина [195]. Эту же мысль находим у А.А. Кожанова, который отмечает, что при описании внешности человека

наиболее «выделенными» являются антропологические признаки, большая часть которых относится к лицу человека [107].

Лицо является смысловым центром внешнего облика человека, наиболее выразительной, связанной с внутренним «я» человека, частью внешности [184]. Представляя собой небольшой участок головы человека, лицо является главной характеристикой его внешности [123]. В процессе общения внимание собеседников чаще всего сконцентрировано на лицах партнеров [139]:

*(10) Looking round he saw the pale blotch of her face down in the darkness.
“Good-bye” she called softly. She had no body, only a voice and a dim face
/D.H. Lawrence, Sons and Lovers/*

Лицо, выделяясь в качестве фигуры, может выступать в качестве фона, на котором, в свою очередь, выделяются другие, наиболее значимые, «салиентные» фигуры. Под салиентностью понимается способность объекта или явления выделяться на фоне других объектов того же типа; салиентностью объясняется фокусирование восприятия на наиболее важной части информации, полученной от органов чувств [298]. Такими признаками, по мнению В.Н. Панферова [170], являются *глаза*. Это подтверждают опыты английских психологов, которые показали, что наш взгляд притягивают любые два кружка, поставленные горизонтально рядом, особенно если в них выделены внутри еще и другие, меньшие кружки («зрачки») [213].

Внешность человека представляет собой образ, совокупность признаков. Однако, эффект целостного восприятия не зависит от их количества. Один из них может представлять внешность человека в целом. Так, имея в виду знакомого нам человека, мы представляем себе его лицо или другую какую-либо его характеристику, когда думаем о нем или оцениваем его поступки [121]. Процесс «редукции» образа означает замену его неким символом, условной меткой вещи. В ходе такого процесса замены целого его частью, называемого метонимией, в случае необходимости человек достраивает эту часть до целого [121].

Таким «выделяющимся» признаком внешности может выступать нос (11), который может сообщать информацию о человеке (12):

(11) *He was like a well-preserved old gentleman of, say, sixty years old, little and lean, and chiefly remarkable by the extraordinary length of his nose* /W. Collins, *The Legacy of Cain*/

(12) *I have forgotten to speak of my father's personal appearance ... I need only notice one interesting feature, which, so to speak, lifts his face out of the common. He has an eloquent nose. Persons possessing this rare advantage are blest with powers of expression not granted to their ordinary fellow-creatures. My father's nose is a mine of information to friends familiarly acquainted with it. It changes colour like a modest young lady's cheek. It works flexibly from side to side like the rudder of a ship*

/W. Collins, *The Legacy of Cain*/

Следующий «выделенный» признак внешности – скулы – способствовал возникновению прозвища описываемого человека:

(13) *The first impression produced by her face was an impression of bones. They rose high on her forehead; they projected on her cheeks; and they reached their boldest development in her jaws... Her mistress called her "Bony"* /W. Collins, *The Legacy of Cain*/

Таким образом, внешность, представляющую собой совокупность зрительно воспринимаемых признаков, рассматриваем как гештальт – целостный образ, в котором, в зависимости от целей восприятия, могут выделяться отдельные элементы (признаки).

1.4. ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА как перцептивный концепт

Одним из результатов процесса категоризации является выделение категорий, восходящее к учению Аристотеля, согласно которому, существует десять категорий (наивысших родов), предназначенных для перечисления всего, что может быть или предметом суждения, одной из которых является

категория качества. Определяя качество как «то, благодаря чему предметы называются такими-то», и понимая его как все неколичественные свойства предмета, Аристотель выделял четыре его разновидности: устойчивое, преходящее, претерпеваемое и качество-очертание, последнее из которых (внешний вид, прямизна и кривизна) связано со зрительным восприятием [8].

В процессе познания мира сознание человека выделяет две сущности, два его элемента – вещи и признаки [128]. М.В. Никитин выделяет концепты онтологических вещей и концепты признаков [160, с. 55]. Онтологические вещи представляют собой наблюдаемые физические тела – объекты с пространственной границей, доступные органам чувств. В структуре концептов онтологических вещей содержатся как конкретно-чувственные образы единичных представителей определенного класса, так и обобщенно-чувственные образы, а также абстрактно-обобщенное понятие о них [там же, с. 55]. Данные концепты характеризуются информационной одновекторностью, таким образом, любое высказывание об онтологической вещи является высказыванием о ее признаках [там же, с. 61]. Как отмечает Г.В.Ф. Гегель, «нечто есть благодаря качеству то, что оно есть, и, теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно есть» [75, с. 58].

В отличие от концептов онтологических вещей, концепты признаков вторичны, так как признаки не существуют отдельно от вещей, а только в мыслительном отвлечении от них. Концепты признаков содержательно двунаправлены. С одной стороны, признак содержит отсылки к своим признакам (например, белизна – ослепительная), с другой – вызывает представления о вещи, которой он присущ (белизна у снега, краски, ткани) [160]; предмет и признак имплицитно друг друга [8].

Таким образом, вещи и признаки являются относительными, взаимозависимыми, способными к взаимопереходу категориями. «Одна и та же сущность может представлять как вещь, если в ней открываются признаки, и как признак, если она рассматривается как характеристика, как свойство или отношение другой вещи» [160, с. 55]. В логике признаком предмета называют

то, чем он сходен с другим предметом или чем он от него отличается. Любые свойства, черты, состояния предмета, которые его характеризуют и помогают отличить от других предметов, составляют его признаки [134]. Н.И. Кондраков определяет признак как «показатель, сторону предмета или явления, по которым можно узнать, определить или описать предмет или явление» [358, с. 477]. Признаки подразделяются на «наглядные», т.е. воспринимаемые органами чувств (зрительно, акустически, тактильно, на вкус, запах), и «ненаглядные», наблюдаемые опосредованно (способности, духовные качества и др.) [там же]. С точки зрения философии, признаки представляют собой неотъемлемые свойства предмета и подразделяются на первичные и вторичные. Данные термины были введены Дж. Локком, который к первичным или объективным признакам относил движение, непроницаемость, плотность, объем, фигуру и т.д., а признаки, не составляющие сущность вещей и находящиеся в зависимости от первичных качеств, определял как вторичные или субъективные [134].

Выделяют признаки существенные и несущественные. Существенными являются признаки предмета, выражающие его внутреннюю природу, его сущность. Признаки, не выражающие сущность предмета, которые способны как принадлежать, так и не принадлежать предмету являются несущественными [там же]. М.В. Никитин также выделяет признаки существенные и несущественные и объясняет различие между ними разной способностью имплицирования других признаков, т.е. имплицативным потенциалом. «Положенные в основание класса признаки обладают разной информативной ценностью: из них следует большее или меньшее число импликаций о том, какие еще признаки возможны или невозможны у сущностей одного класса и с какой вероятностью» [160, с. 61].

Разновидностью концептов-признаков являются перцептивные концепты, которые определяются как концепты ощущений (способов восприятия), объективируемые языковыми единицами, значение которых основано на интерпретации перцептивного опыта [322]. Содержание данных концептов

образуют «наглядные», т.е. сенсорно наблюдаемые перцептивные признаки [149]. Это концепты, репрезентирующие знания о различных видах восприятия – визуального, слухового, тактильного и др. Специфика анализа перцептивных концептов обусловлена самой природой восприятия, проявляющейся в субъективности ощущений и соответственно неоднозначной интерпретации воспринимаемых явлений [79, с. 780]. То, на что мы обращаем внимание, зависит от наших потребностей, привычек, настроения [88].

М.В. Пименова относит перцептивные концепты к группе космических концептов, которые, в свою очередь, входят в группу базовых, составляющих фундамент языка и всей картины мира. Согласно ее классификации, все концепты могут быть разделены на три группы. Первую группу образуют базовые концепты, составляющие фундамент языка и всей картины мира, среди которых космические, социальные и психические (духовные) концепты. Ко второй группе относятся концепты-дескрипторы, квалифицирующие базовые концепты. Третья группа представлена концептами-релятивами, реализующими типы отношений [178].

Говоря об образе человека, Ю.Д. Апресян отмечает, что первичная ситуация восприятия включает двух участников – воспринимающего и воспринимаемого. Субъект восприятия может не только пассивно воспринимать какой-то объект, но и активно использовать соответствующий орган восприятия для того, чтобы получить нужную информацию о мире [7]. «Во всем, чем человек выражает себя вовне и, следовательно, для другого, от тела до слова происходит напряженное взаимодействие “я” и “другого”» [19, с. 353]. Человек может только предполагать, как он выглядит в глазах окружающих, следовательно, описание внешности – это всегда передача чьего-то мнения о ней.

«Визуальное познание самого себя возможно только через посредника» [241, с. 44]. Только посредством «появления другого я даю возможность выносить суждение обо мне как об объекте, так как я являюсь другому именно как объект» [204, с. 298]. Одной из самых характерных особенностей внешнего

облика является то, что он не дан человеку для непосредственного наблюдения. Таким образом, изучение внешности человека предполагает учет специфики ее восприятия, наличия соответствующих знаний, концентрации внимания на определенных деталях. В этой связи интерпретация внешнего облика, его оценка, придание ему особой значимости в жизни человека всегда включает позицию, взгляд других. Любые «объективные, беспристрастные» интерпретации внешнего облика, как самим субъектом, так и окружающими его людьми практически не возможны. В мире визуальной культуры «позицию другого», «чужого взгляда», влияющего на формирование оценок внешнего облика, могут выполнять различные средства массовой информации. Они формируют типы внешнего облика, а вместе с ними задают параметры образа жизни, соответствующие отношения, состояния, представления, как должны «выглядеть фемининность и маскулинность», какой должен быть внешний облик у людей, принадлежащих к различным возрастным и иным группам [126].

Восприятие и интерпретация внешности человека человеком происходит на основе сложившейся у него индивидуальной системы образно-понятийного знания о людях [29] и неодинаковы у людей с разным жизненным опытом, возрастом, профессиональной принадлежностью [139; 170]. Согласно исследованиям У. Иттельсона и Ф. Килпатрика, процесс восприятия состоит не только в преобразовании сенсорной информации, а в привнесении в эти ощущения своего прошлого опыта. «Восприятие никогда не бывает абсолютно точным отражением того, что есть на самом деле. Мы видим не предмет, не явление, а свой прогноз, свою собственную, лично обусловленную конструкцию» [305, с. 184].

Таким образом, одни и те же вещи, объекты, события воспринимаются всеми людьми по-разному. Причина данных различий, по мнению К. Изарда, связана с разницей в интересах воспринимающих. Эмоция интереса оказывает большое влияние на процесс восприятия и является основой избирательности, благодаря которой мозг человека по-разному реагирует на различные стимулы [307]. Человек расставляет акценты и определяет приоритеты

в каждом акте восприятия. Из одного и того же множества увиденных объектов каждый выберет именно те, которые будут ему интересны [311].

Дж. Лакофф отмечает: «Наше восприятие может в сильнейшей степени зависеть от того, что мы знаем о том, на что мы смотрим» [129, с. 178]. Эту мысль поддерживает Е.С. Кубрякова, считая, что «образные репрезентации субъективны, и даже когда для них существует реальный референт (знакомый предмет или лицо), в сознании разных людей они могут иметь разные репрезентации, и ничто, кроме отсылки к референту в мире, не может нам подтвердить тождественность или нетождественность вызываемых ими образов» [121, с. 347]. Следовательно, в сознании разных людей могут существовать разные представления о внешности одного и того же человека:

(14) A Yorkshire gentleman he was, par excellence, in every point. His forehead was broad, not high; his face fresh and hale; the harshness of the north was seen in his features, as it was heard in his voice; every trait was thoroughly English, not a Norman line anywhere; it was an inelegant, unclassic, unaristocratic mould of visage. Fine people would perhaps have called it vulgar; sensible people would have termed it characteristic; shrewd people would have delighted in it for the pith, sagacity, intelligence – the rule, yet real originality marked in every lineament, latent in every furrow

/Ch. Bronte, Shirley/

Восприятие человека изначально целостно, а затем уже при желании или необходимости можно выделить признаки, которые организуются в образе по своим внутренним законам. В целостном объекте, воспринимаемом, прежде всего, как единство целого и части, тем не менее, могут быть выделены свои собственные составляющие [121, с. 249]. Из всей совокупности признаков предмета выделяется один, значимый для человека в данный момент признак .

Процесс восприятия объекта заключается не в простом выделении и суммировании его отдельных признаков. «При выделении предмета, его идентификации, происходит поворачивание его разными сторонами, человек видит эти разные стороны, но не все в одинаковой степени отчетливо,

постепенно происходит затухание одних признаков и прояснение других, в связи с практическим освоением предмета *hic et nunc*» [72, с. 87].

Таким образом, концепт **ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА** рассматриваем как перцептивный концепт, формирующийся в результате зрительного наблюдения. Воспринимаемый целостно зрительный образ представляет собой совокупность признаков, знания о которых профилируются на фоне доменов **ЗРЕНИЕ** и **ЧЕЛОВЕК**, а их интерпретация происходит на основании выделения одного или нескольких признаков, являющимися наиболее важными для человека в момент восприятия.

1.5. ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА как лингвокультурный концепт

Концепт является базовым термином современной лингвистики и изучается в рамках двух основных подходов – лингвокогнитивного [30; 32; 85; 86; 119; 120; 188; 283; 284; 309; 330] и лингвокультурного [66; 67; 68; 69; 88; 98; 99; 100; 116; 148; 344; 345; 211; 214].

В рамках когнитивного подхода концепт определяется как содержательная ментальная единица сознания, отражающая объект действительности и хранящаяся в памяти в вербально обозначенном виде [119], «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [188, с. 24].

Как «дискретная многофакторная ментальная единица со стохастической (вероятностной) структурой» концепт понимается М.В. Никитиным [160]. Таким образом, концепт представляет собой совокупное знание об определенном элементе действительности.

Н.Н. Болдырев определяет концепт как «единицу осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [31] и подчеркивает, что за концептом могут стоять знания разной степени абстракции, разные форматы знания: конкретно-чувственный образ, представление, схема, понятие, прототип, пропозиция, фрейм, сценарий, гештальт и др. [там же].

Так, концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА на уровне конкретно-чувственного образа может быть представлен как образ внешности конкретного человека. На уровне представления – это обобщенный чувственный образ, воспринимаемый зрительно, представление о внешности любого человека, человека вообще. Схема, как мыслительный образец предмета, представляет собой общий контур человека, его фигуры. На уровне понятия концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА представляет собой характеристику наиболее существенных признаков, представленных в словарной дефиниции. Прототип внешности является представлением о типичной внешности представителя определенной культуры. На уровне гештальта, определяемого как «концептуальная структура, целостный образ, который вмещает в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности, как результат целостного, нерасчлененного восприятия ситуации, высший уровень абстракции: недискретное, неструктурированное знание» [31, с. 36], концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА рассматриваем как концептуальную систему, объединяющую все перечисленные форматы знания.

При лингвокультурном подходе концепт рассматривается как базовая единица культуры [98], условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры [98]. Согласно Ю.С. Степанову, концепт представляет собой «сгусток культуры в сознании человека» [214 с. 43].

В.А. Маслова соотносит культурные концепты с именами абстрактных понятий, в которых культурная информация прикрепляется к понятийному ядру [148]. По мнению С.Г. Воркачева, лингвокультурный концепт является семантическим образованием высокой степени абстрактности и представляет собой продукт абстрагирования семантических признаков, принадлежащих определенному множеству значимых языковых единиц [67]. «Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип» [98, с. 75].

Итак, лингвокультурный концепт представляет собой базовую единицу картины мира, в структуре которой доминирует культурный компонент, и фиксируются ценности, как отдельной языковой личности, так и лингвокультурного общества в целом.

Когнитивные концепты – это «индивидуальные содержательные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие окружающую действительность, а культурные концепты – это коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры» [98, с. 34]. Следовательно, «лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [там же, с. 139].

Таким образом, концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА определяем, как ментальную единицу, состоящую из целого ряда элементов, направленную на комплексное изучение языка, сознания и культуры, так как концепт находится в сознании, детерминируется культурой и опредмечивается языком, и рассматриваем в рамках лингвокультурного подхода, в основе которого лежит идея наличия в структуре концепта ценностного компонента, который позволяет считать концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА элементом ценностной картины мира.

Понятие картина мира относится к числу «фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношение его с миром, важнейшее условие его существования в мире» [207, с. 11]. Это «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий существенные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом «всей духовной активности человека» [189, с. 21], «образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, формируемый в ходе всех контактов человека с миром» [120, с. 143], «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [189, с. 4].

В картине мира, как целостном образе мира выделяются концептуальная и языковая картины, где первая понимается, как «система концептов в сознании людей, которая, с одной стороны, конструирует в виде структурированного знания глобальный динамичный образ мира и результаты внутреннего рефлексивного опыта человека и, с другой, может быть реализована в вербальных формах» [33, с. 25].

Общепринятым в исследованиях по когнитивной лингвистике является положение о несовпадении этих картин, при этом отмечается глобальность, объемность последней. Концептуальная картина мира как совокупность концептосфер, значительно шире и богаче языковой картины мира, так как сведения о мире объективируются не только вербально, но и невербально, и является феноменом более сложным, чем языковая картина мира [207].

Языковая и концептуальная картины мира связаны между собой как вторичное и первичное, как вербальная объективация ментального понятия и средство доступа к его содержанию. Языковая картина мира вербализует не все элементы концептуальной картины мира, и позволяет судить о ней фрагментарно. Тем не менее, наиболее удобным доступом к концептосфере является именно язык [189]. «Концептуальная модель мира шире и богаче языковой картины мира и поэтому, определяя сферы их соприкосновения, мы

изображаем сферу языковой картины мира как подчиненную концептуальной модели мира» [120, с. 145].

Таким образом, концептуальная картина мира больше языковой картины мира не по объему, а по содержанию, так как «язык беднее мышления» [207, с. 79], а именно мышление участвует в процессе формирования концептов.

Концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, как совокупность его зрительно воспринимаемых признаков получает статус лингвокультурного благодаря наличию в своей структуре ценностного компонента, с утратой которого он сохраняет свое физическое существование, но теряет культурный статус [69]. Ценностный компонент является основным критерием для выделения лингвокультурного концепта. «Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип» [98].

Как отмечает Г. Риккерт, «во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления или созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком; и наоборот, все, что возникло и выросло само по себе, может быть рассматриваемо вне всякого отношения к ценностям» [196, с. 35].

Проблема ценностей является предметом изучения широкого круга гуманитарных наук – этики, эстетики, аксиологии, социологии, антропологии, исследуется в работах М. Шелера, Н. Гартмана, О.Г. Дробницкого и др., где ценности (древнегреч. «axia») рассматриваются как «сущности», имеющие онтологическую природу, существующие объективно [253], «содержания, “материи”, структуры, составляющие специфическое качество в вещах, отношениях или личностях» [74, с. 178], «всякий предмет любого интереса, желания, стремления» [95], блага, обращенные к обладанию (приятное, полезное и прекрасное); познанию (истинное); уважению (священное, гуманное, справедливое) [336]. Ценности понимаются также как значимость объектов или явлений. Ценность

определяется как «значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений» [352]. Значимость какого-либо объекта в отличие от его экзистенциальных и качественных характеристик, может быть как положительной, так и отрицательной (в терминологии О.Г. Дробницкого [354]), в то время, как А.М. Коршунов подчеркивает в ценностях именно «положительную значимость или функцию тех или иных явлений в системе общественно-исторической деятельности человека» [114, с. 107].

Как «высшие ориентиры поведения», представляющие собой личностно окрашенное отношение к миру рассматривает ценности В.И. Карасик [99, с. 3]. Ценности не представляют собой действительности, ни физической, ни психической. «Сущность ценностей в их значимости, а не в их фактичности» [196, с. 258].

С точки зрения М.С. Кагана, ценность представляет собой не вещь, не качество и не свойство, а отношение, «причем специфическое отношение, поскольку она связывает объект не с другим объектом, а с субъектом, то есть носителем социальных и культурных качеств, которые и определяют сверхиндивидуальное содержание его духовной деятельности» [95, с. 68.]. «Рассматриваемое изнутри, ценностное отношение образуется связью двух контрагентов – некоего предмета, который становится носителем ценности, и человека (или группы людей), который оценивает данный предмет и придает ему определенный смысл» [там же, с. 77], «любой объект может рассматриваться только как потенциальный носитель ценности, а актуализируется эта возможность только в его контакте с оценивающим его субъектом [там же, с. 162].

Б. Шефер и Б. Шледер определяют ценности как «принципы или правила для решения, является ли событие или объект плохим или хорошим» [255, с. 175]. Следовательно, в зависимости от присущих людям ценностей,

одни и те же явления действительности могут получать различную оценку. Так, люди, для которых важными являются духовные ценности, иногда негативно оценивают особое внимание к своей внешности. Однако это качество позитивно оценивается людьми, для которых доминирующими являются материальные ценности, что проявляется в стремлении к демонстрации внешних проявлений социального статуса. Данное качество эксплицитно или имплицитно оценивается в средствах массовой информации.

Ценности могут быть направлены как на удовлетворение потребностей своих носителей, так и на создание определенного идеала. «Культура есть направленность, и направлена культура всегда на какой-то идеал, а именно на идеал, выходящий за рамки индивидуального, на идеал сообщества» [238, с. 259]. Б. Парыгин отмечает, что в существующей в обществе системе ценностей следует различать ценности санкционируемые и культивируемые официально, с помощью находящейся в распоряжении государства разветвленной системы средств, и ценности, которые функционируют лишь на уровне обыденного сознания [172]. Можно говорить о наличии системных связей между всеми эксплицитно или имплицитно, официально или неофициально функционирующими в данной культуре идеалами, а также и между выражающими их лингвокультурными концептами.

Важным является вопрос о классификации ценностей. Первая попытка принадлежит Г. Риккерт, который выделял шесть сфер ценностей: 1) логика как сфера ценности истины; 2) эстетика как сфера ценности прекрасного; 3) мистика и идеал безличной святости; 4) этика, где доминирует моральность; 5) частная, интимная жизнь и идеал счастья; 6) религия как сфера личной святости, каждой из которых соответствует некое благо, некое отношение к субъекту [196]. Согласно М. Шелеру [253], ценности подразделяются на 1) чувственные (радость – наказание, удовольствие – боль); 2) гражданские (полезное – вредное); 3) жизненные (благородное – пошлое); 4) культурные (духовные), включающие

эстетические, этико-юридические, гносеологические; 5) религиозные. Н. Гартман выделяет ценности блага, т.е. пользы и положения вещей (социальные, правовые, политические), ценности субъективного удовольствия (приятного), жизненные ценности (полезное для жизни), нравственные, эстетические и познавательные [74]. Следует отметить, что М. Шелер и Н. Гартман предлагают иерархию ценностей, в которой располагают их от «низших» к «высшим», в то время как Р. Фрондизи отмечает, что иерархия ценностей не может быть линейной и вертикальной, она может быть лишь результатом сложного взаимоотношения ценностей, которая будет изменяться «в зависимости от состояния субъекта, его потребностей, возможностей, его отношения к объекту, ситуации общества, в котором он живет» [294].

Э. Шпрангер выделяет шесть типов объективных ценностей: теоретические; экономические; эстетические; социальные; политические; религиозные [258]. Ценности, существующие в пяти областях – Истина, Этика, Удовольствие, Практическая польза и Прекрасное, выделяются в [133, с. 29].

В.И. Карасик классифицирует ценности на внешние (общечеловеческие, этнические и групповые), внутренние (индивидуальные), и ценности типа цивилизации (ценности современного общества, ценности средневекового христианства). Также выделяются ценности моральные и утилитарные. Когда речь идет о моральных нормах, акцентируются интересы других людей, в случае же с утилитарными нормами делается акцент на интересах индивида [98].

Т.В. Анисимова и Е.Г. Гимпельсон выделяют ценности универсальные (общечеловеческие), государственные, групповые и индивидуальные, характеризующие конкретного человека. Группу индивидуальных ценностей составляют ценности эмоциональные (пристрастия и увлечения) и конечные (ценности, представляющие собой цели, которые человек хотел бы достичь в жизни) [6].

Таким образом, противопоставляются ценности общечеловеческие, этнические, макрогрупповые, микрогрупповые и индивидуальные (личностные). Выделение (образование) личностных ценностей – эстетических и нравственных – произошло во времена античности. Данные ценности представляют собой две формы ценностного сознания человека, выражают его отношение к миру и выносятся от своего имени, на основании испытанного чувства [95].

По мнению В. Сагатовского, «деятельность, ориентированная на ценности, может быть «экстерогенной», если их «достижение диктуется внешней необходимостью», и «интрогенной», если целью достижения ценностей является внутренняя потребность субъекта. Ключевыми ценностями первого типа являются польза, удовлетворенность, признание, обладание, истина, порядок, в то время как счастье, радость, добро, свобода, правда и красота являются ценностями второго рода [363].

Ценности влияют на способ самопрезентации человека, определяют то, какие значимые в обществе внешние характеристики он будет стараться демонстрировать с целью понравиться окружающим. Понятийная сфера «внешность», наряду с одеждой, укладом жизни, чертами характера, климатом, содержит большой объем социо- и этнокультурной информации и является специфической чертой, которую необходимо учитывать при воссоздании английского национального образа [243].

Внешность трактуется как феномен культуры, неотъемлемый атрибут бытия человека [241; 266], вместе с духовным миром человека составляет образ человека и является ядром национальной культуры, системы ее ценностей [28], выступает маркером «своих» и «чужих» и является символом нации и культуры [22]. В настоящее время внешность как фактор этнического сопоставления, способ идентификации человека приобретает особую значимость в результате стирания межкультурных границ и наделяется социокультурными значениями и смыслами. Значимость внешности в жизни человека подчеркивается в работах Г.Е. Крейдлина [117], Е.А. Петровой [176], С.Н. Яременко [266], Т. Цивьян [241].

В.А. Лабунская, рассматривая внешний облик в качестве атрибута «видимого человека», отмечает ценность внешности не только для «обыденного» человека, но и для научного сообщества, так как «обращение к изучению его многообразных функций не только возвращает к традиционным проблемам социальной психологии, но и открывает новые перспективы в изучении социального сравнения и оценки, идентификации и формировании идентичности в обществе» [126].

Внешность человека важна не только для его социального окружения, но и для него самого, так как «утрата каких-либо черт своего внешнего облика может восприниматься им как потеря своего «Я» [266, с. 44]. Значимостью внешности является ее особая роль в процессах социального взаимодействия. В следующем примере отмечается, что внешность является фактором, способным обеспечить успех в рамках делового общения:

(15) Appearance does count and how you appear to others can make or break a job opportunity or your success on the job. Appearance counts all the time - from the job application, to the interview, to every day on the job. The way you look at work is critical to your success on the job

/BNC, FCK 1124/

Система ценностей в целом и каждый ее элемент в отдельности является неотъемлемой частью менталитета. Для понимания ценностного компонента концепта определенной эпохи, следует рассматривать не только конкретную эпоху, но и эволюцию данной ценности в культуре народа, так как система ценностей общества непрерывно меняется [211]. Ценности всегда ситуативны, являются результатом индивидуального опыта и зависят как от самого индивида, так и от условий, эпохи [294].

Основанием для создания эстетических ценностей служит зрительное восприятие. Таким образом, внешность, как совокупность внешних признаков человека, воспринимаемых зрительно, не является ценностью сама по себе, а приобретает ее только в отношении к воспринимающему человеку как субъекту, «и именно в индивидуальном проявлении субъектных его

качеств» [95, с. 107], является носителем эстетической ценности, так как эстетическая ценность является не онтологической характеристикой, а значением для человека, т.е. отношением, а не качеством.

Восприятие внешности не носит универсальный характер, а диктуется ценностями, существующими в том или ином обществе. Г.Г. Почепцов отмечает важную роль ценностей в процессе конструирования имиджа. Общество на разных этапах развития нормирует и возводит в идеал те или иные характеристики личности, которые учитываются при создании имиджа, который является «ответом на требования контекста, выдвигаемого конкретным историческим периодом», представляет собой «стереотип, который создается в соответствии со стереотипом, который уже есть в аудитории» [191, с. 27].

1.6. Структура концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Следует отметить отсутствие единого мнения исследователей относительно структуры концепта. Представители лингвокогнитивного подхода определяют ее как совокупность когнитивных признаков, под которыми понимаются «отдельные признаки объекта, осознанные человеком и отображенные в структуре концепта как отдельные элементы его содержания» [188, с. 128].

М.В. Никитин отмечает, что структура концепта зависит от типа отображаемого им объекта и выделяет концепты онтологических вещей и концепты признаков (см. п. 1.4). Эти концепты «обрастают аурой когнитивных и оценочных импликаций» [160, с. 60]. В качестве возможных компонентов в структуре концепта М. В. Никитин выделяет чувственный образ, отвлеченное понятие, имплицитивный потенциал и оценочно-прагматическую значимость. Обязательные признаки составляют ядро концепта – его интенционал, периферийные признаки образуют импликационал [там же].

З.Д. Попова и И.А. Стернин говорят о полевой, ядерно-периферийной структуре концепта и выделяют в ней образный компонент, представленный перцептивными и когнитивными образами, информационное содержание, включающее словарную дефиницию ключевого слова – имени концепта, и интерпретационное поле, анализируемое с помощью паремий, афоризмов, толкований в художественных, научных и публицистических текстах [188].

Ю.С. Степанов определяет концепт как основную ячейку культуры в ментальном мире человека и выделяет в структуре концепта актуальный признак, дополнительный и внутреннюю форму, зафиксированную в словесной форме. «В структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.» [214, с. 44]. О слоистой структуре концепта говорит О.П. Воробьева [71].

Представляя структуру концепта В.И. Карасик [99], Г.Г. Слышкин [211] и С.Г. Воркачев [67] выделяют три составляющие – понятийную, образную (перцептивно-образную у В.И. Карасика) и ценностную (значимостную в терминологии С.Г. Воркачева).

И.С. Шевченко отмечает взаимопроникновение составляющих концепта и выделяет концепты с относительно обособленными составляющими, концепты бинарной структуры и синкретические концепты. В структуре концептов первого типа (ВЛАСТЬ, ВЫБОРЫ) четко выделяются понятийный, образный и ценностный компоненты. Концептам второго типа (ГРЕХ/SIN, ДОБРО/GOOD, СКРОМНОСТЬ/MODESTY) присуща неразрывность двух составляющих – понятийного и ценностного, так как ценность присутствует в самих понятиях, о чем свидетельствует наличие оценочных сем в именах концептов. К третьему типу относятся так называемые синкретичные концепты (КРАСОТА), понятийный, образный и ценностный компоненты которых неразрывно связаны, о чем свидетельствует компонентный анализ имени концепта, которое содержит

семы соответствующего понятия, ценности и перцептивного образа [252].

Основываясь на типологии лингвокультурных концептов в зависимости от конфигурации их составляющих, предложенной И.С. Шевченко, концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА рассматриваем как синкретичный концепт, структуру которого составляют понятийный, ценностный и образный компоненты, находящиеся в тесной взаимосвязи при сохранении понятийным компонентом основной роли.

Понятийный (фактуальный) компонент концепта определяется как «то в содержании концепта, что не является образным» [69], представляет собой языковую фиксацию его признаков [100] и выделяется на основании анализа внутренней формы репрезентирующих его слов, т.е. признаков, составляющих основу его наименования [90], а также лексикографического анализа слов-репрезентантов исследуемого концепта. Так, понятийный компонент концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА составляет основной концептуальный признак «внешний вид», а также признаки «тело», «манера поведения», «костюм», «маска», «мимика», отражающие инвариантные характеристики внешности, несущие фактуальную, наиболее существенную информацию о ней. В терминологии М.В. Никитина понятийный компонент составляет интенционал концепта, его постоянные признаки, индуцирующие признаки вероятностные, составляющие его импликационал и образующие периферию концепта.

На периферии находится все то, что привнесено культурой, традициями и личным опытом человека и составляет наивное (обыденное) понятие об изучаемом концепте. Внешность человека играет важную роль в концептуализации мира, т.к. представляет собой его неотъемлемую характеристику, и, являясь объектом зрительного восприятия, оценивается воспринимающим в зависимости от существующих в сознании ценностных установок. Ценности представляют собой наиболее фундаментальные характеристики культуры, высшие ориентиры поведения и лежат в основе оценки, тех предпочтений, которые человек делает, характеризуя предметы, качества, события [100].

Образные ассоциативные признаки составляют образный компонент в структуре изучаемого концепта и, наряду с оценочными признаками окружают понятийное ядро концепта. Образный компонент представлен перцептивными и когнитивными образами. Перцептивный образ формируется на сенсорной основе, отражает зрительные, вкусовые, тактильные и др. характеристики предметов и явлений, хранится в памяти человека и является обобщенным образом [100]. Перцептивный образ может обнаруживаться в лексикографическом значении слова. Образ представляет собой целостность, состоящую из чувственно воспринимаемой, конической или изобразительной оболочки и содержания, включающего идейный и эмоциональный аспекты [359].

О синкретичности структуры концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА свидетельствует компонентный анализ имени изучаемого концепта – лексемы *appearance*, в результате которого обнаружены семы, соответствующие понятию внешности, оценке и перцептивному образу. О связи ценностного и образного компонентов свидетельствует выявление оценочности концептуальными метафорами, объективирующими образный компонент. Таким образом, понятийный, ценностный и образный компоненты являются неразрывно связанными в структуре изучаемого концепта.

Выводы к главе 1

1. Концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА представляет собой ментальную единицу, совокупность представлений о внешнем образе человека, включающую анатомические, функциональные и социальные признаки. Внешние признаки, в отличие от внутренних, доступны зрительному восприятию, следовательно, имеют осведомительное значение в процессе восприятия и интерпретации человека.

Представления о внешности человека восходят к названию театральной маски (греч. *prosōpon*), послужившей названием архетипа Персона, который, согласно К.Г. Юнгу, представляет собой социальную роль человека.

2. Формируемый в результате зрительного восприятия внешний образ характеризуется целостностью, в которой целое доминирует над частью, что позволяет рассматривать концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА как гештальт – целостный образ. Признаки, образующие внешность, в процессе восприятия имеют разную степень проминантности и могут выступать в качестве фигур на фоне целостного образа, являющегося фоном.

3. Концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА является перцептивным концептом, т.к. его содержание образуют сенсорно воспринимаемые признаки человека, выражающие качество, а именно, анатомические, функциональные и социальные. Спецификой анализа изучаемого концепта является субъективность восприятия и интерпретации внешности человека – процессов, в основе которых лежит различный опыт субъектов восприятия.

4. Субъективность восприятия внешности выражается в оценочных суждениях, в основе которых лежат ценности воспринимающего. Способность внешности отражать ценность позволяет выделить ценностный компонент в структуре изучаемого концепта и рассматривать его в рамках лингвокультурного подхода, согласно которому центром концепта является ценность, понимаемая как значимость определенного объекта, в отличие от его онтологических характеристик.

Значимость внешности проявляется в процессах социального взаимодействия, в отношении к субъекту наблюдения. Воспринимаемая зрительно, внешность представляет собой эстетическую ценность, суждения о которой выносятся на основании установок, существующих в определенном обществе. Таким образом, внешность как совокупность зрительно наблюдаемых признаков, не является ценностью сама по себе, а лишь ее носителем, приобретая значимость только благодаря наличию субъекта восприятия.

5. Структуру концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА формируют понятийный, ценностный и образный компоненты, составляющие неразрывное единство. Понятийный компонент содержит знания

о логическом понятии 'внешность', выводимом на основании лексикографического анализа лексем-репрезентантов изучаемого концепта. Ценностный компонент выражен в оценочных суждениях о внешности. Образный компонент в структуре изучаемого концепта объективирован когнитивной метафорой, понимаемой как способ мышления, структурирования и объяснения действительности.

Основные положения раздела отражены в публикациях [42; 44; 45; 47].

ГЛАВА 2

МЕТОДИКА, ИНСТРУМЕНТАРИЙ И АЛГОРИТМ АНАЛИЗА КОНЦЕПТА *ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА*

2.1. Методы анализа концепта *ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА*

Изучение концепта *ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА* в работе проводится в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, сущность которой состоит в синтезе когнитивно и коммуникативно (дискурсивно) ориентированного анализа, позволяющего рассматривать языковые явления с учетом двух функций языка – когнитивной и коммуникативной [121]. «Каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [там же, с. 11-12] (см. также [281; 302; 174; 301]). Когнитивно-дискурсивный подход сближается с функциональным подходом, который предусматривает анализ средств языковой объективации понятия наряду с их употреблением в дискурсе. «Функционирование языка рассматривается как разновидность когнитивной деятельности, а когнитивные механизмы и структуры человеческого сознания исследуются через языковые явления» [259, с. 169]. Таким образом, когнитивный и дискурсивный подходы объединяются в рамках функционализма (о когнитивном подходе как разновидности функционального подхода см. [154; 335; 337]).

Интегративный подход дает возможность максимально полного и всестороннего изучения языка, который в настоящее время перестает пониматься как закрытая система и рассматривается как главный инструмент речемыслительных процессов, средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и способам их реализации в коммуникации.

Значения языковых единиц, закрепленные в ословленных концептах, относящихся к разным областям опыта, сосуществуют в языковой картине

мира (ЯКМ): действительность «проецируется» в семантику естественного языка, образуя ЯКМ [207]. Картина мира – это сложная структура: языковая картина мира входит в качестве составляющей в концептуальную картину мира (ККМ) и состоит из определенных «областей или аспектов», соответствующих ценностной (ЦКМ), эмотивной, юмористической и другим картинам мира как составляющая ККМ [100].

По поводу соотношения концептуальной, языковой и ценностной картин мира существуют различные точки зрения. Так, Г.В. Колшанский отрицает их разграничение и считает, что отдельно ЯКМ не существует [109, с. 37], Б.А. Серебренников считает, что ККМ богаче ЯКМ, поскольку в ее создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные [208, с. 5]. Однако все лингвисты соглашаются с соотношением языковой и концептуальной картин мира и наличием зоны их совпадения, что дает основание изучать ККМ и ЦКМ путем анализа ЯКМ.

Как отмечает А.Д. Белова, каждый человек обладает индивидуальной ККМ [24], так как последняя зависит от его опыта. И язык, в этом случае выступая одним из способов объективации ЦКМ, выражает своими средствами некоторые типичные варианты, характерные для представителей наиболее многочисленных групп субъектов. В результате в ЯКМ сосуществуют противоречивые, противоположные мнения, оценки, представления (ср.: по Ю.Н. Караулову, содержанием ЯКМ является иерархия ценностей языковой личности, детерминирующих поведение человека в обществе [101]). Следовательно, важнейшими компонентами ЦКМ выступают субъект восприятия, его объект и результат.

Таким образом, понятие ВНЕШНОСТЬ, ословленное в английской ЯКМ, включает сведения об объективном мире и его субъективной оценке, а также информацию о том, что является наиболее ценным для субъекта оценки.

В основе когнитивно-дискурсивной парадигмы лежит принцип антропоцентризма, так как процессы категоризации и концептуализации

окружающей действительности, занимающие центральное место в когнитивной лингвистике, осуществляются человеком. Феномен человека вызывает интерес исследователей разных наук – психологии, медицины, антропологии, криминалистики, исследующих разные его аспекты, в частности внешность, что позволяет рассматривать изучаемую проблему в рамках данной парадигмы.

Значения лексем, с помощью которых осуществляется изучение концепта, имеют два ракурса рассмотрения, представляющие собой семасиологический и ономасиологический подходы. «При смене ракурса рассмотрения меняется исходная точка лингвистического анализа: в семасиологическом рассмотрении исходным является языковой план – значение некоторой языковой единицы, в ономасиологии в качестве отправной точки анализа выступает обозначаемый предмет и соответствующее ему понятие» [23, с. 25]. Таким образом, выявление сем, входящих в значения языковых единиц – номинантов концепта, и отражающих когнитивные признаки изучаемого концепта, позволяет построить семантическое пространство его номинативного поля. Для наиболее полного изучения концепта используем данные смежных наук, в частности психологии, социологии, истории, что предполагает применение ономасиологического подхода.

Понимая под концептом оперативную единицу мышления, имеющую разную степень информационной насыщенности [121; 200], информационную структуру сознания и совокупность вербальных и невербальных знаний об объекте концептуализации [206, с. 587], совокупность взаимосвязанных компонентов, образующих более сложное единство, ученые предлагают различные их классификации. Так, С.А. Жаботинская выделяет два типа концептов – остенсивный и номинальный. Согласно данной классификации, «к концептам остенсивного типа относятся сущности, объяснение которых может быть дано путем указания на соответствующий референт. Это образ, который

не разложим на составляющие (*синий цвет, запах сирени*); гештальт – сложный, картинный образ, где составляющие объединены в составе целого определенным образом (*лицо, здание*), а также схема действий (*покупка платья, соревнование*). К концептам номинального типа относятся сущности, объяснение которых может быть дано только словесно, путем номинального определения. Это и есть понятие (*ложь, холостяк, сорняк*)» [86, с. 255].

А.П. Мартынюк выделяет три вида гештальтов – предметный, функционирующий в качестве перцептивно воспринимаемого образа, полученного в результате чувственного восприятия, событийный и абстрактный [144].

В процессе восприятия предмет представлен в совокупности его инвариантных свойств. Целостность восприятия выражается в том, что «образ воспринимаемых предметов не дан в полностью готовом виде со всеми необходимыми элементами, а как бы мысленно достраивается до некоторой целостной формы на основе наибольшего набора элементов. Это происходит в том случае, если некоторые детали предмета человеком непосредственно в данный момент времени не воспринимаются» [364]. «Воспринимая предмет как целое, мы одновременно сознаем, что это целое – целостная совокупность признаков, то есть это целое, состоящее из признаков. Предметность, в сущности, есть сгущенная признаковость, это количество признаков, перешедшее в качество предмета» [18, с. 46].

В нашей работе концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА определяем как совокупность представлений о внешности человека. Данные представления существуют в виде сложного образа, составляющие которого – анатомические (части тела), функциональные (мимика, жесты, походка) и социальные (одежда, украшения) признаки – при восприятии представляют собой единое целое, что позволяет отнести изучаемый концепт к предметному гештальту.

Гештальт, по мнению Дж. Лакоффа, является структурированным целым, представляющим собой больше, чем совокупность частей [129, с. 355].

Это целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы отражаемого предмета [188, с. 73], целостное, нерасчлененное восприятие объекта, недискретное знание [31].

Познание действительности начинается с того, что мы ее чувственно воспринимаем. Значимые фрагменты реальности, в том числе зрительные, слуховые, осязательные, вкусовые и обонятельные образы фиксируются в языке и становятся концептами, как отдельного человека, так и национальной культуры. Вся информация о перцептивных признаках предметов, объектов и явлений мира хранится в сознании человека в пространстве пяти доменов: ОСЯЗАНИЕ, ВКУС, ОБОНЯНИЕ, ЗРЕНИЕ, СЛУХ, образующие (составляющие) ментальную область ВОСПРИЯТИЕ [322; 324].

Представление о внешности как совокупности внешних зрительно воспринимаемых признаков человека позволяет рассматривать концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА как перцептивный концепт, понимаемый на фоне домена ЗРЕНИЕ. Человек по зрительно воспринимаемым признакам идентифицирует окружающие его объекты, способен «выделять черты, дифференцирующие между собой однородные объекты. Эта способность выработана потребностью их узнавания, причем взгляд наш натренирован на различение прежде всего тех объектов, которые важно не перепутать. Естественно, что такими объектами являются в первую очередь люди» [15, с. 11].

Согласно положениям, доказанным в когнитивной лингвистике, интерпретация и понимание концепта происходит на фоне определенной области знания, называемой доменом, определяемым как «комплекс знаний, тематически отграниченный от других комплексов знаний» [324]. Домен можно определить как широкий концепт, на фоне которого идентифицируется другой концепт, более узкий в информационном плане. Как отмечает С.А. Жаботинская, отношение между доменом и концептом аналогичны «фону» и «фигуре» в гештальтпсихологии [86].

Домены подразделяются на базовые, определяемые как минимальные, несократимые и, следовательно, необъяснимые в терминах других доменов

и небазовые, под которыми понимается любая область концептуализации, имеющая «фон», относительно которого определяется ее содержание. Таким образом, базовый концепт, в отличие от небазового, создает потенциал для существования ряда других концептов более высокого порядка, которые, в свою очередь, становятся доменами, на фоне которых возникают другие концепты [282; 324]. Так, базовый домен ТРЕХМЕРНОЕ ПРОСТРАНСТВО является фоном для понимания концепта ТЕЛО, который, в свою очередь, выступает в роли базового по отношению к концепту РУКА, являющемуся небазовым по отношению к концепту ЛАДОНЬ. Концепт ЛАДОНЬ является фоном для понимания концепта ПАЛЕЦ, а концепт ПАЛЕЦ – фоном для концепта СУСТАВ ПАЛЬЦА [324].

Таким образом, базовые домены, лежащие в основе концептуализации, создают потенциал для понимания концептов более высокого уровня. Так, базовый домен ПРОСТРАНСТВО является фоном для понимания концепта ЧЕЛОВЕК, который, в свою очередь, выступает в качестве домена для понимания концепта ВНЕШНОСТЬ. Необходимо отметить, что в нашей работе мы останавливаемся на данном уровне иерархии, так как рассматриваем внешность как неделимый образ – гештальт. «Воспринимать нечто как гештальт – значит воспринимать это «нечто» не в терминах признакового описания, а как-то иначе. Человеческое лицо, произведение живописи воспринимаются только как гештальт» [234, с. 105].

Тем не менее, при необходимости, возможна дальнейшая детализация представлений о данном концепте. Так, концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА создает потенциал для концептов более высокого уровня концептуальной иерархии, таких как МИМИКА, ТЕЛО, МАНЕРА ПОВЕДЕНИЯ, КОСТЮМ и т.д., которые, в свою очередь, могут рассматриваться как домены для других концептов.

Домен ЧЕЛОВЕК, на фоне которого происходит понимание концепта ЧЕЛОВЕК, может также выступать в качестве концепта, понимаемого на фоне других доменов. Так, в соответствии со схемой, приведенной

в идеографическом словаре Х. Касареса, человек представлен как живое существо, разумное существо и агент действия и входит в группу ЖИВОТНЫЙ МИР, являющуюся частью ОРГАНИЧЕСКОЙ МАТЕРИИ, которая, в свою очередь, представляет собой часть ВСЕЛЕННОЙ. Следовательно, выступая в качестве концепта, ЧЕЛОВЕК понимается на фоне домена ЖИВОТНЫЙ МИР, являющегося концептом по отношению к домену ОРГАНИЧЕСКАЯ МАТЕРИЯ и т.д. [101].

У. Крофт и Д. Круз, говоря о возможности профилирования концепта относительно нескольких доменов, отмечают, что концепт ЧЕЛОВЕК может профилироваться на фоне доменов ФИЗИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ, ЖИВЫЕ СУЩЕСТВА, АГЕНТ ДЕЙСТВИЯ и др., например, ЭМОЦИИ [280, с. 25].

Концепт, как единица знания, совокупность представлений об определенном фрагменте действительности, имеет определенную структуру, которая зависит от направления исследования. Так, с точки зрения лингвокультурного подхода в структуре концепта выделяют понятийный, образный и ценностный компоненты, считая последний наиболее существенным, и выделяют в нем аспекты актуальности и оценочности [66; 67; 98; 99; 211].

Структуру концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА составляют понятийный, ценностный и образный компоненты, представляющие неразрывное единство. Такое взаимопроникновение компонентов позволяет сделать вывод о синкретичности структуры изучаемого концепта. Невозможность жесткого разграничения указанных составляющих связана с наличием в значении имени концепта – лексемы *appearance* – сем соответствующего понятия, ценности и перцептивного образа. Так, семы ‘внешний или зрительно наблюдаемый вид’ (*the outward or visible aspect*), ‘физическое состояние’ (*the state in which one appears*), ‘манера’ (*manner or style in which a person or object appears*) отражают понятийные, инвариантные составляющие внешности, сема ‘признак (свидетельство) чего-либо’ (*outward indication fitted to determine the judgment as to the character of a person or thing*)

свидетельствует о том, что внешность представляет собой характеристику человека или объекта, о которой можно вынести суждение, следовательно, выразить оценочное отношение, в то время как наличие в значении лексемы *appearance* семы 'внешнее впечатление' (*outward impression by which a person or thing is assessed*) отражает впечатление, полученное от восприятия зрительного образа и является основанием оценки, что формирует ценностный и образный компоненты в структуре изучаемого концепта. Оценочное отношение к внешности, выражаемое эксплицитно (*beautiful appearance is the biggest asset*) и имплицитно (*there was a freshness and vigor in his appearance*), содержится в концептуальных метафорах и также является свидетельством синкретичности данного концепта.

Ценностный компонент концепта предполагает его важность, как для отдельного человека, так и для коллектива [100], а наличие в концепте оценочного отношения к явлению представителей определенной лингвокультуры того или иного исторического периода является определяющим для его выделения [там же].

Ценностный компонент выявляется на основании изучения сочетаемости имени концепта – лексемы *appearance* – с оценочными прилагательными. Оценка, определяемая как «отношение личности к субъектам и объектам действительности» [352, с. 96], отражает, как правило, объективно существующие в обществе в определенный исторический период и в конкретной социальной среде нормы, имеющие определенную ценность.

Познавая действительность, человек дает оценку всему, что его окружает, и в первую очередь объектам, имеющим для него наибольшую важность. Оценочная деятельность определяется совокупностью субъективных и объективных факторов – уровнем образования, культуры, нравственными нормами, общественной практикой, ценностными ориентирами [209, с. 25].

Как отмечает Е.М. Вольф, оценочные смыслы особенно часто возникают тогда, когда объект оценки как-то связан со сферой человека [64].

«Среди всех оценочных средств выражения наибольшее число составляют единицы, соотносимые с оценками образа человека» [28, с. 9]. Языковой образ человека является «нераздельным достоянием» оценки в ее различных семантических интерпретациях [15, с. 74].

Оценка внешности человека может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно. Средством эксплицитной объективации оценки внешности человека являются оценочные прилагательные, выражающие, согласно классификации Н.Д. Арутюновой, три группы оценок – сенсорные, сублимированные и рационалистические. Сенсорная оценка характеризует в большей мере вкусы субъекта оценки, чем ее объект. Сублимированные оценки – эстетические и этические – связаны с удовлетворением чувства прекрасного и чувства нравственного, соотносятся с понятием нормы, требований, предъявляемых к объекту. Рационалистические оценки – утилитарные, нормативные и телеологические – связаны с практической деятельностью и повседневным опытом человека [14].

Данные прилагательные могут быть расположены на оценочной шкале с зонами положительного, отрицательного и нейтрального. Как отмечает Е.М. Вольф, оценочная шкала является неоднородной, представляет собой сложную биполярную структуру, отражает полюсы оценочного спектра и содержит зону «положительного» (хорошо) и «отрицательного» (плохо), между которыми расположена зона «нейтрального». Точки (зоны, области) на этой шкале выделяются в соответствии с выработанными критериями градации, основным из которых является возможность фиксации некоторого состояния для объективного определения степени качества [64]. В свою очередь, Ч. Моррис выделяет такие зоны (области) оценочной шкалы: «мне это очень нравится», «мне это нравится в известной мере», «мне это немного нравится», «я к этому равнодушен», «мне это немного не нравится», «мне это нравится в известной мере», «мне это очень не нравится» [333]. Таким образом, оценочный знак языковой единицы определяется характером эмоции, вызываемой объектом у субъекта оценки. Следовательно, положительные

эмоции соотносятся с положительным оценочным знаком, в то время как отрицательное воздействие подразумевает отрицательную оценку.

Образная составляющая концепта включает перцептивные, т.е. возникающие на основе визуальных, тактильных, звуковых, вкусовых ощущений признаки, а также признаки когнитивные, основанные на метафорическом уподоблении [188]. Метафора, как одно из наиболее эффективных средств представления и оценки действительности, является основным способом объективации образной составляющей. Методологической базой анализа образной составляющей концепта **ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА** является теория концептуальной метафоры [314; 315; 316; 317; 318; 319; 320; 329; 331; 342; 343; 321; 322; 323], согласно которой метафора рассматривается как когнитивный механизм, способ познания и объяснения мира. Изучение метафоры с точки зрения когнитивного подхода позволяет выявить процессы, лежащие в основе формирования нового знания, а также «раскрыть новые аспекты ее изучения, отражающие процессы, происходящие в ментальном пространстве при формировании нового образа» [217, с. 165].

Концептуальная метафора предполагает взаимодействие целевого и исходного концептов. Концепт, понимаемый с помощью метафоры (целевой концепт), представляет собой концептуальный референт, сравниваемый с ним исходный концепт есть концептуальный коррелят, а процесс проецирования характеристик референта на характеристики коррелята представляет собой перекрестное картирование [320; 87]. Выбор характеристик референта, объективируемых с помощью метафоры, представляет собой явление высвечивания, предполагающее одновременное затемнение других характеристик. Таким образом, как отмечает З. Кёвечеш, метафорический перенос всегда является частичным, так как в концептуальной метафоре используется только часть характеристик коррелятивного концепта [317; 318]. Регулярное метафорическое переосмысление единиц, номинирующих концепт, предполагает его актуальность [211].

Процедура анализа метафорических выражений внешности состоит в установлении коррелятов данных выражений, которые образуют диапазон концептуальной метафоры.

Важнейшей частью исследования концепта является когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых единиц, вербализующих изучаемый концепт, предполагающая мысленное обобщение данных результатов на более высоком уровне абстракции с целью итогового моделирования содержания концепта и представляющая собой выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу [188]. «Семантический анализ, будучи первой и необходимой стадией исследования, поставляет «данные», тот «материал», который должен быть упорядочен с помощью концептуального анализа» [85].

В нашей работе используем методику концептуального анализа, разработанную С.А. Жаботинской и получившую название семантика лингвальных сетей (СЛС), в которых «для построения концептуальных сетей используются *базисные пропозиции*, которые имеют наивысший уровень обобщения, или схемности, и представляют изначальные категории мышления и типы реляций между ними. Тип пропозициональной схемы определяется по ее принадлежности к одному из пяти базисных фреймов – предметному, акциональному, посессивному, идентификационному и компаративному» [там же].

2.2. Алгоритм анализа концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Алгоритм анализа концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА включает несколько этапов.

Первый этап предполагает определение понятийной составляющей изучаемого концепта. Для выявления содержания понятия внешности используются энциклопедические данные из области психологии, согласно которым внешность человека определяется как совокупность его внешних

зрительно наблюдаемых признаков, подразделяемых на анатомические, функциональные и социальные, имеющие осведомительное значение о человеке [29; 139].

Первый этап включает также выявление лексем, номинирующих концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, изучение их этимологии, а также определение имени концепта. Согласно данным словарей [369; 373; 374; 375], концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА объективируется лексемами *appearance*, *aspect*, *look*, *mien*, *air*, *presence*, *guise*, *semblance*, *form*, *exterior*, образующими синонимический ряд, в котором выделяется доминанта – лексема *appearance*, являющаяся именем изучаемого концепта. Имя концепта определяется на основании следующих критериев: наибольшее количество сем в составе лексемы *appearance* по сравнению с остальными лексемами, входящими в синонимический ряд; наиболее употребительное наименование, называющее концепт в более полном объеме; частотность употребления лексемы *appearance*, для определения которой используется метод количественного подсчета; способность называть целостный образ внешности, включающий всю совокупность выделяемых в ней признаков.

На втором этапе в результате применения семного анализа анализируются значения лексемы *appearance* и ее синонимов и определяются лексико-семантические варианты (ЛСВ). Отмечается, что понятийный компонент в структуре концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА составляют не все значения лексемы *appearance*, а только значение «чувственно воспринимаемый объект», со спецификацией «внешний или зрительно воспринимаемый вид человека или объекта». Остальные значения не являются релевантными для исследования концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА и реализуются в других доменах.

Третий этап предполагает моделирование семантического пространства номинативного поля, образованного лексемами-репрезентантами изучаемого концепта. В значениях имени концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА и его синонимов методом анализа дефиниций на основании данных,

зафиксированных в словарях [367; 368; 370; 371; 372; 376; 377], выявляем интегрирующую сему, «свойственную всем единицам определенного класса и отражающую их общие категориальные свойства и признаки» [360] и дифференциальные, позволяющие построить микрополя, и являющиеся их именами.

Целью выявления сем, образующих значения лексем, номинирующих концепт, является их последующая когнитивная интерпретация и выделение когнитивных признаков, образующих содержание изучаемого концепта. Следовательно, четвертый этап предполагает моделирование структуры концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА.

В результате обобщения сем, выделенных в значениях лексем, образующих лексико-семантическое поле, определены когнитивные признаки, отражающие понятийный компонент изучаемого концепта. В результате анализа фрагментов художественных текстов были получены как неметафорические, так и метафорические номинации изучаемого концепта, составляющие его содержание. В неметафорических номинациях составляющие концепта выступают в роли его логических предикатов, которые тематически могут быть сгруппированы на основе базисных пропозициональных схем: посессивной, бытийной, качественной, идентификационной и качественной.

На пятом этапе исследования изучаются ценностные характеристики концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, выявляемые в результате контекстного анализа на основании сочетаемости лексемы *appearance* с оценочными прилагательными.

В нашем корпусе примеров обнаружены оценочные прилагательные, характеризующие внешность, которые, в зависимости от основания, могут выражать *сенсорную, сублимированную* или *рационалистическую* оценку. Прилагательные, объективирующие данные три группы оценок, могут быть расположены на оценочной шкале с зонами положительного, нейтрального и отрицательного.

Все три зоны на оценочной шкале занимают только прилагательные, выражающие сенсорную оценку. Прилагательные сублимированной и рационалистической оценки занимают только зоны положительного и отрицательного. Отсутствие зоны нейтрального объясняется тем, что представления о норме лежат в основании данного вида оценок. Соответствие нормам, выражающим представление людей о должном, желательном, оценивается положительно, в то время, как отклонение от нормы признается аномальным и порицается.

Шестой этап включает изучение образных характеристик концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА путем анализа метафорических средств его номинации. Когнитивные метафоры, по мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, представляют собой определенные содержательные признаки, входящие в структуру концепта. Эти признаки извлекаются из содержания метафоры, преимущественно из основания сравнения, которое легло в основу метафоры [188].

В результате анализа выявлены метафорические корреляты, составляющие диапазон метафоры: ЧЕЛОВЕК, ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ, ЗНАК/ИНДИКАТОР, СУБСТАНЦИЯ/МАТЕРИАЛ, ИНСТРУМЕНТ, ЦЕННАЯ ВЕЩЬ, ТОВАР, НАВЯЗЧИВАЯ ИДЕЯ, ЖИВОТНОЕ, САКРАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ. Данные метафоры основаны на повторяющихся соотношениях между понятийными областями и являются конвенциональными. Трансформации области источника (*расширения* и *спецификации*) дают возможность более детально понять изучаемый концепт.

Таким образом, использование указанных методов позволяет осуществить изучение концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы с учетом двух функций языка – когнитивной и коммуникативной.

Выводы к главе 2

1. Избранный в работе интегративный когнитивно-дискурсивный подход позволил максимально полно изучить концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА с применением методов семасиологического и ономасиологического анализа, предполагающего изучение значений языковых единиц, номинирующих концепт, анализ текстовых фрагментов, содержащих лексему *appearance*, избранную именем изучаемого концепта, а также данные смежных наук, в частности истории и психологии.

2. Концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА представляет собой совокупность представлений о внешности человека, существующих в виде сложного образа, составляющими которого являются анатомические, функциональные и социальные признаки. Данный концепт рассматриваем как перцептивный концепт гештальтного типа, понимаемый на фоне домена ЧЕЛОВЕК. Структуру концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА образуют понятийный, ценностный и образный компоненты, характеризующиеся взаимопроникновением, что позволяет сделать вывод о его синкретичности, обусловленной невозможностью жесткого разграничения его структурных компонентов.

3. Алгоритм анализа концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА включает последовательность этапов: (1) определение понятийной составляющей с помощью выявления лексем-номинантов исследуемого концепта; (2) анализ значений лексемы *appearance* и ее синонимов, выделение ЛСВ; (3) моделирование семантического пространства номинативного поля, отражающего когнитивные признаки исследуемого концепта; (4) моделирование структуры концепта с применением методики концептуального анализа; (5) выявление ценностных характеристик концепта, выводимых в результате контекстного анализа на основании сочетаемости лексемы *appearance* с оценочными прилагательными, выражающими сенсорную, сублимированную или рационалистическую

оценку; (б) выявление образных характеристик концепта с помощью анализа метафорических средств его номинации на основании теории когнитивной метафоры.

4. Результаты описания семантики языковых единиц-репрезентантов исследуемого концепта интерпретируются с помощью пропозициональных схем, объединяемых во фреймы. Понятийный компонент изучаемого концепта представлен в виде посессивной, бытийной (локативной и качественной), акциональной и компаративной (сходства/аналогии) пропозициональных схем.

Основные положения раздела отражены в публикациях [46; 54; 56].

ГЛАВА 3

ПОНЯТИЙНО-ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА

ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Понятийный компонент изучаемого концепта содержит фактуальную информацию об инвариантных компонентах внешности. Воспринимаемая зрительно, внешность интерпретируется субъектом восприятия, получает оценку и отражает ценности, существующие в данном обществе, так как «именно оценка связывает человека не только с окружающей природной, социальной или иной реальностью, но и непосредственно с другими людьми, вводя его в мир ценностей» [158, с. 175].

Специфика восприятия изучаемого концепта, обусловленная интерпретацией и оцениванием внешности, позволяет рассматривать понятийный и ценностный компоненты в их взаимосвязи.

3.1. Объективация понятийного компонента концепта

ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Концепт, как совокупность находящихся в сознании представлений о предметах или явлениях, выражается языковыми и неязыковыми средствами, которые прямо или косвенно отражают его содержание. Однако, с точки зрения лингвистики интерес представляют явления, объективированные с помощью языковых единиц [188; 99]. «Язык, как один из основных инструментов познания, концептуализации и категоризации окружающего мира, помогает нам свести воедино и обобщить всю информацию, поступающую через зрение, слух, осязание, обоняние и вкус, то есть знания, приобретенные в результате восприятия мира органами чувств (чувственный опыт), а также знания, полученные путем предметной деятельности и мыслительных операций» [30, с. 27].

Для определения структуры концепта, необходимо выявить весь корпус языковых единиц, его репрезентирующих, включая лексические единицы, фразеологию, поговорки [180]. Полное описание концепта, значимого для определенной культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его представления [там же].

3.1.1. Средства вербализации концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Совокупность языковых средств, репрезентирующих концепт, определяется как его номинативное поле. «Номинативное поле отличается от традиционно выделяемых в лингвистике структурных группировок лексики – лексико-семантической группы, лексико-семантического поля, лексико-фразеологического поля, синонимического ряда, ассоциативного поля – тем, что оно имеет комплексный характер, включая все перечисленные типы группировок в свой состав, и не выступает при этом как структурная группировка в системе языка, представляя собой выявленную и упорядоченную исследователем совокупность номинативных единиц. Номинативное поле включает единицы всех частей речи» [188].

Как отмечает В.И. Карасик, важной характеристикой номинативного поля является номинативная плотность, под которой понимается «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [100]. Отмечая связь высокой расчлененности той или иной денотативной сферы с важностью концептов в сознании носителей языка, репрезентируемых совокупностью этих средств, З.Д. Попова и И.А. Стернин используют термин «номинативная дробность» [188].

Высокая номинативная плотность концепта является показателем актуальности явлений действительности, древности концепта и его коммуникативной релевантности [100]. Таким образом, наиболее коммуникативно релевантные концепты имеют обширное номинативное поле, в то время как коммуникативно малорелевантные для широкого круга

людей концепты имеют ограниченное номинативное поле [188]. По мнению Г.Г. Слышкина, «чем многообразнее потенциал знакового выражения концепта, тем более древним является этот концепт и тем выше его ценностная значимость в рамках данного языкового коллектива» [211, с. 18].

Концепт может быть вербализован различными способами: лексическими, фразеологическими, синтаксическими [188], наиболее распространенным и продуктивным из которых является лексический, так как предполагает присвоение концепту имени, как правило, субстантивного [100; 120; 189]. Фразеологическому и синтаксическому способам отводится периферийный статус вследствие их способности объективировать значительно меньшее количество концептов [192].

В результате анализа лексикографических источников [367; 368; 370; 371; 372; 376; 377] были выявлены следующие лексические единицы, вербализующие концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА в английском языке – *air, appearance, aspect, exterior, form, guise, look, mien, presence, semblance*.

Основанием выделения данных лексем является их внутренняя форма, определяемая как «способ, каким в существующем слове представлено прежнее слово, от которого произведено данное» [190]. Внутреннюю форму данных лексем, а также динамику образования новых или исчезновения существующих семантических признаков, составляющих содержание концепта, позволяет проследить этимологический анализ.

В результате этимологического анализа было выявлено, что первой лексемой, выражающей представление о внешности человека, согласно [369; 373; 374; 375], является слово *image* ‘artificial representation that looks like a person or thing’ (искусственная репрезентация, выглядящая как человек или объект), зарегистрированное в 1225 году и восходящее к латинскому *imaginem* ‘copy, statue, picture, idea, appearance’.

Внешний облик человека античности представлял собой образ, обобщающий символ, общепонятный знак. Это образ одного из богов древнегреческой мифологии (бестелесных и невидимых), обобщенный образ

совершенного человека, в котором не отражен его характер и внутренние качества [156]. О представлении человека в виде образа, статуи, тела, в котором общие черты преобладают над индивидуальными, а физические над психологическими, говорит М. Штокало [260]. Как отмечает О.М. Гребенникова, человек в архаической культуре воспринимается только через внешние признаки, он соотносит свой внешний облик с природой. Зрительное явление сущности происходит по принципу равнозначности формы и содержания, внутреннее и внешнее отождествляется [77].

Лексема *idol* ‘image of a deity as an object of worship’, регистрируемая в 1250 г., восходит к латинскому *idolum* ‘image (mental or physical) form’, происходящему от греческого *eidolon* (εἶδωλον) ‘replica, idol, duplicate’, позднее ‘mental image’, также ‘material image, statue’, от *eidōs* ‘form’. *ἔιδος* (греч. εἶδος, латинская *forma, species*, русский *вид*) – термин античной философии, первоначально обозначавший ‘предмет видения’, постепенно получивший значение ‘конкретная явленность’, ‘телесная или пластическая данность в мышлении’. Во времена Гомера *ἔιδος* понимался как ‘внешний вид, наружность’. С V в. до н.э. его значение меняется. Эмпедокл рассматривает *ἔιδος* как ‘образ’, Демокрит как ‘фигуру атома’, Парменид – как ‘видимую сущность’. У Платона содержание данного понятия трансформируется и *ἔιδος* и понимается не как внешняя, а внутренняя форма (идея), воплощенная в различных предметах, структурированных в соответствии с его гештальтом (*ἔιδος* как образец) и содержащих в его структуре и форме его образ (*ἔιδος* как образ). Аристотель рассматривает *ἔιδος* в значении ‘вид’ как классификационная единица, форма. У Э. Гуссерля *ἔιδος* – наивысшая мыслительная абстракция, которая, тем не менее, дана конкретно, наглядно [304]. А.Ф. Лосев определяет *ἔιδος* как простое, цельное, смысл, явленный лик [136].

Как философский термин слово *ἔιδος* начало употребляться Демокритом для обозначения фигурных различий атомов. От Демокрита идет представление о дискретности материи (дискретность (от лат. *discretior*) –

‘восприятие различия’; ср. в русском слове *различие* – корень «лик», лежащий в основе слов *облик, личина, личность*). Таким образом, демокритовский атом – это личность, тело, имеющее свой отличительный облик. Синонимом греческого εἶδος является *morf* ‘форма’, ‘обличье’ [1].

Лексема *appearance* ‘visible state or form, figure’ (зрительно наблюдаемое состояние или форма, фигура) регистрируется в 1385 г. и восходит к латинскому *apparentia*, абстрактному существительному, образованному от *aparentem* (причастия прошедшего времени *apparere*). В начале 15 в. лексема приобретает значение ‘semblance’ (видимость), а в середине 15 в. ‘to appear, to come forth, be visible’ (появляться, становиться видимым).

Лексема *aspect* в значении ‘внешний вид’ ‘the look one wears, the appearance of things’, регистрируется в 1590 г. и восходит к латинскому *aspectus* ‘seeing, looking, appearance’, образованного от *aspicere* ‘to look at’. С конца 14 в. лексема *aspect* существует как термин астрологии ‘relative position of the planets as they appear’.

Развитие значений лексемы *guise* идет от раннего ‘mask, disguise’ (1500 г.), восходящего к старофранцузскому *guise* ‘manner, fashion’, ‘манера, мода’ и более раннему значению ‘style or fashion of attire’, появляющемуся в конце 13 в., до значения ‘assumed appearance’ в 1660-х гг.

Лексема *semblance* в значении ‘внешность человека или поведение’ ‘person’s appearance or demeanor’ (1400 г.) восходит к значению ‘fact of appearing to view’ в 1300 г., которому предшествовало старофранцузское *semblance*, от *semblant* ‘likeness, appearance’, происходящему от латинского *simulare* ‘to resemble, imitate’. В 1590-х гг. лексема приобретает значение ‘false, assumed or deceiving appearance’ (обманчивая внешность).

Лексема *air* в значении ‘manner, appearance’ (манера, внешний вид) зафиксирована в словарях в 1590-х гг., а в 1650-х гг. приобретает значение ‘assumed manner, affected appearance’, от французского *air* ‘look, appearance, mien, bearing’.

Лексема *look* в значении ‘appearance of a person’ (внешность человека) регистрируется в конце 14 в. и происходит от древнеанглийского *locian* ‘see, gaze, look, spy’ в значении ‘to have a certain appearance’ (иметь определенную внешность, выглядеть).

Лексема *presence* в значении ‘carriage, demeanor, aspect (especially if impressive)’ (осанка, поведение, вид, особенно если это производит впечатление) появляется в 1570-х гг. и восходит к латинскому *praesentia* ‘a being present’.

Лексема *exterior* впервые регистрируется в 1520-х гг. и происходит от латинского *exterus* ‘on the outside’ (внешний, находящийся снаружи).

Лексема *form* (начало 13 в.) происходит от греческого *morphe* ‘form, shape, outward appearance’ (форма, внешний вид), и позднее от латинского *forma* ‘form, contour, figure, shape; appearance, looks’ model, pattern, design; sort’. Форма – это наружный вид элемента внешности, контур, конфигурация. Термин «форма» – универсальный; термины «контур» и «конфигурация» применяют для обозначения внешних линейных границ элементов внешности (например, контуры ушной раковины и т.д.) или для характеристики элементов внешности, ширина (толщина) которых не существенна (морщины, складки).

Значение лексемы *mien* ‘facial expression’ (выражение лица) появляется в 1513 г., представляет собой сокращенную форму *demean* ‘bearing, demeanor’ и восходит к среднеанглийскому *mine* ‘appearance, facial expression’.

Сопоставление греческого, латинского и древнеанглийского этимонов (греч. *etymon* – истина, основное значение слова – исходное слово, от которого произошло существующее в современном языке слово) [357] слов-номинаций понятия «внешность» (греческого *eidolon* ‘appearance’; латинского *apparere* ‘to appear, be visible’; древнеанглийского *locian* ‘to have a certain appearance’), имеющих обобщенное значение *внешний вид, становится видимым*, позволяет выделить этимологический слой концепта **ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА**. Следовательно, исторически первые

представления о внешности человека включали идею видимого образа.

Выделенные основные обобщенные значения прослеживаются в значениях лексем-номинантов изучаемого концепта – *air, appearance, aspect, exterior, form, guise, look, mien, presence, semblance*, образующих синонимический ряд, в котором выделяется доминанта – лексема *appearance*, содержащая в своем составе наибольшее количество сем и являющаяся именем изучаемого концепта (см. 3.1.4.).

Таким образом, выделенный этимологический слой слов-репрезентантов концепта входит в содержательный минимум концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, представленный в словарной дефиниции и являющийся «актуализацией концепта, всегда частичной и субъективной по отношению к смысловому потенциалу» [99, с. 125], становится основой для формирования стереотипного представления о ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА в английской ККМ и определяет структуру семантического пространства, заданного именем изучаемого концепта – лексемой *appearance*.

3.1.2. Концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА в домене ЧЕЛОВЕК

С точки зрения когнитивной науки образование и интерпретация концепта происходит относительно другой области знания, необходимой для его понимания, когнитивной структуры, блока знания, обеспечивающего его понимание [30; 278]. Для экспликации данной области знания исследователи используют различные термины «домен», «база», «контекст», «концептуальная область», «ментальное пространство». Так, Р. Ленекер отмечает зависимость всех языковых единиц от контекста, а доменом называет контекст, используемый для характеристики семантической единицы. Согласно его определению, домен – это «любая связная область концептуализации, относительно которой характеризуется семантическая структура» [324]. У. Крофт и Д. Круз используют понятие «база», относительно которой профилируется семантическая структура [280], в то время как

Дж. Лакофф использует термин «ментальное пространство» [130]. С.А. Жаботинская определяет домен как «широкий концепт, на фоне которого идентифицируется другой концепт более узкий в информационном плане» [86, с. 255]. Термин «контекст» в качестве аналога термина «домен» используют Е.И. Морозова [154] и Н.Н. Болдырев [30], отмечая, что, передавая тот или иной концепт, лексическая единица активирует соответствующий контекст.

Домены подразделяются на базовые – связанные с опытом человека, и небазовые (абстрактные) – все остальные. Базовые домены – трехмерное пространство, запах, цвет, тактильное ощущение не имеют «фона», а сами служат обобщенным фоном для понимания других концептов [324; 282]. В качестве базовых доменов У. Крофт и Д. Круз выделяют – ВИДЕНИЕ, ВРЕМЯ, СИЛА, ЖИЗНЬ, СОЗНАНИЕ, МАТЕРИЯ, ПРОСТРАНСТВО и др. [280]. Небазовые домены являются более сложными, иерархично организованными. Так, понятия о человеческом теле, родственных отношениях, правилах игры в шахматы представляют собой небазовые домены, так как создают потенциал для существования ряда других концептов более высокого порядка, становящимися доменами для других концептов [323; 324].

Основываясь на данных положениях, считаем, что понимание концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА происходит на фоне домена ЧЕЛОВЕК.

Понятие ‘человек’ включает в себя большой объем культурологической информации философского, мифологического, религиозного характера и представляет собой мировоззренческий концепт, определяемый как важнейший, ключевой национальный и общекультурный [27; 173; 219]. Как базовый, самый важный в культурном отношении концепт ЧЕЛОВЕК определяется Ю.С. Степановым [214].

Человек – это «живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия труда и пользоваться ими в процессе общественного труда» [362, с. 807], «живая система, представляющая собой единство физического и духовного, природного и социального,

наследственного и прижизненно приобретенного» [351, т. 29, с. 51]. Человек представляет собой целостное, интегральное единство трех сфер своего существования – биологического, психического и социального [84], является частью бытия и представляет собой объединение двух начал – души и тела [272; 131].

Внешнее и внутреннее представляют собой «стороны предмета <...>, различающиеся своим местом и ролью в структуре целого. Категория внешнего отражает поверхностную, непосредственно доступную чувствам сторону предмета <...>. Категория внутреннего отражает существенную сторону предмета. Внутреннее непосредственно не дано и познается через внешнее, через проявления. Внешние стороны предмета определяются внутренними <...> и раскрываются, познаются через них» [365]. Человек представляет собой дихотомию «внешнего» и «внутреннего» [261], систему, в которой «внешний человек» и «внутренний человек» выделяются как структурные элементы [230].

«Внешний человек», представляет собой «все то, что человек объективно и субъективно, прагматически, эстетически присваивает своему внешнему виду: физические и нефизические органы (естественные и искусственные), предметы, украшающие человека и покрывающие его тело или используемые для дополнения внешнего облика, динамические признаки внешности (движения тела, мимика, позы, манеры, походка), внешние речевые признаки (голос, речь), а также эстетические, этические, социальные, психологические оценки наружности человека» [113, с. 45].

«Внутренний человек» определяется как «сложная система органов «душевной» жизни, совместно с обычными органами и системами человеческого тела обеспечивающих возникновение, развитие и проявление различных психических реакций и состояний» [115]. Таким образом, человек представлен в единстве его внутренних (душевных) и внешних (физических) ипостасей. То или иное явление психики может быть представлено в речи как находящееся во внутреннем мире человека и как наблюдаемое,

проявляющееся вовне – в его поступках, мимике, жестах, позе, движениях, речи и т.п. [115]. Таким образом, «внутренний» и «внешний» человек представляют собой части целостного языкового образа человека.

Таким образом, концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА понимаем на фоне домена ЧЕЛОВЕК, определяемого, согласно терминологии Р. Ленекера, как небазовый, создающий потенциал для понимания других концептов.

Так, С.В. Олейник отмечает, что концептосферу «ЧЕЛОВЕК» составляют концепты СПОСОБНОСТИ, ВОЗРАСТ, СМЕРТЬ, ЖИЗНЬ, БОЛЕЗНЬ, НАЦИОНАЛЬНОСТЬ и ВНЕШНОСТЬ, последний из которых является наиболее репрезентативным в количественном отношении [164].

Некоторые слова (концепты) представляют многоаспектное знание, включающее несколько различных контекстов, необходимых для их осмысления, которые образуют когнитивную матрицу, представляющую собой систему взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта, которые носят опциональный характер и не предполагают их обязательно одновременное иерархическое ассоциирование с тем или иным концептом [324; 280].

В когнитивные исследования понятие матрицы было введено Р. Ленекером, который определил ее, как простой набор концептуальных областей (conceptual domains) [324]. Матрица сводит воедино знания о разных аспектах одного явления и содержит несколько концептуальных областей, не являющихся строго обязательными. Компоненты, входящие в состав матрицы, могут открывать доступ к концептуальным областям различного уровня сложности. При этом каждый компонент связывает ядро концепта с соответствующей областью знания. Матрица отражает набор концептуальных сфер, имеющих отношение к данному концепту. Матрица есть особый формат знания, специфика которого состоит в объединении в рамках единой концептуальной структуры различных аспектов неязыкового и языкового знания, это формат знания, открывающий доступ к нескольким концептуальным областям [280].

Состав когнитивной матрицы может иметь разную степень наполнения, состоять из любого количества концептуальных областей различной структуры, начиная от базовых концептуальных областей, отражающих пространственное, визуальное, тактильное восприятие мира, например, ФОРМА, РАЗМЕР, ЦВЕТ, ТЕМПЕРАТУРА, до сложных концептуальных областей, отражающих знания об отношениях объектов окружающего мира. Соотношение концептов/доменов, связанных с пониманием внешности человека, представлено на Рис. 3.1:

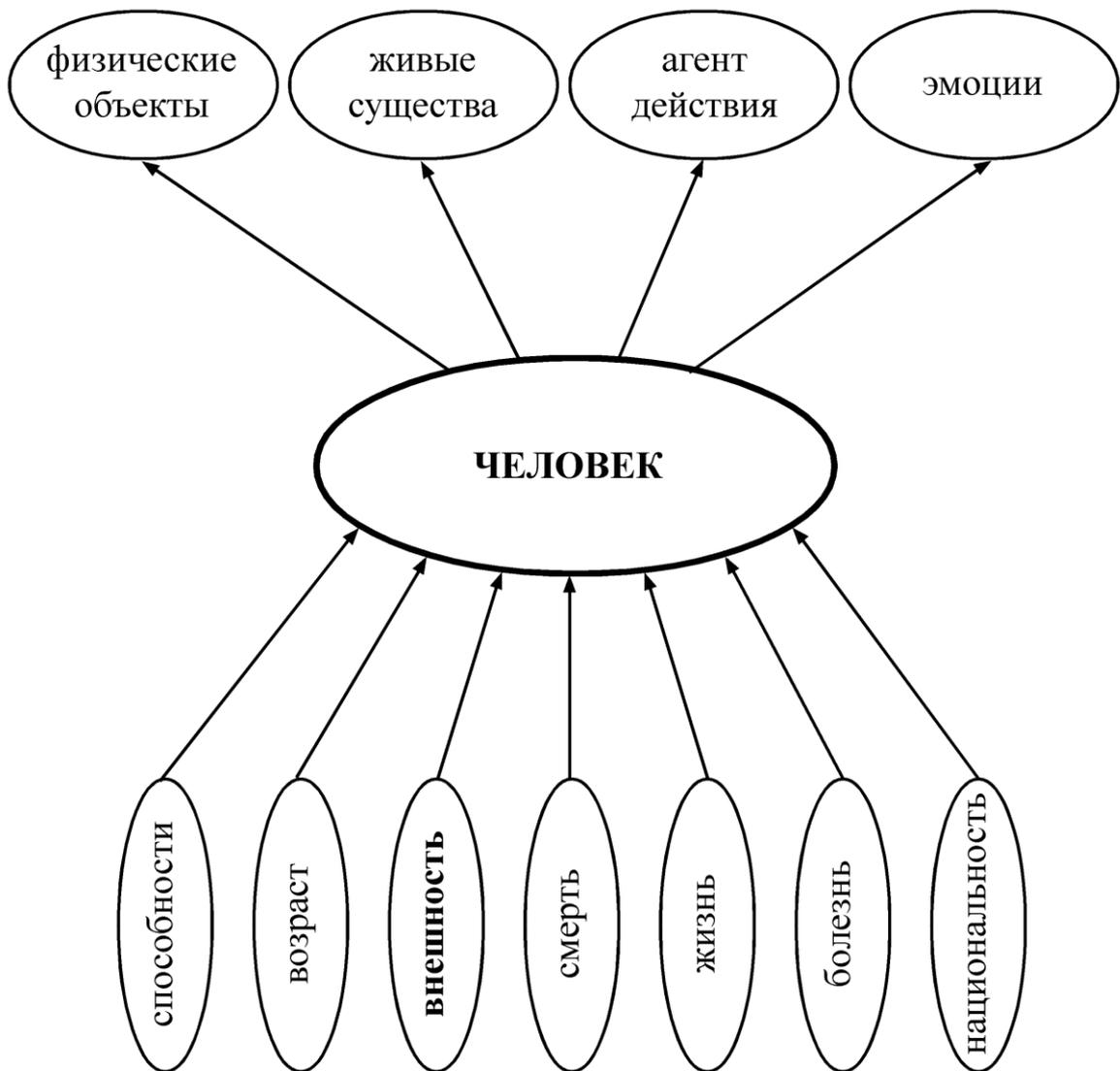

Рис. 3.1. Матрица доменов концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

3.1.3. Имя концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Знаковая природа лингвокультурного концепта предполагает его закрепленность за определенными вербальными средствами его реализации [69]. Концепт может быть выражен различными способами – лексическими, фразеологическими, синтаксическими, главная роль среди которых отводится лексическому [119; 192]. Содержание концепта как единицы мышления выражается значением слова, номинирующего данный концепт [216].

Представляя собой ментальную сущность, концепт приобретает статус лингвокультурного с получением своего имени. Имя концепта – это, прежде всего слово [14], а в случае многозначности один из его лексико-семантических вариантов [65]. Под именем концепта понимается определяемая исследователем лексическая единица, которая представляет собой наиболее употребительное наименование, называющая его в более полном объеме [188], являющаяся семантически наиболее простым, стилистически нейтральным и синтагматически наименее закрепленным [361] и, как правило, совпадающая с доминантой синонимического ряда [69].

Выбор соответствующего имени концепта позволяет правильно объяснить концепт, выраженный языковой единицей, имеющей с ним номинативную связь за пределами контекста [192].

Принадлежность имени концепта к определенной части речи определяется самим изучаемым концептом. Универсальная способность репрезентировать определенную мыслительную сущность принадлежит существительному, имеющему онтологическую категорию предмета. Категория предметности позволяет говорить о предметности сознания, его соотнесенности с реальным миром, а также способности существительных преобразовывать познанный признак в представителя объекта в целом [121]. Как отмечает С.Г. Воркачев, именно существительное отвечает представлению о концепте как об абстрактной сущности, полученной путем овеществления определенных качеств объекта [66].

Выбранная исследователем лексическая единица – имя концепта – должна содержать в своей лексической структуре ядерные признаки концепта, а также иметь наибольшее количество сем, отражающих когнитивные признаки содержания концепта [216].

Синонимический ряд лексем, вербализующих концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, составляют лексемы *appearance, aspect, air, exterior, form, guise, look, mien, presence, semblance*, объединенные общей семой «внешний вид». В данном синонимическом ряду выделяется доминанта – лексема *appearance*, являющаяся многозначной (полисемной), т.е. способна служить для обозначения разных предметов и явлений действительности. Между значениями многозначного слова существует определенная связь, что дает основание считать их значениями одного слова [355].

Анализ дефиниций лексемы *appearance*, зафиксированных в словарях [367; 368; 370; 371; 372; 376; 377], позволил выделить четыре лексико-семантических варианта (ЛСВ), схематично представленные на Рис. 3.2:

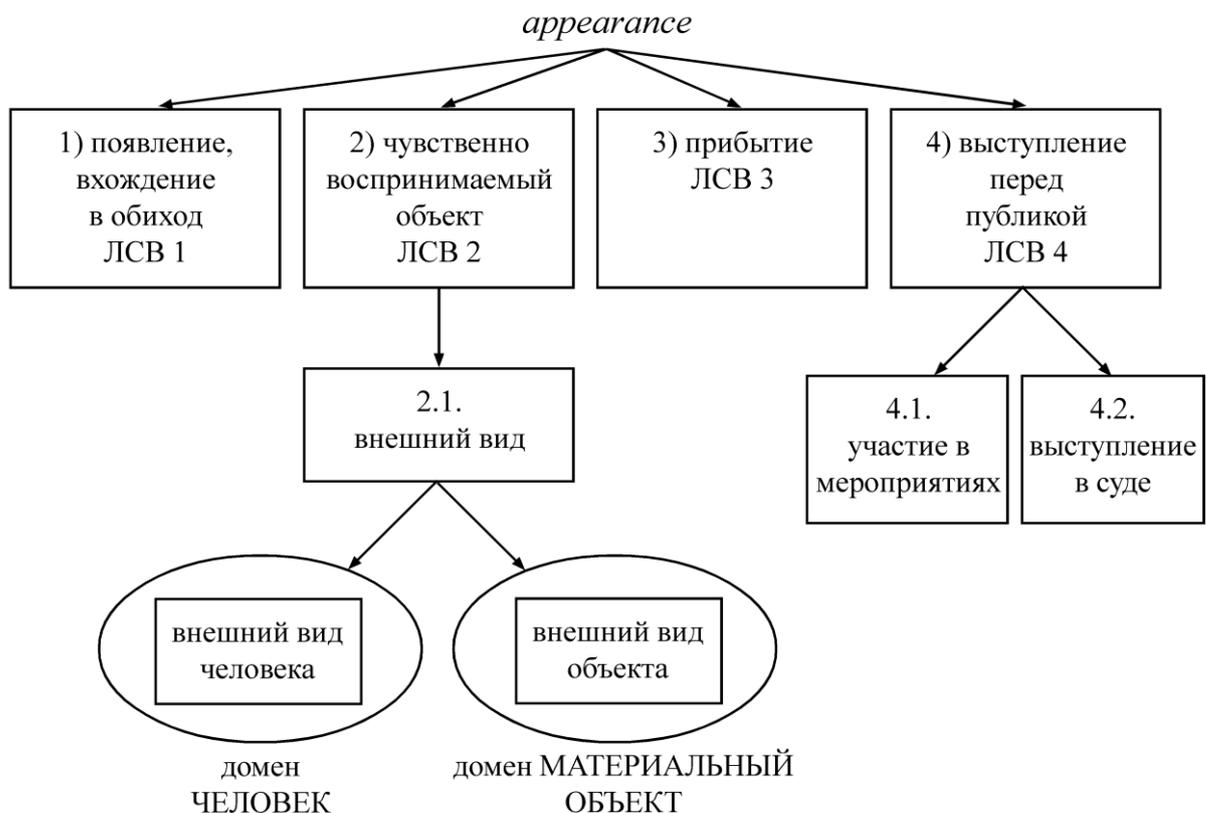

Рис. 3.2. Семантическая структура полисеманта *appearance*

Слово, в зависимости от лексического окружения (контекста, ситуации), как бы поворачивается разными гранями присущей ему семантики [355]. Следовательно, понятийный компонент концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА составляют не все значения лексемы *appearance*, а только значение (2) «чувственно воспринимаемый объект», которое имеет расширение «внешний или зрительно воспринимаемый вид человека или объекта». Лексема *appearance* в данном значении называет внешнюю характеристику как человека, так и физического объекта. Следовательно, понимание понятия «внешний вид» возможно на фоне двух доменов – ЧЕЛОВЕК и МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ, в то время как активация и понимание значений 1), 3) и 4) происходит на фоне других доменов.

Таким образом, в результате анализа фрагментов текстов, содержащих лексему *appearance*, полученных методом сплошной выборки, из 6 тыс. примеров 4 тыс. явились не релевантными для данного исследования, так как лексема *appearance* в них употреблялась в других значениях.

Анализ значений лексем – номинантов концепта позволяет определить количество входящих в их состав сем. Семы представляют собой когнитивные признаки и образуют содержание концепта [215]. Наибольшее количество сем в составе определенной лексемы является одним из критериев признания за этой лексемой статуса имени концепта [65].

В результате семного анализа лексем – номинантов концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА – было установлено, что наибольшее количество сем в составе своего значения имеет лексема *appearance*: ‘внешний или зрительно наблюдаемый вид’ (*the outward or visible aspect*), ‘физическое состояние’ (*the state in which one appears*), ‘манера’ (*manner or style in which a person or object appears*), ‘видимость’ (*semblance; outward and often deceptive look*), ‘признак (свидетельство) чего-либо’ (*outward indication fitted to make a particular impression or to determine the judgment as to the character of a person or thing*), ‘внешнее впечатление’ (*outward impression by which a person or thing is assessed*). Данные семы являются когнитивными признаками изучаемого концепта.

Установлено, что среди десяти лексем, называющих концепт ВНЕШНОСТЬ, и объединенных гиперсемой «внешний вид», лексема *appearance* содержит ядерные признаки изучаемого концепта, составляет его содержание, является наиболее частотной, называет целостный образ внешности, включающий всю совокупность выделяемых в ней признаков и, следовательно, является его именем.

3.1.4. Семантическое пространство внешности

Семантическое описание номинативного поля концепта ВНЕШНОСТЬ заключается в представлении значений входящих в него лексем. В семантическом пространстве информация об определенном фрагменте действительности существует в виде значений, передаваемых языковыми знаками. Следовательно, для того, чтобы описать семантическое пространство внешности, необходимо изучить значения всех лексических единиц, данное понятие номинирующих. Семантическая структура концепта уточняется, дополняется, расширяется значениями синонимов ключевого слова [31; 100; 197]. Как отмечает В.И. Карасик, в памяти людей хранятся некие целостные образы предметов или явлений, а не их дифференциальные признаки. Эти целостные образы анализируются, в результате чего выделяются их различные характеристики или семантические признаки. Данные признаки фиксируются в словарном толковании, содержащем ядерную часть значений и отражающем узуальный смысл, а также в текстах, где реализуется значение, не отраженное в словарном определении [100].

Значение представляет собой сложное образование, состоящее из минимальных единиц смысла, иерархически организованных атомов, называемых по-разному: семами, дифференциальными семантическими множителями, семантическими компонентами, семантическими маркерами, семантическими параметрами, ноэмами [9]. Ю.Н. Караулов, используя термин «семантический множитель», понимает под ним

элементарную единицу содержательного плана, которая, соединяясь с другими единицами, в различных комбинациях и числе, задает значение любого слова в языке [102]. В дальнейшем изложении будет употребляться термин «сема» (греч. *sema* – знак), под которым понимаем «минимальную, предельную единицу плана содержания, элементарное отражение в языке различных сторон и свойств обозначаемых предметов или явлений действительности» [360].

Семантическое пространство номинаций концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА имеет вид лексико-семантического поля, представляющего собой иерархическую структуру множества лексических единиц, объединенных общим значением – интегрирующей семой (др. названия: инвариантная сема, гиперсема, архисема (в терминологии В.Г. Гака [72]), определяемой как сема, «свойственная всем единицам определенного класса и отражающая их общие категориальные свойства и признаки» [360].

Таким образом, лексико-семантическое поле «внешность» строим на основании интегрирующей и дифференциальных сем с центром (ядром), в который входит десять лексем, имеющих в составе своего значения интегрирующую сему «внешний вид» – *appearance, aspect, air, exterior, form, guise, look, mien, presence, semblance*. Данные лексемы являются понятийными (идеографическими) синонимами, общими по своей семантике, и называют целостный внешний вид человека. Каждая из указанных лексем уточняет общее значение «внешний вид», характеризуя разные его аспекты.

Так, лексема *appearance* употребляется для объективации целостного внешнего вида, который впоследствии детализируется:

(16) *Hazlitt carefully observed the visitor's appearance – the broad, high forehead, the projecting eyebrows, and the dark, rolling eyes*

/BNC, AFL 462/

Лексема *aspect* означает внешний вид в определенное время или определенных обстоятельствах, часто выражает эмоциональное отношение [377; 368]:

(17) *These two old people presented at this moment precisely the aspect of a drooping plant to which a little water has given fresh life after long dryness* /BNC, AY5 243/

Лексема *air* означает внешний вид человека, отличающий его от других, выражающий определенную личную характеристику [377]:

(18) *She began to sew, sometimes pausing and looking round, or with the air of a privileged person*

/T. Hardy, *Far from the Madding Crowd*/

Общий, не детализируемый, внешний вид человека объективируется лексемой *exterior*:

(19) *He looked more than ever like a prosperous bagman. It is hard that a man's exterior should tally so little sometimes with his soul*

/S. Maugham, *The Moon and Sixpence*/

Внешнее очертание, целостный внешний вид выражает лексема *form*:

(20) *Such, in outward form and garb, was Clemency Newcome*

/Ch. Dickens, *The Battle of Life*/

Лексема *look / looks* означает внешние физические характеристики человека [370]:

(21) *My dear little creature, do not stay at Portsmouth to lose your pretty looks. Those sea-breezes are the ruin of beauty and health*

/J. Austen, *Emma*/

Внешний вид как отражение характера, чувств, манеры поведения, объективируется лексемой *mien* [377]:

(22) *His manners in private were even more mild and attractive than in public, for there was a certain dignity in his mien during his lecture which in his own house was replaced by the greatest affability and kindness*

/J. Austen, *Emma*/

Производящая впечатление внешность объективируется лексемой *presence*:

(23) Richard was not a big man but his presence was overwhelming

/BNC, KCL 574/

Лексема *semblance* называет внешний вид, внешнюю форму, не имеющую внутреннего содержания, создаваемое внешнее впечатление, видимость [371]:

(24) The lad saw that he was lost, and he is a poor thing, indeed, who cannot face the worst once that worst is shown to be irrevocable. He rose with some semblance of dignity

/J. Austen, Emma/

Лексема *guise* означает обманчивый внешний вид [377]:

(25) In his guise of a French gentleman of leisure, Werper found little difficulty in deceiving his host

/BNC, RTC 131/

Девять из указанных десяти лексем, кроме интегральной семы «внешний вид», имеют в составе своего значения дифференциальные (видовые семы), отличающие, уточняющие родовое понятие и называющие различия лексем. Дифференциальные семы дают основание построить микрополя, лексем в которых объединены общей семой.

Лексико-семантическое поле «Внешний вид» (см. Рис. 3.3) построено по радиальному принципу и имеет центр и периферию. В центре поля находятся лексем, объединенные гиперсемой «внешний вид». Периферию поля образуют лексем, имеющие в своем составе дифференциальные семы, на основании которых образуются микрополя «манера поведения», «мимика», «тело», «костюм», «маска».

(27) *So now Rinkitink, with a serious look on his fat, red face, took off his purple robe and rolled up the sleeves of his tunic and tried again*

/L. Frank Baum, Rinkitink in Oz/

(28) *These internal emotions of jealousy and rage wrought a change on the man's mien and bearing, visible to all who saw him on the fatal morning when Wilson was appointed to suffer*

/W. Scott, The Heart of Mid-Lothian/

(29) *His quick eye she detected again and again glancing towards them with a happy expression*

/W. Scott, The Heart of Mid-Lothian/

(30) *He was an object of suspicion: which the Captain so clearly expressed in his visage*

/Ch. Dickens, Dombey and Son/

(31) *I saw her change countenance. She turned extremely red*

/J. Austen, Emma/

(32) *Her complexion is delicate, but neither so fair nor blooming as Lady Susan's, and she has quite the Vernon cast of countenance*

/J. Austen, Emma/

В свою очередь, лексемы *visage* и *countenance*, имея общую с лексемами *aspect*, *look*, *mien*, *expression* и *cast* сему «выражение лица», имеют дифференциальную сему «лицо», являющуюся общей в составе значений лексем-синонимов *visage*, *countenance*, *complexion*, *features*, что дает основание построить микрополе «лицо».

Лексемы *mien* (33) и *air* (34), кроме гиперсемы 'внешний вид', которая объединяет их с остальными центральными лексемами *appearance*, *aspect*, *exterior*, *form*, *guise*, *look*, *semblance*, имеют в составе своего значения общую дифференциальную сему «манера», что позволяет построить микрополе «манера поведения», в состав которого входят их синонимы *manner* (35), *attitude* (36), *bearing* (37), *address* (38):

(33) *His brother-in-law, Mr. Hurst, merely looked the gentleman; but his friend, Mr. Darcy soon drew the attention of the room by his fine, tall person, handsome features, noble mien*

/J. Austen, Emma/

(34) *There was Miss Rosamund Hunt, still with the fine white hat framing her square, good-looking face, and still with her native air of being dressed for some party that never came off.* /G.R. Chesterton, *Manalive*/

(35) *Her style of beauty, her manner, her voice, her bearing, all combined to give her that instinctive coquetry which seems to be the consciousness of power* /BNC, CNV 355/

(36) *There was something in her eyes, her voice, her attitude, which is never seen in a woman who loves when she ...* /BNC, BAK 621/

(37) *The two friends were first approached by a tall, well-proportioned girl of stately bearing* /J. Austen, *Emma*/

(38) *Lady Middleton was not more than six or seven and twenty; her face was handsome, her figure tall and striking, and her address graceful* /J. Austen, *Emma*/

Одна из десяти лексем, входящих в ядро лексико-семантического поля номинаций концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА на основании гиперсемы «внешний вид», лексема *form* (39) имеет дифференциальную сему «тело» и вместе с синонимами *frame* (40), *physique* (41), *carriage* (42), *figure* (43), также имеющими в составе своих значений данную сему, образуют микрополе «тело»:

(39) *Marianne was still handsomer. Her form, though not so correct as her sister's, in having the advantage of height, was more striking*

/J. Austen, *Sense and Sensibility*/

(40) *He had carefully buttoned up his fashionable coat, which disguised his powerful, elderly frame* /J. Austen, *Emma*/

(41) *As he stood silently <...> the girl watched him in a spell of admiration of his strong and noble face, and his perfect physique*

/V. Woolf, *The Voyage Out*/

(42) *She was a woman of forty, perhaps, very well set up and erect, splendidly robust, though not as tall as the upright carriage of her body*

/V. Woolf, *The Voyage Out*/

(43) *Miss Dashwood had a delicate complexion, regular features, and a remarkably pretty figure* /J. Austen, *Sense and Sensibility*/

По такому же принципу лексемы *semblance* и *mask*, имеющие общую сему «видимость», образуют микрополе «маска», а лексемы *guise* и *dress*, имея общую сему «одежда», формируют микрополе «костюм».

Следует отметить, что исследование словарных определений лексем, называющих внешность, является недостаточным, т.к. в словаре представлены не все значения слова. Важной задачей при исследовании указанных лексем является выделение и различение свойственных им значений на основе анализа текстов. Таким образом, полное представление о семантической структуре концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА возможно только с помощью выявления потенциальных сем, входящих в состав значений лексем, объективирующих данный концепт.

Потенциальные семы отражают различные ассоциации, связанные с обозначаемым предметом или явлением, возникающие в определенных ситуациях употребления слова. Данные семы не являются обязательными для отождествления предмета или объекта и могут быть определены только в ходе анализа текстов на основе анализа сочетаемости лексем [360]. Это семы, которые «отражают не основные признаки явления, а все то, что может характеризовать предмет с большей полнотой, чем только дифференциальные семы. Потенциальные семы могут быть реализованы в переносных значениях или оставаться как содержательная возможность, создавая смысловую глубину и смысловую перспективу слова [215].

В терминологии М.В. Никитина, потенциальные семы представляют собой «импликационал» слова, который определяется как «совокупность сем, индуцируемых интенционалом значения в силу импликационных связей признаков. Импликационал образует периферию значения вокруг его интенционального ядра и упорядочен (организован в структуру) благодаря вероятностному весу и причинно-следственным и иным линейным зависимостям признаков» [159, с. 121]. Импликация признаков, по мнению

М.В. Никитина, не обязательно является истинной. К импликационалу относятся все стереотипные ассоциации, традиционно связываемые с предметом или явлением. Импликация признаков может быть сильной, высоковероятностной, слабой (свободной) и отрицательной [159, с. 121]. Так, сильный импликационал слова девочка составляют все свойственные и ожидаемые признаки девочек, например, внешности (худая – полная), поведения (веселая-спокойная) и др. Основания данных признаков – понятия роста, цвета глаз, конституции и др. заложены в интенционале значения как пустые позиции, семантические валентности для заполнения. Таким образом, интенционал составляет постоянный компонент значения слова, а импликационал – его изменяющийся в контекстах компонент. Импликационные связи являются отражением связей между вещами, вещью и признаками, между признаками [там же].

Интенционал лексемы *appearance* представляет сема «внешний вид». Данная сема составляет постоянный компонент значения этой лексемы и индуцирует импликационал, периферию значения. Так, сильный импликационал значения «внешность» составляют ожидаемые признаки внешности, такие как ‘тело’, ‘манера поведения’, ‘мимика’, ‘одежда’, которые, в свою очередь имплицитируют дополнительные, необязательные признаки, составляющие слабый импликационал. Данные признаки могут быть представлены прилагательными, выражающими оценку внешности:

(44) *His striking appearance – dark complexion, black hair, and athletic figure – compelled attention* /BNC, YE2 153 /

(45) *Mrs. Ferrars was a little, thin woman, upright, in her figure and serious in her aspect. Her complexion was sallow; and her features small, without beauty, and naturally without expression* /BNC, JKL 5632/

Кроме того, импликационал может включать средства вторичной номинации концепта, в частности, концептуальную метафору (концептуальная метафора как средство вербализации концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА рассматривается в Главе 4).

Целью выявления значений лексем-номинантов концепта, называющих его когнитивные признаки, является их последующая когнитивная интерпретация. В результате построения лексико-семантического поля лексем, номинирующих изучаемый концепт, было выделено логическое понятие 'внешность'. В результате анализа фрагментов художественных текстов были получены как неметафорические, так и метафорические номинации изучаемого концепта, составляющие его содержание. В неметафорических номинациях составляющие концепта выступают в роли его логических предикатов, которые тематически могут быть сгруппированы на основе базисных пропозициональных схем:

Посессивная партитивная схема «WH-человек имеет PT-ВНЕШНОСТЬ»: *he had appearance of a country farmer; a gifted writer will also have a charming appearance; I could describe his appearance; I recalled the man's appearance.*

Бытийная локативная схема «ВНЕШНОСТЬ есть ТАМ-место»: место = страна/культура: *Middle-Eastern appearance; Mediterranean appearance; un-English appearance; foreign appearance.*

Бытийная локативная схема «ВНЕШНОСТЬ есть ТОГДА-время»: *youthful appearance; old appearance.*

Идентификационная схема классификации «ID-ВНЕШНОСТЬ есть CL-классификатор/род» род = признак/параметр/знак: *his appearance is an advantage; appearance is of the essential parameters by which a person is judged; appearance is a symbol of success.*

Акциональная схема состояния/процесса «AG-ВНЕШНОСТЬ действует»: *his appearance had changed; his striking appearance compelled attention.*

Акциональная схема контактного действия «AG-ВНЕШНОСТЬ действует на PT-человек»: *the effect their appearance has on these people; they are amused by my appearance.*

Акциональная схема контактного действия «AG-человек действует на РТ-ВНЕШНОСТЬ»: *he takes pride in his appearance; there is no point hating your appearance; I have interest in my appearance.*

Бытийная квалитативная схема «ВНЕШНОСТЬ есть ТАКАЯ-качество»: такая по цвету: *swarthy, florid, pale*; такая по роду деятельности: *military, martial, tailor's*; такая по физическому состоянию: *frail, muscular, lumpy*; по узнаваемости: *familiar, unrecognizable*.

Компаративная схема сходства/анalogии «CV-ВНЕШНОСТЬ есть как AN-коррелят»: *catlike appearance, Bey-like appearance, appearance of crocodiles.*

Концептуальная сеть, представленная на Рис. 3.4, связывает воедино все пропозициональные схемы:

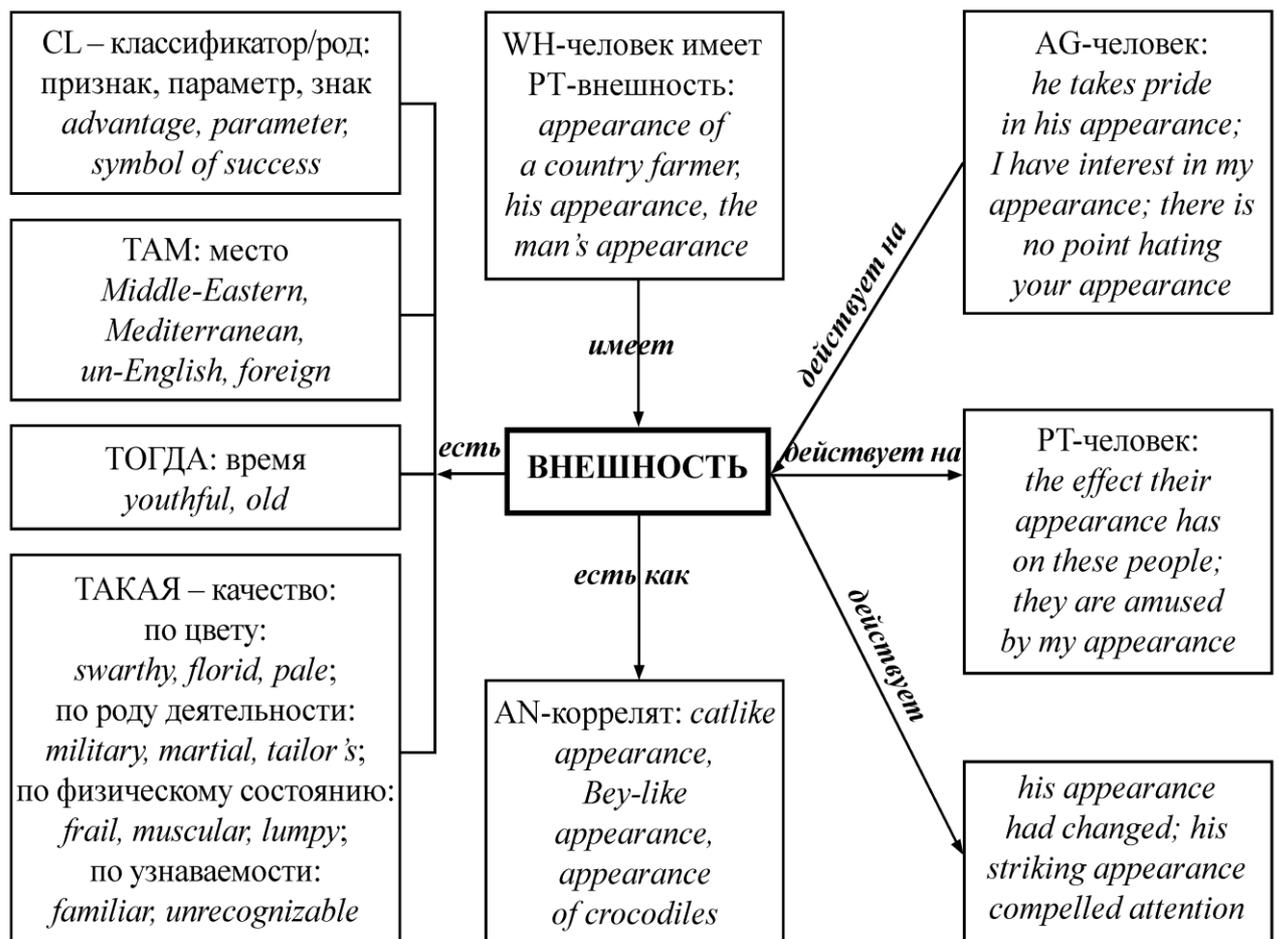

Рис. 3.4. Сетевая модель понятийного компонента концепта

ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Таким образом, концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА вербализуют лексемы – *appearance, aspect, air, exterior, form, guise, look, mien, presence, semblance*, образующие синонимический ряд с доминантой – лексемой *appearance*, являющейся единицей анализа. Исторически первые представления о внешности человека восходят к идее видимого образа, о чем свидетельствует этимологический анализ лексем-репрезентантов. Понимание изучаемого концепта происходит на фоне домена ЧЕЛОВЕК, создающего потенциал для интерпретации других концептов и в то же время, способного выступать в качестве концепта, понимаемого на фоне других доменов.

3.2. Объективация ценностной составляющей концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Внутри ценностного компонента, по мнению Г.Г. Слышкина [211], могут быть выделены аспекты актуальности и оценочности. Актуальность определенного концепта определяется численностью объективирующих его языковых единиц, многообразным потенциалом его знакового выражения, детализацией обозначаемого концептом фрагмента действительности, которая определяется как номинативная плотность (термин В.В. Карасика) в [99; 211]. Семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта, будь то предмет, процесс или понятие. Однако, характеристика актуальности концепта, основанная только на данном признаке, является неполной. Интенсивность функционирования концепта выражается в сумме двух показателей – номинативной плотности и метафорической диффузности [211].

3.2.1. Внешность как объект оценивания

Оценка определяется как «особый когнитивный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту

с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта» [13, с. 35], «непосредственная или опосредованная реакция говорящего (субъекта) на наблюдаемые, воображаемые, воспринимаемые органами его чувств действия, признаки, признаки признаков реальных объектов, объектов внутреннего и внешнего мира говорящего» [171, с. 267].

А.Н. Баранов определяет оценивание как естественный когнитивный процесс, включающий такие этапы, как выбор объекта/предмета оценки, выбор признака-основания оценки, сопоставление предмета с признаком, выбор значения признака оценки, приписывание значения признака оцениваемому предмету, ориентация акта приписывания значения оцениваемого признака на возможность участия в процессе принятия решения [16].

Н.Д. Арутюнова отмечает, что для того, чтобы оценить объект, человек должен «пропустить» его через себя. Этот момент “пропускания” и оценивания и является моментом первичного образования того или иного концепта в сознании носителя культуры. «Оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку. Более всего и наиболее точно оцениваются человеком те средства, которые ему нужны для достижения практических целей» [13, с. 181] и играют существенную роль в его жизни, «общем дискурсивном контексте» [203, с. 10] и поэтому получают многостороннее обозначение в языке.

О сложной многокомпонентной структуре оценки говорят А.А. Ивин и Е.М. Вольф [93; 64]. Так, А.А. Ивин выделяет субъект оценки (человек, приписывающий ценность некоторому объекту), предмет оценки (объект, которому приписываются ценности), основание оценки и характер оценки (положительная или отрицательная) [93]. Е.М. Вольф, определяя оценку как некую модальную рамку, выделяет в ее структуре такие обязательные элементы, как субъект, объект, шкалу оценки и стереотипы, на основании которых выносятся оценка, а также оценочный предикат (оценочное отношение), который может быть представлен как отдельными словами, так и семантикой высказывания в целом [64].

Субъект оценки может быть представлен лицом или социумом, с точки зрения которого дается оценка, а также может быть и неопределенно-личным. Важную роль играет контекст [там же]. Объект оценки – лицо, предмет или событие, которое оценивается – содержит объективные свойства и свойства, которые оцениваются исходя из предпочтений субъекта, его собственных эмоций, а также с учетом социальных стереотипов.

Человеческое мышление основано на обобщениях. Такими обобщенными, устойчивыми образами каких-либо предметов или явлений, используемыми в качестве «сокращений», являются стереотипы [29].

Понятие «социальный стереотип», введенное в 1922 году американским психологом У. Липпманом [327], подразумевает упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «образы мира» в сознании человека, которые помогают ему в восприятии сложных социальных объектов. Встречаясь с каким-либо единичным объектом или живым существом, воспринимающий категоризирует его, т. е. соотносит с неким обобщенным эталоном, стереотипом, в котором зафиксирован обобщенный опыт его взаимодействия с этим классом объектов [175].

В.В. Красных, определяя стереотип как фрагмент картины мира, минимизированное, устойчивое, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или ситуации, выделяет стереотипы поведения и стереотипы-представления. Группу последних составляют стереотипы-ситуации и стереотипы-образы. Стереотипы-представления хранятся в форме клише сознания (гештальта), функционируют как эталоны и предсказывают набор ассоциаций [116, с. 178]. «Эталонность, ориентация субъекта на определенные стереотипы – это общий структурный принцип, объединяющий процессы восприятия, познания и языковую картину мира» [129, с. 368].

По мнению У. Липпмана, в основе процесса стереотипизирования лежит принцип экономии усилий, характерный для человеческого мышления [327]. Функционирование стереотипа предполагает расчленение человеком

действительности с помощью процессов категоризации, подводя предметы и явления под уже имеющиеся категории. Стереотип характеризуется целостностью, оценочностью, наличием доли ошибочной информации, устойчивостью, консерватизмом [182].

М.В. Плясовских относит представления о внешности человека к разряду «этнокультурных стереотипов» [183]. Дж. Лакофф отмечает, что суждения о внешнем виде воспринимаемого человека могут выноситься на основании типичных примеров. «Рассуждение на основе типичных случаев является одним из важнейших аспектов человеческого мышления» [130, с. 123].

В сознании носителя языка существуют определенные представления о типичном внешнем облике представителей различных культур. С типичными представлениями не связаны какие-либо культурные ожидания. В отличие от социальных стереотипов, они используются обычно бессознательно и автоматически [там же, с. 122]:

(46) Virtually every single item on the list of what “we” as English, French, Germans or Czechs are said to have in common, can be acquired by immigrants who wish to do so, except physical appearance, where this differs very markedly from the norm of the receiving population /BNC, NBK 325/

Внешность выступает в качестве одной из черт этнического сопоставления [107]. Следует отметить, что процесс выявления внешних признаков, характерных для представителей разных национальностей, является достаточно сложным:

(47) They commented on a new guest who had just arrived, trying to guess his nationality. Harold thought a moustache like that must be French – Elsie said German – and Mrs. Rice thought he might be Spanish

/A. Christie, Stymphalian Birds/

Тем не менее, «существует какая-то равнодействующая, какое-то трудно определимое в частностях, однако достаточно определенное, обычно общее представление о типе англичанина, русского, немца или француза» [202]. Так, высокий рост, покатые плечи, сияющее, невыразительное

розоватое лицо являются характерными чертами многих немцев:

(48) He was fairly tall, with sloping shoulders, and not fat as yet, but he had that shining, featureless, pink-eggy look so many Germans have

/J.B. Priestley, Bright Day/

Анатомические признаки, а именно высокий рост, крепкое телосложение, ноги, руки, резкие черты лица мужчины указывают на его ирландское происхождение:

(49) He is a tall, strongly-built personage, with real Irish legs and arms, and a face as genuinely national – the high-featured, North-American-Indian sort of visage, which belongs to a certain class of the Irish gentry

/Ch. Brontie, Shirley/

В (50) и (51) на национальность человека также указывают анатомические признаки. Высокий рост, длинные ноги, светлый цвет волос, голубые глаза, стройная фигура указывают на стереотип красивой американки (пример 50), а плоская челюсть и крепкая шея указывают на стереотипного американца (пример 51):

(50) Veronica had been tall, long-legged, and all-American beauty, blonde, blue-eyed, and wafer-thin – one of the post war models in Paris /BNC, JKL 453/

(51) The gentleman on the divan was a powerful specimen of an American. He had the flat jaw and sinewy neck which are frequent in the American type; but the traces of national origin are a matter of expression even more than of feature

/BNC, GHL 221/

Один анатомический признак, например, форма скул, также могут информировать о принадлежности человека к определенной национальности (52) и (53):

(52) He was a small man, very pale, with a gentle almost womanish air. The angle of the cheek-bones hinted at his Slavonic ancestry

/Ag. Christie, The Secret Adversary/

(53) I am not acquainted with that language myself, but I should judge from her manners and appearance that she was French/Ch. Dickens, The Bleak House /

Следующий пример (54) свидетельствует о том, что образ конкретного человека включается в устойчивую ассоциативную связь со стереотипным представлением о внешности типичного англичанина:

(54) A Yorkshire gentleman he was, par excellence, in every point. His forehead was broad, not high; his face fresh and hale; the harshness of the north was seen in his features, as it was heard in his voice; every trait was thoroughly English, not a Norman line anywhere; it was an inelegant, unclassic, unaristocratic mould of visage

/Ch. Bronte, Shirley/

В примере (55) анатомические признаки – крупное лицо, его розовый цвет, голубые глаза, светлые волосы, огромная шея и плечи, большие руки и ноги, взятые в комплексе, составляют образ англичанина:

(55) The man was one of the human beings who are grown to perfection on English soil. He had the fat face, the pink complexion, the hard blue eyes, the scanty yellow hair, the smile with no meaning in it, the tremendous neck and shoulders, the mighty fists and feet, which are seen in complete combination in England only

/W. Collins, After Dark/

Невыразительность, как типичная черта англичанки, отмечена в (56):

(56) His wife was a somewhat colourless woman, very English in type, who always looked as if she was always faintly surprised and disgusted by life

/J.B. Priestly, Angel Pavement/

Представления о внешности подвержены стереотипизации, что находит свое отражение в языке и выражается «маркерами», содержащими стереотипное представление о внешности в сознании воспринимающего [113]. Существующие в сознании воспринимающего определенные стереотипные образы внешности человека могут возникать относительно групповой принадлежности воспринимаемого человека, например, профессии, при этом ярко выраженные черты распространяются на всех представителей этой профессии:

(57) He looked every inch a curate: all about him was pragmatical and self-complacent, from his turned-up nose and elevated chin to his clerical black

gaiters, his somewhat short, strapless trousers, and his square-toed shoes

/J. Austen, Pride and Prejudice/

В некоторых случаях возникает ассоциация, существующая между каким-либо одним признаком внешности и определенным стереотипом, например, борода – признак проповедника:

(58) Charles had taken the precaution of removing his hat – the prophet-bearded man began to stare at him

/J. Fowles, The French Lieutenant's Woman/

Следующий пример (59) свидетельствует о том, что длинные волосы музыканта ассоциируются с его плохим характером:

(59) When you see a musician with long hair, don't you know instinctively that he is bad?

/V. Woolf, The Voyage Out/

Информация о стереотипных профессионально обусловленных характеристиках внешности может быть выражена как эксплицитно (60), так и имплицитно (61), (62):

(60) Like all miners, he was pale, but healthy and taut

/Ch. Dickens, Sons and Lovers/

(61) He was elderly, fat and cheerful; bottomed up in a long black frockcoat, and presenting that closely shaven face and that inveterate expression of watchful humility about the eyes, which we all associate with the reverend personality of a priest

/W. Collins, The Black Robe/

(62) The Captain, with shells on his frockcoat, and a crimson sash and sabre, presented a military appearance, which made Jos quite proud to be able to claim such an acquaintance, and the stout civilian hailed him with a cordiality very different from the reception which Jos vouchsafed to his friend in Brighton and Bond

/BNC, FKC 615/

Основными элементами стереотипного образа, по мнению В.В. Красных [116] являются атрибуты. Следующий пример (63) свидетельствует о наличии устойчивой связи между образом ученого и его обязательным атрибутом – портфелем:

(63) The briefcase under his arm added a professional touch; a picture of a young scientist, O'Donnell thought /W. Collins, *The Black Robe*/

Существующие в сознании гендерные стереотипы определяют восприятие и оценку внешности человека. Ряд положительно оцениваемых признаков портрета мужчины и женщины совпадает с признаками маскулинности и фемининности. Отсутствие принятых гендерных признаков внешности получают отрицательную или нейтральную эмоциональную окраску [105].

С. Степанов отмечает, что объектом рассуждений о красоте является, прежде всего, красота женская. Красота никогда не считалась достоинством мужчины [213]:

(64) *O'Donnell had never been handsome in the Adonic sense, but he had rugged, creased irregularity of face (his nose still carried the scar of an old football injury) which women so often, and perversely, find attractive in men*
/A. Hailey, *The Final Diagnosis*/

Единственным более или менее постоянным признаком является признание положительными качествами мужчины высокий рост и развитую мускулатуру. Мужчина считается красивым при отсутствии у него явных внешне выраженных недостатков [213]:

(65) *But he was not only a fine American; he was in the first place physically, a fine man. He appeared to possess that kind of health and strength which, when found in perfection, are the most impressive – the physical capital which the owner does nothing to "keep up"* /H. James, *The American*/

Степень привлекательности представителей противоположного пола зависит от степени выраженности половых отличий; чем ярче они выражены, тем более привлекательным нам представляется человек. Так, привлекательный мужчина – высокий, крепкого телосложения (66) и (67), а женщина – хрупкая, стройная (68) [там же]:

(66) I like Mr. Baker – I do like him. There is something so manly about him
/Ch. Dickens, *Sons and Lovers*/

(67) *William was a fine fellow, big, straight, and fearless – looking. And they all found him ‘such a gentleman, and such a fine fellow’*

/Ch. Dickens, Sons and Lovers/

(68) *She was such a gentle womanly creature. Like a Madonna*

/Ag. Christie, The lern. Hydra/

Основное различие в красоте мужчин и женщин, по мнению Н.Д. Арутюновой состоит в том, что «красота мужчин более функциональна: в ней доминируют черты борца, главы, головы и сильной личности. Он выбирает предмет любви. Красота женщины ориентирована именно на момент выбора: она должна победить соперниц на «ярмарке невест». Она должна быть привлекательна» [11, с. 23]. Для женщины красота является средством самовыражения:

(69) *Physical appearance is a more vital medium of expression for women than for men; men may like to adorn and admire themselves, but in the last analysis, when something more interesting comes along; adventure, challenge, war; they will drop any interest in appearance, for it is an optional extra*

/BNC, YUC 325/

Внешность занимает место в ядре концепта ЖЕНЩИНА и на периферии в структуре концепта МУЖЧИНА [169]:

(70) *To men a man is but a mind. Who cares / What face he carries or what form he wears? / But woman's body is the woman. O, / Stay thou, my sweetheart, and do never go, / But heed the warning words the sage hath said: / A woman absent is a woman dead*

/BNC, AFK 157/

И.С. Черкасова, изучая этнокультурные особенности ценностных доминант авторов русских и немецких объявлений о знакомстве отмечает, что привлекательная внешность, наряду с положительными чертами характера представляет собой ценность, является наиболее значимым качеством для женщины, и отмечает существование гендерных различий ценностных доминант. Так, при описании женщин чаще, чем при описании мужчин, обращается внимание на внешнюю привлекательность, нежность,

в то время как при описании мужчин чаще акцентируются такие качества, как отсутствие вредных привычек, материальное благополучие, наличие хорошей профессии, ум, чувство юмора [247].

В современном обществе красота становится не только предметом внимания женщин. Мужчины начинают уделять своей внешности большое внимание с целью соответствия существующему в обществе идеалу мужской красоты (71) и (72), а мужчины, не обладающие идеальным телом, могут испытывать чувство беспокойства (73):

(71) Men have also started to become more preoccupied with their overall appearance, so they convince themselves that they need to be slimmer and more muscular in order to be considered attractive /BNC, BNR 352/

(72) It is clear that men have body image issues for pretty much the same reasons that women do – society is preoccupied with people’s looks and this is reflected in the media /BNC, AY7 544 /

(73) If men don’t happen to possess the ideal masculine body – tall, lean, and muscular – they could quite easily find themselves developing body insecurities because so much emphasis is placed on people’s appearance

/BNC, NVY 743/

Англоязычные каноны внешности человека противопоставляют красоту женщин и мужчин, красоту блондинов и других людей. Блондинки и блондины соответствуют английским критериям красоты, что подтверждается использованием словосочетаний *blond and beautiful, fair and beautiful*. Стереотипное представление о женской красоте англичанок – светлые волосы, большие серые глаза, удлинённый овал лица, ровный нос, крупные белые зубы, длинная шея, стройная фигура – соответствует северо-западному европейскому типу внешности человека [150]. «Действительно, в традиции ирландской красивыми и благородными считаются светло-золотые волосы как у женщин, так и у мужчин. Темные волосы считаются знаком «низкого происхождения», что идеально соотносится с теориями субстратной «северной расы», которая существовала на Британских островах

еще в докельтский период и этнически была предположительно близка к уральским народам» [153]:

(74) Miss Herbey is extremely pretty. Her complexion is fair and her eyes deep blue, whilst her pleasing countenance is altogether free from that insignificance of feature which is not unfrequently alleged to be characteristic of English beauty. Her mouth would be charming if she ever smiled, but exposed as she is to the ridiculous whims and fancies of a capricious mistress, her lips rarely relax from their ordinary grave expression /BNC, DA7 3267/

Таким образом, можно утверждать, что во всех лингвокультурах существуют различные гендерные стереотипы, представления об эталонах маскулинности и фемининности, в соответствии с которыми мы ожидаем, что представители того или иного пола должны обладать набором определенных, свойственных данному полу качеств.

3.2.2. Языковые средства оценивания внешности

«Ничем иным, как знанием о ценности обозначаемого, можно объяснить тот тип информации, который выражает оценку. <...> Под оценкой понимается суждение о ценности обозначаемого в целом или отдельного его свойства (объект оценки), но сама оценка имеет разные аспекты – утилитарные, гедонистические, морально-нравственные и т.п., т.е. реестр этих аспектов зависит от того, какую ценность усматривает субъект в объекте» [220, с. 109].

Оценка определяет место объекта в ценностной картине мира и помещает его в некоторую зону оценочной шкалы, являющейся важнейшей характеристикой оценки. «Оценка рассматривается в качестве многоаспектной категории, соотносимой с ценностной шкалой, и определяется как положительная или отрицательная характеристика объекта, связанная с признанием или непризнанием его ценности» [21].

Оценка, представляя собой ценностный аспект значения, по мнению Е.М. Вольф, может быть выражена различными способами – прилагательными,

наречиями, наименованиями предметов и действий, пропозициональными структурами глаголов, семами в составе значения отдельных слов, а также семантикой высказывания в целом. Положительное или отрицательное значение может содержаться в семантике самих единиц или выражаться имплицитно и выводиться на основании последующего контекста [64, с. 7].

В (75) оценочное отношение к внешности, как совокупности зрительно воспринимаемых признаков, образующих целостный образ, выражено контекстом, где внешность человека получает отрицательную оценку, так как отталкивает от него окружающих:

(75) I want people to like me, and they don't. It's partly my appearance

/J. Austen, Sense and Sensibility/

Описание внешности предполагает выявление в ней определенных свойств, признаков, а изучение языковых средств, называющих эти признаки, заключается в выявлении в текстах лексических единиц, эти признаки объективирующих [142].

Прилагательные представляют вид признаков слов, в которых показатель оценки выражен наиболее четко. Имея общую семантическую характеристику, объединяющую их в один класс, они представляют группу предикатных слов, не указывают на предметы или явления, а приписывают им признаки [63] и образуют категорию качества [236]. «Семантической основой прилагательного является качество» [61], «прилагательные детализируют или ограничивают, уточняют или специфицируют, то есть модифицируют представления об актантах, внося свой вклад в их идентификацию и описание» [121, с. 227]. Прилагательные наиболее склонны к приобретению оценочности, что связано с их категориальной сущностью (атрибутивностью) [212, с. 34]. Они являются важнейшим пластом эмотивной лексики, так как сочетают в себе семантические и прагматические аспекты языка благодаря наличию в своей семантике субъективно-оценочных значений или соответствующих коннотаций [5].

В английском языке прилагательные занимают позицию синтаксического атрибута или синтаксического предиката существительного [236]. В работе рассматриваются прилагательные в обеих функциях, так как независимо от своей синтаксической функции, они всегда связаны с тем, что они характеризуют [там же]. Представления о внешности вербализуются в следующих структурных моделях:

1. adj + appearance

(76) *He turned up the collar of his coat and produced a red silk muffler, which completely dashed his festive appearance* /BNC, NY4 674 /

2. adj + in + appearance

(77) *But others thought this frivolous, and they wore "art fabrics" and barbaric jewelry. The men were seldom eccentric in appearance. They tried to look as little like authors as possible* /BNC, AV6 569/

3. appearance + prep + adj + noun

(78) *Being of a more slender figure than Mr. Jarndyce and having a richer complexion, with browner hair, he looked younger. Indeed, he had more the appearance in all respects of a damaged young man than a well-preserved elderly one* /BNC, RTY 783/

4. appearance + be + adj

(79) *His appearance was wild and uncouth; he was big and strong; he gave the impression of untamed passion* /BNC, ANM 653/

5. prep + adj + appearance

(80) *Before Mr. Justice Vaughan and Mr. Baron Alderson, Thomas Griffiths Wainwright, aged forty-two, a man of gentlemanly appearance, wearing mustachios* /BNC, RF2 623 /

6. noun + prep + someone's appearance

(81) *Upright before his face like the sabre of a horse-soldier, now over his shoulder like a musket, now between his finger and thumb, but always in some uncouth and awkward fashion--contributed in no small degree to the absurdity of his appearance. Stiff, lank, and solemn, dressed in an unusual*

manner, and ostentatiously exhibiting – whether by design or accident – all his peculiarities of carriage, gesture, and conduct, all the qualities, natural and artificial, in which he differed from other men /BNC, NМК 765/

Важнейшей особенностью оценки является наличие в ней двух факторов – субъективного и объективного. Субъективный компонент состоит в выражении отношения субъекта оценки к объекту независимо от того, какими свойствами он обладает, в то время как в основе объективного фактора лежат присущие предмету его собственные свойства. Эти две стороны оценки представляют оценочный (эмотивный) и дескриптивный компоненты соответственно, взаимодействующие друг с другом [64]. Оценка ориентирована на ценностную сторону картины мира, как бы накладывается на дескриптивное содержание. В большинстве случаев эмотивность неотделима от обозначения свойств объекта. Тем не менее, при лингвистическом анализе эти два аспекта могут быть разделены [там же]. Наличие субъективного и объективного смысла в значениях прилагательных позволяет разделить их на две группы: объективные и оценочные.

Объективные прилагательные указывают на свойства внешности и не выражают отношение к ней субъекта восприятия.

В (82) средством характеристики внешности является объективное прилагательное *apoplectic*, определяемое как ‘*exhibiting symptoms associated with apoplexy*’:

(82) It is well that the Sol is not far off, for Mr. Weevle presents an apoplectic appearance before half the distance is accomplished. With no worse aggravation of his symptoms, however, than the utterance of divers croaking sounds expressive of obstructed respiration, he fulfils his share of the portage and the exhibiting symptoms associated with apoplexy /BNC, FGK 2433/

В (83) и (84) внешность характеризуется объективными прилагательными *martial*, и *military* определяемыми как *relating to or connected with the armed forces or the profession of arms* и *of, relating to, or characteristic of members of the armed forces*, с помощью которых

воспринимающий субъект не выражает свое отношение к внешности, а только характеризует ее:

(83) *At the end of the six hours the Vizier came back: two people were with him; one, by his martial appearance, I knew to be Holkar, the other I did not recognize* /BNC, CN5 225/

(84) *"I am very glad to see you, Captain Dobbin, sir," says he, after a skulking look or two at his visitor (whose lanky figure and military appearance caused some excitement likewise to twinkle in the bleary eyes of the waiter in the cracked dancing pumps)*

/BNC, NB3 563/

Как отмечает А.А. Кожанов, внешность является фактором этнического сопоставления и может иметь осведомительное значение о национальности человека [107]. В (85) и (86) внешность характеризуется словосочетанием *Middle Eastern appearance* и *Mediterranean appearance*:

(85) *The only clue to the identity of the stocking-masked kidnappers was an eyewitness's vague description that the driver, whose face was not covered, was of Middle Eastern appearance* /BNC, CVN 235/

(86) *The girl behind the counter was Mediterranean in her appearance, with a big shock of dark curly hair out of which she peeped as if from hiding*

/BNC, YR7 345/

В (87) внешность объективирована прилагательным *unrecognizable*, определяемым как *'defying recognition as e.g. because of damage or alteration'*:

(87) *Robyn straightened her dress, glanced in the rear-view mirror at her still unrecognisable appearance and got out* /BNC, FNM 311/

В (88) и (89) способом вербализации внешности являются объективные прилагательные *florid* и *lumpy*, имеющие значения *'flushed with rosy colour, ruddy'* и *'heavy or bulky'* соответственно. Данные прилагательные являются объективными, так как характеризуют внешность с точки зрения ее онтологических характеристик и не выражают оценку субъекта восприятия:

(88) *His big frame, slightly unkempt, thinning blond hair and florid appearance smacked of outdoor activity and a 'hearty' attitude*

/BNC, CVN 436/

(89) *His more than usually lumpy appearance was accounted for by a variety of new bulges about his person, all promising delightful treats*

/BNC, JKV 1134/

В следующем примере отмечен только дескриптивный аспект оценки, выраженный словосочетанием *tailor's appearance*:

(90) *"His father was a gentleman, that's more than you ever were!" screamed Mrs. Hayes. "His father was a man of spirit; no cowardly sneak of a carpenter, Mr Hayes! Tom has noble blood in his veins, for all he has a tailor's appearance; and if his mother had had her right, she would be now in a coach-and-six"*

/BNC, CBN 243 /

Следует отметить, что объективные прилагательные относятся к сфере классификации, не подлежат градуированию, и, в отличие от оценочных прилагательных, не могут быть расположены на оценочной шкале.

Оценочные прилагательные, по мнению Е.М. Вольф, могут быть разделены на три группы: общеоценочные, частнооценочные и аффективные. Общеоценочные прилагательные характеризуют объект с позиции хорошо/плохо, частнооценочные совмещают оценку с дескрипцией, а аффективные содержат в своем значении высокую степень интенсивности и выражают только эмотивность, не обозначая качества объекта оценки [64]. Так, прилагательное *beautiful* относится к частнооценочным, так как совмещает объективные характеристики с оценкой, отражает признак, а *magnificent* является аффективным, так как выражает только оценку.

Н.Д. Арутюнова, в зависимости от основания оценки, выделяет два основных типа оценочных предикатов – общеоценочные и частнооценочные. Первый тип реализуется прилагательными *хороший* и *плохой*, а также их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками (*превосходный, великолепный, отличный, замечательный, скверный,*

нехороший и др.), выражающими холистическую оценку. Частнооценочные предикаты выражают оценку одного из аспектов объекта и подразделяются на следующие категории оценок: 1) сенсорно-вкусовые, или гедонистические (приятный – неприятный); 2) психологические: а) интеллектуальные (интересный, увлекательный, глупый), б) эмоциональные (радостный – печальный); 3) эстетические, формирующиеся на основе синтеза сенсорно-вкусовых и психологических оценок (красивый – некрасивый); 4) этические (моральный – аморальный); 5) утилитарные (полезный – вредный); 6) нормативные оценки (правильный – неправильный, здоровый – больной); 7) телеологические (целесообразный – нецелесообразный) [14].

Данные категории оценок образуют три группы – сенсорные, сублимированные и рационалистические. Сенсорные оценки связаны с чувственным опытом, обычно не мотивируются, а их основанием является испытываемое человеком ощущение. Предикаты этой группы характеризуют в большей мере вкусы субъекта оценки (человека), чем ее объект, выступающего в качестве психического или физического рецептора и характеризующегося тонкостью или грубостью восприятия, с одной стороны, и глубиной или поверхностностью переживаний – с другой. Сублимированные оценки – эстетические и этические – связаны с удовлетворением чувства прекрасного и чувства нравственного, соотносятся с понятием нормы, образца, примера, потенциальных требований, предъявляемых к объекту. Группу рационалистических оценок составляют утилитарные, нормативные и телеологические оценки, т.е. оценки, связанные с практической деятельностью и повседневным опытом человека [14, с. 198].

Л.М. Васильев выделяет следующие типы оценочных предикатов:

- 1) модально-оценочные (выражают только рациональную оценку);
- 2) общеоценочные (выражают рационально-эмоциональную оценку);
- 3) частнооценочные (выражают или преимущественно рациональную, или преимущественно эмоциональную оценку): а) утилитарные (выражают рациональную оценку с точки зрения полезности, возможности использования

кого-, чего-либо в тех или иных целях): *выгодный, благоприятный, бесполезный, пагубный* и т.п.; б) этические (обозначают реакции нашего сознания, опирающиеся на социально обусловленные представления о моральных нормах, о добре и зле): *добродушный, человечный, недобрый, бессердечный* и т.п.; в) эстетические (обозначают эмоциональные и ментальные впечатления от восприятия кого-, чего-либо): *красивый, некрасивый, милостивый, невзрачный* и т.п.; г) сенсорные (гедонические) – возникают в нашем сознании при восприятии чего-либо органами чувств: слухом, зрением, обонянием, осязанием: *неприятный, вкусный, нежный, противный* и т.п.; д) аксиологические, которые обозначают способ представления (сам акт) оценки: ментальный (*считать, находить кого-, что-либо хорошим, красивым, необходимым*), перцептивный (*казаться, выглядеть смешным*), эмоциональный поведенческий (*вести себя, поступать честно, плохо*) и выполняют прежде всего связующую, а не оценочную функцию [59].

Анализируя структуру оценочного дискурса, Н.Н. Миронова рассматривает следующие виды оценок: 1) аксиологические (этические, эстетические, утилитарные, политические/идеологические, религиозные, эмоциональные); 2) модальные (необходимость, долженствование, возможность); 3) экзистенциальные; 4) временные; 5) оценки величин; б) пространственные оценки [152, с. 29].

Д.М. Павкин, анализируя языковые способы формирования аксиологии образа Волшебной Страны в произведениях Дж. Р.Р. Толкиена, выделяет эмотивную, утилитарную, модусную и эстетическую оценку. Эмотивная оценка определяется как оценка, связанная с одобрением или осуждением того или иного явления или предмета (хорошо – плохо). Эмотивно-окрашенная утилитарная оценка связана с практической деятельностью человека (полезный – вредный). Эмотивно-окрашенная модусная оценка подразумевает психологическое или физическое состояние оценивающего субъекта, которое является результатом влияния оцениваемого объекта, и оценивается положительно в случае благоприятного впечатления

Отсутствие зоны нейтрального на шкале рационалистической оценки также объясняется наличием нормы в основании данных оценок. Утилитарные нормы, в отличие от эстетических и этических, представляют собой правила внешней целесообразности. Соответствующая принятым нормам внешность оценивается положительно, в то время как несоответствующая – получает отрицательную оценку.

3.2.2.1. Сенсорная оценка представляет собой оценку, связанную с ощущениями, чувственным опытом – физическим и психическим, характеризует не объект, а субъект как физический и психический рецептор [13], лицо, испытывающее соответствующие чувства. Основанием данной оценки являются не объективные свойства внешности, а испытываемое от ее восприятия ощущение.

Прилагательные, выражающие отношение субъекта к объекту как таковое, без указания на его свойства, например, «приятный», «привлекательный», определяются как «эмотивные» предикаты, оценивающие объект на основании положительного или отрицательного эмоционального состояния, возникающего в результате восприятия объекта [64]. Благоприятное ощущение вызывает положительные эмоции и внешность получает позитивную оценку, и негативную, если ощущение неблагоприятное. Таким образом, отношение человека к внешности другого может быть зафиксировано на шкале с положительным и отрицательным векторами, условно называемыми зонами положительного и отрицательного между которыми находится зона отрицательного.

Оценочная шкала характеризуется неопределенностью. Так, прилагательные, выражающие сенсорную оценку («аффективные» в терминологии Е.М. Вольф) можно разделить по степени их отнесенности к зоне положительного или отрицательного, но их нельзя расположить в пределах одной зоны по порядку нарастания положительного или отрицательного признака. Таким образом, нельзя определить интервалы

между степенями признаков и установить их относительное порядковое место [64, с. 53]. Данные прилагательные не предполагают движение по шкале, так как обозначают предельную степень признака [там же, с. 112].

Зона положительного

В корпусе примеров положительную сенсорную оценку характеризуют прилагательные *agreeable, prepossessing, pleasing, good-humoured, imposing, charming, delightful, striking, remarkable*. Данные прилагательные выражают позитивное отношение субъекта оценки к внешности воспринимаемого на основании положительного эмоционального состояния, возникающего в результате восприятия объекта.

В примере (91) положительная сенсорная оценка внешности выражена прилагательным *agreeable*, определяемым как *'to one's liking; pleasing'*:

(91) *"Mademoiselle," she began, looking fixedly at me with her too-eager eyes, though otherwise presenting an agreeable appearance and speaking neither with boldness nor servility* /BNC, ADK 187/

В примере (92) прилагательное *pleasing*, имеющее значение *'giving pleasure or enjoyment; agreeable'*, также объективирует положительную сенсорную оценку, которая усиливается интенсификатором *exceedingly*. Следует отметить, что приятная внешность, традиционно считающаяся ценностью для своего обладателя, в данном случае не является ценной характеристикой и может быть причиной непринятия молодой девушки другими людьми:

(92) *Either of these young ladies is perfectly qualified to instruct in Greek, Latin, and the rudiments of Hebrew; in mathematics and history; in Spanish, French, Italian, and geography; in music, vocal and instrumental; in dancing, without the aid of a master; and in the elements of natural sciences. In the use of the globes both are proficient. But as she is only eighteen years of age, and of exceedingly pleasing personal appearance, perhaps this young lady may be objectionable in Sir Huddleston Fuddleston's family* /BNC, CVA 568/

Внешность женщины получает положительную сенсорную оценку в примере (93):

(93) *There was one little, prim old lady, of very smiling and good-humoured appearance, who came sidling up to me from the end of a long passage*

/BNC, ACV 854/

Средством выражения данной оценки являются прилагательные *smiling* и *good-humoured*, имеющие значение ‘*disposed to please*’.

Прилагательное *imposing* (94), определяемое как ‘*impressive because of great size, stately appearance, dignity of bearing, etc., making a strong or vivid impression; striking or remarkable*’ также вербализует положительную сенсорную оценку:

(94) *Barbarossa was, in many ways, the epitome of the feudal emperor or prince: he was physically fit and imposing in appearance, he was skilled in arms and he was a great leader and tactician*

/BNC, ASW 717/

Положительная сенсорная оценка выражается также прилагательными *charming* (95) и *delightful* (96), имеющими значения ‘*very pleasing*’ и ‘*highly pleasing*’ соответственно:

(95) *Insofar as Leapor presents herself as genuinely ugly, she has a chance to confound the gentleman's expectation that a gifted writer will also have a charming appearance*

/BNC, AN4 2056/

(96) *Of more interest to her was Sebastian's appearance, which was delightful – wide eyed, golden-red haired, sunny, surprised – and his manner, which, as they fell into chat, was even more attractive*

/BNC, FB0 1958/

Прилагательное *striking*, определяемое как ‘*arresting the attention and producing a vivid impression on the sight or the mind; impressive*’ также выражает положительную оценку:

(97) *Ada Leverson was small but of striking appearance, with bright golden hair and a profile said to resemble that of Sarah Bernhardt*

/BNC, GT1 369/

Зона «отрицательного»

Прилагательные *unprepossessing, sinister, fierce, despicable, demonic, grim, frightening, unpleasing, disagreeable, hateful, detestable* и др. отражают

негативное впечатление, полученное от восприятия внешности, и могут быть отнесены к зоне отрицательного на оценочной шкале.

В (98) внешность оценивается отрицательно, о чем свидетельствует значение прилагательного *unprepossessing* ‘*creating an unfavourable impression*’:

(98) *He traveled about with a black attendant of most unprepossessing appearance, just like another Brian de Bois Guilbert /BNC, GKL 583/*

Неприятной, отталкивающей внешность делает непропорциональность анатомических признаков, например, отсутствие брови на одной части лица и слишком густая на другой (пример 99). Такая внешность объективирована прилагательным *sinister*, определяемым как ‘*suggesting or threatening evil*’:

(99) *On the speckled side of his face he has no eyebrow, and on the other side he has a bushy black one, which want of uniformity gives him a very singular and rather sinister appearance /BNC, ASF 967/*

Негативное отношение может формироваться в результате восприятия формы бровей. Так, внешность характеризуется прилагательным *demonic*, имеющим значение ‘*befitting a demon; extremely bad, disagreeable*’:

(100) *The outward tips of his bushy eyebrows were tilted upwards slightly, giving him a demonic appearance /BNC, B1X 1994/*

Прилагательное *grim*, определяемое как ‘*ghastly; sinister, disagreeable to the senses*’ также выражает негативную сенсорную оценку внешности человека:

(101) *Of rather grim appearance, she wore a tunic of writhing snakes /BNC, B1X 1994/*

Зона нейтрального

Эту зону на оценочной шкале формально занимают прилагательные *ordinary, average, insignificant, plain, vacant, commonplace, normal, usual, nondescript, unexceptional, mediocre, banal, unexceptional* и др.

В то же время, они, обозначая среднюю степень качества, не выражают нейтральную позицию объекта и не указывают на среднюю точку на шкале,

а склоняются к зоне плохого [64]. Носители языка отрицательно воспринимают «усредненность» человека, под которой понимается отсутствие признаков, выделяющих его из большинства [124, с. 343]. Поэтому, слова из семантической зоны среднего склоняются к зоне плохого, что показано в (102) и (103):

(102) *His appearance and demeanour were fairly average and he was not a head-turner for female fans*

/BNC, AP0 587/

(103) *Royal women, too, even though quite ordinary in appearance, may be elevated in public opinion until they are considered to be the utmost in charm and elegance – again difficult to live up to, when they are continually ‘on show’*

/BNC, DPN 895 /

Средствами вербализации по сути отрицательной оценки являются и прилагательные *vacant* (104), *plain* (105), *insignificant* и *commonplace* (106), формально относящиеся к зоне нейтрального и определяемые как ‘*lacking expression*’, ‘*common, average, ordinary, lacking beauty or distinction*’ и *lacking in importance; trivial* соответственно:

(104) *Mr. Barkis, who, with his hat on the very back of his head, and a shame-faced leer upon his countenance, and pervading his very legs, presented but a vacant appearance, I thought*

/BNC, JK6 2476/

(105) *The only gossip which came back to Lucien was that Amber thought him too plain in appearance to work well with Jeopardy, and considered him merely a tool that her lover was using in an attempt to provoke her*

/BNC, GW2 2028/

(106) *He was bigger than I expected: I do not know why I had imagined him slender and of insignificant appearance; in point of fact he was broad and heavy, with large hands and feet, and he wore his evening clothes clumsily. He gave you somewhat the idea of a coachman dressed up for the occasion. He was a man of forty, not good-looking, and yet not ugly, for his features were rather good; but they were all a little larger than life-size, and the*

effect was ungainly. He was clean shaven, and his large face looked uncomfortably naked. His hair was reddish, cut very short, and his eyes were small, blue or grey. He was of commonplace appearance

/BNC, YR4 598/

Таким образом, сенсорная оценка может быть представлена в виде шкалы с тремя зонами – положительного, отрицательного и нейтрального. Каждую зону занимают прилагательные, значения которых позволяют отнести их к той или иной зоне. Сенсорная оценка внешности объективирована прилагательными, не выражающими свойства внешности, а лишь сообщаящими об отношении к ней воспринимающего субъекта, характеризуя в большей степени вкусы субъекта, чем ее объективные свойства. Чем аффективней оценка, тем теснее она связана с собственной позицией субъекта оценивания и тем менее опирается на социальные стереотипы [64]. Следовательно, сенсорная оценка является наиболее индивидуализированным видом оценки, так как связана с ощущением, физическим и психическим чувственным опытом. Уровень эмоционального в сенсорных оценках достаточно высок.

3.2.2.2. Группу **сублимированных** оценок составляют оценки эстетические и этические. Данные оценки определяются как гуманизированные, так как они «возвышаются» (ср. лат. *sublimare* возносить, поднимать кверху) над сенсорными оценками, «гуманизируя» их [181]. Эстетические оценки связаны с удовлетворением чувства прекрасного, этические – с удовлетворением нравственного чувства.

Эстетическая оценка

Представления об эстетически привлекательной внешности отражают своеобразие взгляда определенного социума на человека. Данные представления относятся к числу иерархически сложных признаков совокупностей, сформировавшихся на протяжении исторически длительного периода и вобравших в себя в обобщенном виде разноаспектные признаки и свойства, по которым оценивается внешность человека в данной

национальной культуре [28]. Физическая красота или то, что принято считать красивым в той или иной культуре, является важным фактором при оценке воспринимаемого человека [78].

Эстетическая оценка определяется как «способ установления эстетической ценности какого-либо объекта, осознаваемый результат эстетического восприятия, обычно фиксируемый в суждениях типа «Это красиво!», «Это уродливо!» и т.п.» [366]. Вынести эстетическое суждение об определенном объекте с целью определения его ценности, можно только в результате зрительного восприятия, непосредственного созерцания. «Свойство быть красивым/некрасивым приписывается, прежде всего, зримым объектам окружающего мира. Не вызывает эстетического чувства созерцание объектов, в норме скрытых от зрительного восприятия человека. Так, внутренние органы живых существ подлежат утилитарной, но не эстетической оценке. Если бы человек не улыбался, мы бы не говорили о красивых зубах» [14, с. 12]. Эстетическая оценка является разновидностью сенсорной, так как имеет сенсорно-визуальную природу и является важным элементом целостного языкового образа человека [15; 256; 162 и др].

Как отмечает А.А. Ивин, эстетические оценки «приписывают своим предметам эстетические ценности и обычно формулируются с помощью таких терминов, как «прекрасно», «безобразно», «имеет большую эстетическую ценность» [93, с. 24]. «Эстетическая оценка проявляется как цельная структура опыта, познавательно-информативно и информативно-эмоционально воздействующая на психику индивида и вызывающая у него определенное эмоциональное состояние» [28, с. 74].

Процесс восприятия объекта, с точки зрения эстетики есть процесс поиска в памяти аналогичных идеальных образов, сложившихся ранее, и наложения их на образ воспринимаемого в данный момент объекта. Следовательно, основанием для вынесения оценки с позиции «красиво/некрасиво» являются существующие в обществе стандарты, эталоны, образцы, идеалы.

По мнению В.Б. Мириманова, начиная с самых ранних этапов развития культуры, каждая эпоха выделяет в образе человека определенные качества, представляя его в различных ценностных системах, ипостасях и свойствах [151].

Оценка внешности, по мнению В.М. Богуславского, представляет собой «сложное концептуальное представление о человеке, включающее обыденное знание сферы эстетических и эмоциональных представлений, морально-этических норм, национальные особенности психологии и культуры народа. Во многом эти представления опираются на исторически сложившиеся эталоны, являющиеся своеобразной точкой отсчета в акте оценивания» [28]. «Все ценности в различные эпохи, в разных образах жизни, культурах, у разных классов и даже личностей могут получать неоднозначное – вплоть до противоположного – содержание» [363]. В период перехода от средневековья к Возрождению эстетические ценности обрели невиданный прежде авторитет, и способствовали появлению культа красоты. «Эстетической мысли 18 века стало ясно и то, что красота предмета зависит от такого удивительного качества его строения, которое выражается в невозможности что-либо изменить в его конкретном бытии» [95, с. 107] (ср. с современными трансформациями внешности с целью ее улучшения).

Внешность воспринимается и оценивается в каждой культуре в соответствии с определенными эталонами, под которыми понимаются «обобщенные типизированные представления о лучших свойствах, качествах или признаках того или иного класса явлений» [163, с. 47]. Представления об эталонах внешности человека относятся к числу иерархически сложных признаков совокупностей, сформировавшихся на протяжении исторически длительного периода и вобравших в себя в обобщенном виде разноаспектные признаки и свойства, по которым оценивается внешность человека в данной национальной культуре. Эталоны внешности противостоят среднестатистической норме по признаку положительной эмоциональной окрашенности [28].

По мнению Е.М. Вольф, «норма не есть отсутствие (ноль) признака, нейтральная зона. Она соотнесена с той частью шкалы оценок, на которой помещается стереотипное представление о данном объекте с соответствующим признаком» [64, с. 54]. Шкала изображается, как правило, в виде ряда упорядоченных объектов-предпочтений [13]. Вслед за Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, Д. Болинджером [13; 64; 273], между отметками «норма» и «хорошо» мы располагаем область положительной оценки, при этом норме может быть приписан статус минимальной положительной оценки.

В прилагательных *обычный, нейтральный, обыкновенный, типовой*, по мнению Е.М. Вольф, заложено представление о норме, «о стереотипных классах объектов, обладающих требуемым набором признаков» [64, с. 99]. Deskриптивные признаки, отражающие представления о типичном члене социума получают оценку с помощью ‘нейтральных’ прилагательных. Так, внешность, характеризуемую прилагательным *ordinary*, определяемым как ‘*plain or undistinguished*’, составляют признаки, типичные для англичанки – голубые глаза, розовый цвет лица, пухлые щеки, а также хорошие манеры:

(107) *Here is the true description of her. The ordinary English lady; the clear cold blue eyes, the fine rosy complexion, the inanimately polite manner, the large good humoured mouth, the too plump cheeks and chin: these and nothing more /W. Collins, *The Haunted Hotel*/*

Следующие примеры свидетельствуют о существовании стандарта внешней красоты, характерного для определенного периода (108) и народа (109):

(108) *It was certainly not a beautiful face by any period's standart or taste. But it was an unforgettable and a tragic face*

*/D. Lawrence, *Sons and Lovers*/*

(109) *The beauty of this young girl was not the beauty of an English lady, nor of a French duchess, but the round and glowing beauty of a Flemish Rubens. Cesarine had the turned-up nose of her father, but it was piquant through the delicacy of its modelling, like those noses, essentially French, which have been so well reproduced by Largilliere /BNC, AD7 1876/*

Под влиянием различных социально-исторических условий и обстоятельств наряду с изменением вкусов, моды изменяется и эстетический идеал – образец, соответствующий общепринятому в данный период времени представлению о красивом [73]. Существуют определенные исторические различия в понимании прекрасного, множество идеалов разных этносов и исторических периодов, отражающих сложившиеся в обществе социально-культурные представления о красоте.

Так, в каменном веке красивыми считались женщины, способные родить и выкормить много детей. Идеалом красоты Древнего Египта была стройная и грациозная женщина с зелеными глазами, прямым носом, гладкими черными волосами и изящными руками и ногами. В древнем Китае идеалом красоты считалась маленькая, хрупкая женщина с крошечными ногами, белым лицом, розовыми щеками, длинными ногтями, что считалось символом достоинства и богатства.

В Древней Греции красота человека выражалась в красоте его тела, которое изображалось частично или полностью оголенным. Идеально красивым считался человек, у которого все части тела и черты лица гармонично сочетались. Ценилась природная красота и молодость. Следует отметить, что во внешности человека, представленного греческой скульптурой, нет ярко выраженных индивидуальных черт, «даже реально существовавшие люди, в ущерб сходству, выходили из рук древних скульпторов «богоподобными» и «богонравными» [118, с. 81], вызывавшими в сознании древнего человека вполне конкретный образ – Зевса, Марса, Купидона, Меркурия и др., так как боги древнегреческой мифологии создавались как идеальные образы реально представляемых людей [156]:

(110) See, what a grace was seated on this brow; / Hyperion's curls; the front of Jove himself; / An eye like Mars, to threaten and command; A station like the herald Mercury /W. Shakespear, Hamlet/

Таким образом, внешний облик человека античности представляет собой лишенный индивидуальных черт недостижимый образец прекрасного,

обобщающий символ, общепонятный знак.

В период средневековья на смену античной красоте и гармонии приходит новый тип красоты – духовный. Эстетический идеал человека средневековья формировался в двух направлениях. Одно из них – религия, согласно которой идеалом человека являлся аскет, отрекшийся от радостей земной жизни. Тела людей скрыты под тяжелыми тканями. Идеал женской красоты олицетворяет образ девы Марии – удлиненный овал лица, высокий лоб, большие глаза и маленький рот.

Вторым направлением в формировании эстетического идеала явился идеал рыцарства. Храбрость и сила рыцаря определяли его мужественный внешний вид. Идеал красивого мужчины – рыцаря – сильный, физически выносливый воин с широкими плечами, сильными ногами, волевым гладко выбритым лицом [110]. Образ мужчины-рыцаря стереотипен и не индивидуализирован:

*(111) 'twas a bold warrior that owned that burg. Of mighty stature he was,
and of high age. He was stalwart of limb, and strong in his stride, his face
fiery red, and his speech free: in sooth he seemed one well fitted to be a
leader of valiant men <...> from neck to loin so strong and thickly made,
and with limbs so long and so great that he seemed even as a giant. And yet
he was but a man, only the mightiest that might mount a steed; broad of
chest and shoulders and slender of waist, and all his features of like fashion
/Sir Gawain and the Green Knight/*

В Средневековье мужественность как основная черта мужской красоты впервые противопоставляется женственности, которая олицетворяет идеал женской красоты [96]. В XII-XIII в. появляется культ «прекрасной дамы», в соответствии с которым критерии женской красоты включают блестящие глаза, белое лицо с румяными щеками, маленькие губы:

*(112) ...and Guinevere the queen, gaily clad, sat on the high dais <...> fair
she was to look upon, with her shining grey eyes, a fairer woman might no
man boast himself of having seen /Sir Gawain and the Green Knight/*

(113) *The fairest of ladies was she in face, and figure, and colouring, <...> she was fair, with rich red were the cheeks <...> her throat and neck bare, and whiter than the snow that lies on the hills*

/Sir Gawain and the Green Knight/

Красота эпохи Возрождения снова связана с телом, а совершенная красота заключается в выражении половых отличий мужчины и женщины. В период Раннего Возрождения популярен бледный цвет лица и длинные шелковистые белокурые волосы. Красивая женщина похожа на хрупкую статуэтку с тонкой талией, маленькой головой на длинной «лебединой» шее и высоким лбом. Однако, во время Высокого Возрождения вместо стройных фигур в моде пышные тела с широкими бедрами, слегка красноватая кожа (114), золотистый цвет волос «Тициан» (115):

(114) *"this picture is better than the paintings of that rascally Rubens, with his mountains of Flemish flesh daubed with vermilion, his cascades of red hair*

/BNC, CNM 57/

(115) *She has chromate-of-lead-colored hair, like Titian's mistress, and she is a good girl*

/BNC, NNB 112/

В XXI веке благодаря средствам массовой информации наблюдается нивелирование различий в канонах красоты. Создается новый идеальный образ человека – красивого, уверенного, стильного. Отмечается, что красота может быть не только природной, но и скорректированной, созданной, главной чертой которой является ухоженность. Тем не менее, изменение эстетического идеала не исключает главных и обязательных критериев красоты – гармонии и пропорциональности, создающих законченный целостный образ. Иметь красивые руки, ноги или нос еще не значит быть красивым. Как отмечает Н.Н. Болдырев, оценка объекта в целом доминирует над оценкой отдельных его частей [30]. Основной характеристикой красоты является здоровье (116), а его отсутствие – признаком уродства (117):

(116) *The one serious defect of her face was its paleness. Her cheeks, wanting nothing in form, wanted everything in color. That look of health,*

which is the essential crowning-point of beauty, was the one attraction which her face did not possess /W. Collins, *After Dark*/

(117) – “Do you think she is pretty?”/ “Your governess looks out of health, and (perhaps for that reason) strikes me as being insignificant and ugly

/W. Collins, *The Evil Genius*/

Несмотря на различие вкусов, общие представления о красоте у различных людей совпадают. Лица, считающиеся красивыми в одной культуре, привлекательны для людей с другими культурными корнями [139]. Тем не менее, красота представителей разных культур не подлежит сравнению. «Образы красоты ориентированы на нормативный (таксономический) тип и, следовательно, распределены по классам. <...> Негритянка не может быть красивей японки или украинки, а русская красавица не может сопоставляться с красивой индианкой ...» [там же, с. 22-23]. «При сравнении и градуировании класс объектов, обладающих определенным признаком, выстраивается по шкале оценок. Шкала оценок неразрывно связана с природой объектов. Сравнение по определенному признаку осмысленно лишь в пределах однородного класса» [64, с. 48].

Следует отметить, что эстетические оценки сближаются с сенсорными, являются их разновидностями, так как определение эстетической ценности объекта всегда связано с порождением определенного эмоционального состояния, вызываемого его эстетическими качествами. «Эстетические ценности, будь то природные или созданные человеческими руками, приносят людям ту «пользу», что настраивает их на подлинное человеческое утверждение в объективном мире» [210, с. 92].

Прилагательные, выражающие эстетическую оценку, могут быть расположены на оценочной шкале с зонами положительного и отрицательного.

Зона положительного

В корпусе примеров положительную эстетическую оценку характеризуют прилагательные *genteel, attractive, good-looking, pretty,*

beautiful, smiling, nubile, tantalising, winning, agreeable, captivating, delightful, enchanting, engaging, fascinating, lovely, pleasing, adorable, winsome и др.

В (118) и (119) положительная эстетическая оценка выражена прилагательными *genteel* и *attractive*, определяемыми как ‘*elegantly stylish or fashionable*’ и ‘*very pleasing to look at*’ соответственно:

(118) *Not to put too fine a point upon it, she is very much given to jealousy. And you see, a foreign female of that genteel appearance coming into the shop, and hovering – I should be the last to make use of a strong expression if I could avoid it, but hovering, sir – in the court*

/BNC, CVN 746/

(119) *Leapor’s belief that a man’s attractive appearance or manner may conceal something treacherous is reiterated throughout her writing*

/BNC, JGL 477/

Прилагательное *nubile*, определяемое как ‘*sexually attractive*’, также выражает положительную эстетическую оценку:

(120) *As soon as she gave up dancing in the line to supervise the school, her nubile appearance became plump as she enjoyed dining well, a pleasure shared with John where the plumpness developed into fatness*

/BNC, FDC 589/

Зона отрицательного

Прилагательные *unattractive, forbidding, ill-favoured, ill-looking, objectionable, grotesque, disgusting, dull, unappealing, unpleasant, disagreeable* и др. выражают отрицательную эстетическую оценку.

В (121) и (122) оценка внешности объективирована прилагательными *unattractive*, определяемым как ‘*unpleasant to look at*’ и *forbidding* ‘*looking unpleasant, frightening*’. Данные значения выражают отрицательную оценку, и позволяют расположить указанные прилагательные в зоне отрицательного на оценочной шкале:

(121) *Her personality was drab, earnest and humourless and her appearance calculatedly unattractive*

/BNC, CAM 335/

(122) *Her plain black dress and lace cap, which seemed stuck to her iron-grey hair more by force of will than anything else, all added to her forbidding appearance* /BNC, NMB 532/

Определяемое как *'odd or unnatural in shape, appearance or character; fantastically ugly or absurd; bizarre'*, прилагательное *grotesque* также выражает отрицательную оценку внешности:

(123) *He was too well pleased to get rid of so ugly and useless child. Perhaps the most amusing thing about him was his complete unconsciousness of his own grotesque appearance. Indeed he seemed quite happy and full of the highest spirits* /BNC, ADF 794/

Данные прилагательные, так же как и прилагательные, выражающие сенсорную оценку, могут быть расположены на оценочной шкале с зонами положительного и отрицательного.

Таким образом, зону положительного на шкале эстетической оценки занимают прилагательные *good-looking, pretty, beautiful, attractive, genteel* и *nubile*, а зону отрицательного – *ill-favoured, forbidding, grotesque, unattractive*. Данные прилагательные выражают свойства внешности с позиции красиво/некрасиво относительно установленных норм красивой/некрасивой внешности.

Этическая оценка

Этическая оценка связана с удовлетворением нравственного чувства и выносится на основании соответствия понятию о норме нравственности.

Следует отметить, что эстетическая категория прекрасного выступает в неразрывной связи с моральными аспектами хорошего и должного, также имеющими эмоциональную выраженность. «Чаще всего под прекрасным понимают моральный аспект хорошего, категорию должного, гармонически организованный строй жизни, где все взаимно согласовано. Морально положительные явления, оптимально действуя на восприятие, ассоциативно соединяются в сознании людей с элементами живой привлекательности, свойственной красоте. Человек связывает в данном случае хорошее с красотой, с особым проявлением эстетической организации. В результате и появляется то

самое понятие прекрасного, которое вбирает в себя как хорошее, так и красивое» [231, с. 21]. По мнению Н.Д. Арутюновой, «красота предполагает гармонию между внутренним и внешним обликом человека» [11, с. 26], обозначаемую термином калокагатия (греч.), в котором первый компонент означает «красивый», относящийся к телу (внешнему человеку), а второй «добрый, хороший», относящийся к душе (внутреннему человеку) [там же, с. 10].

Прилагательные, выражающие этическую оценку, могут быть расположены на оценочной шкале, имеющую зоны положительного и отрицательного.

Зона положительного

В корпусе примеров положительная этическая оценка внешности выражена прилагательными *venerable* ('commanding respect by virtue of age, dignity, character, or position'), *gentlemanly* ('befitting a man of good breeding; well-behaved; courteous; polite') и *courtly* ('elegant; refined') (примеры (124), (125) и (126):

(124) *He wears a very handsome grave costume of dark blue, consisting of an embroidered jacket and gaiters, and a pair of trousers, which would make a set of dresses for an English family. His beard curls nobly over his chest, his Damascus scimitar on his thigh. His red cap gives him a venerable and Bey-like appearance* /BNC, RT6 573/

(125) *Before Mr. Justice Vaughan and Mr. Baron Alderson, Thomas Griffiths Wainwright, aged forty-two, a man of gentlemanly appearance, wearing mustachios, was indicted for forging and uttering a certain power of attorney for 2259 pounds* /BNC, YUN 342/

(126) *"In the name of the assembled companions in misfortune," said a gentleman of courtly appearance and address, coming forward, "I have the honour of giving you welcome to La Force* /BNC, MNV 843/

Прилагательное *demure*, определяемое как '*modest and reserved in manner or behavior*', также выражает положительную этическую оценку:

(127) *She must be a woman of complicated character, and there was something dramatic in the contrast of that with her demure appearance*

/BNC, AK7 524/

Зона отрицательного

Средством выражения отрицательной этической оценки внешности являются обнаруженные в нашем корпусе примеров прилагательные *scandalous* и *disgraceful*, определяемые как ‘*causing scandal; shocking*’ и ‘*shameful*’ соответственно, что позволяет отнести их к зоне отрицательного на оценочной шкале:

(128) *This unhappy boy who has run away from his friends and his occupation' / 'And whose appearance,' interposed his sister, directing general attention to me in my indefinable costume, 'is perfectly scandalous and disgraceful'*

/BNC, YRT 634/

Таким образом, шкала этической оценки содержит зоны положительного, на которой расположены прилагательные *venerable*, *gentlemanly* и *courtly* и отрицательного с прилагательными *scandalous* и *disgraceful*. Отсутствие зоны «нейтрального» объясняется тем, что представления о норме лежат в основании эстетических и этических сублимированных оценок. Соответствие нормам, представляющим собой стандарты культурной деятельности, и выражающим представление людей о должном, желательном оценивается положительно, в то время как отклонение от нормы признается аномальным и порицается [359].

3.2.2.3. Рационалистическая оценка связана с практической деятельностью человека, его интересами и повседневным опытом. Основными критериями данной оценки являются физическая или психическая польза, направленность на достижение определенной цели, выполнение некоторой функции (в том числе и той, для которой данный предмет предназначен), соответствие определенному стандарту. Таким образом, рационалистическая оценка, так же как и этическая, соотносится с понятием нормы, и опирается на практическую деятельность человека,

который оценивает действительность, предметы и явления с точки зрения пользы, нормы.

Прилагательные, выражающие рационалистическую оценку, располагаются на оценочной шкале в зонах положительного и отрицательного.

Зона положительного

В корпусе примеров положительная рационалистическая оценка выражена прилагательными *healthy, well-groomed, orderly, dapper, industrious, youthful, clean, tidy* и др.:

В (129) средством объективации оценки является прилагательное *well-groomed*, определяемое как *'having the hair, skin, etc., well cared for; well-dressed, clean, and neat*:

(129) 'I'd have got out the padded shoulders and the four-inch heels had I known you were going to appear looking like someone whom Central Casting had sent to play' her gaze flicked over his well-groomed appearance and immaculate suit ' – the Wall Street tycoon,' she said

/W. Collins, The Evil Genius/

Критерием данной оценки является соответствие принятой в обществе норме выглядеть опрятно, ухоженно, что является неотъемлемой характеристикой успешного делового человека.

Внешность в (130) характеризуется прилагательным *orderly*, имеющим значение *'arranged or disposed in a neat, tidy manner'*:

(130) A woman of orderly appearance rose from her knees in a corner, with sufficient haste and trepidation to show that she was the person referred to

/BNC, GF5 243 /

В (131) положительная рационалистическая оценка внешности человека выражена прилагательным *dapper*, определяемым как *'having a neat appearance: dressed in attractive clothes'*.

(131) Mr. Patel looked extremely agitated, his normal dapper appearance marred by a collar that lay askew round a hastily knotted tie /BNC, CAN 531/

Прилагательные *healthy* и *youthful* также выражают положительную рационалистическую оценку. Так, в (132) и (133) рационалистическая оценка внешности, выражаемая прилагательным *healthy*, имеющим значение *'pertaining to or characteristic of good health'*, выступает во взаимосвязи с оценкой эстетической, так как признаки физического здоровья одновременно являются и признаками эстетическими:

(132) *They were healthy in appearance, many of them remarkably so, and had the manners and deportment of young women: not of degraded brutes of burden* /BNC, EN8 2536/

(133) *Exercise stimulates blood flow to the skin and so gives rise to a healthy appearance* /BNC, EX5 2174/

Положительную рационалистическую оценку внешности выражает также прилагательное *youthful* *'characterized by youth, young'*. Молодость, отраженная во внешности, как правило, свидетельствует о хорошем состоянии здоровья и является преимуществом человека, пользой, так как человеку свойственно желание оставаться молодым:

(134) *My mother was, no doubt, unusually youthful in appearance even for her years; she hung her head, as if it were her fault, poor thing, and said, sobbing, that indeed she was afraid she was but a childish widow, and would be but a childish mother if she lived* /BNC, RE6 243/

Зона отрицательного

В корпусе примеров отрицательную рационалистическую оценку выражают прилагательные *dirty, absurd, shabby, ragged, scruffy, unhealthy, insignificant, untidy, filthy, unclean, sordid* и др., также свидетельствующие о том, что рационалистическая оценка внешности взаимосвязана с эстетической. Таким образом, не соответствующая критериям здоровья внешность оценивается как некрасивая.

Признаки физической слабости и нездоровья выражают отрицательную рационалистическую оценку и ассоциируются с отрицательной эстетической оценкой. Состояние физического здоровья или нездоровья может

соотноситься с признаком окрашенности кожных покровов лица и тела.

Отсутствие здоровья считается признаком уродства:

(135) *“Do you think she is pretty?” / “Looks unhealthy, and (perhaps for that reason) strikes me as being insignificant and ugly*

/W. Collins, The Evil Genius/

Прилагательное *dirty*, определяемое как *‘soiled, as with dirt; unclean’* также выражает отрицательную рационалистическую оценку. Грязная внешность человека становится причиной потери доверия к нему со стороны воспринимающего:

(136) *His confidence in the man vanished as he looked at him and saw his insignificance, his dirty appearance, his shiftiness, and his unintelligent, hairy face*

/BNC, NM3 627/

Как отмечает В.И. Карасик, «в русском языке основным направлением отрицательной оценки является подчеркивание того, что объект оценки – это противный и уродливый человек. Отсюда вытекают приоритетные ценности – быть приятным и быть красивым» [101, с. 205].

Внешность, объективируемая прилагательным *absurd*, определяемым как *‘ridiculously incongruous’*, получает отрицательную оценку, так как отдельные компоненты внешности, в частности, одежда, не делают целостный образ гармоничным, что противоречит известному критерию красивой внешности – гармонии:

(137) *“The women wore them hundreds of years ago, they wear 'em still,” Mrs. Flushing remarked. “My husband rides about and finds 'em; they don't know what they're worth, so we get them cheap. And we shall sell 'em to smart women in London,” she chuckled, as though the thought of these ladies and their absurd appearance amused her*

/BNC, KLV 512 /

Отрицательную рационалистическую оценку внешности выражают такие прилагательные как *shabby* ‘dilapidated or deteriorated in condition, esp. through neglect’ (138), *ragged* ‘unkempt, neglected, not neat’ (139), *scruffy* ‘untidy’ (140):

(138) Her shabby appearance and the battered portmanteau had weighed heavily against the genteel tone of her voice /BNC, HGV 415/

(139) With their ragged appearance, long yellow teeth and simple intelligence, they rank quite low on the social register /BNC, CAC 216/

(140) Graham Hunsley, defending, told the court Melia had been roaming round the country for about a month and stole the jeans after becoming concerned about his scruffy appearance /BNC, K55 7729/

Таким образом, шкала рационалистической оценки, так же как и сублимированной, содержит две зоны – положительного и отрицательного. Отсутствие зоны нейтрального объясняется наличием нормы в основании данных оценок. Утилитарные нормы, в отличие от эстетических и этических, представляют собой правила внешней целесообразности. Соответствующая принятым нормам внешность оценивается положительно, в то время как несоответствующая – получает отрицательную оценку.

Выводы к главе 3

1. Концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, понимаемый как целостный образ, объективируют десять лексем, объединенных интегральной семой ‘внешний вид’ – *appearance, aspect, air, exterior, form, guise, look, mien, presence, semblance* и образующих синонимический ряд, в котором выделяется доминанта – лексема *appearance*. Данная лексема является именем изучаемого концепта, так как содержит наибольшее количество сем в своем значении, а именно ‘внешний вид’, ‘физическое состояние’, ‘манера’, ‘видимость’, ‘признак’, ‘внешнее впечатление’, представляющих когнитивные признаки концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА.

2. Исторически первые представления о внешности включают идею видимого обобщенного образа человека. Этимологический анализ слов-репрезентантов, вербализующих знания о концепте ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, позволил выделить этимоны (греч. *eidolon* ‘appearance’; лат.

apparere ‘to appear, be visible’; др.-англ. *locian* ‘to have a certain appearance’), имеющие обобщенное значение *внешний вид, становится видимым*. Они составляют этимологический слой изучаемого концепта и прослеживаются в значениях лексем-номинантов изучаемого концепта.

3. Дефиниционный анализ лексемы *appearance* свидетельствует о ее многозначности. Из четырех выделенных ЛСВ только один объективирует внешний вид как одушевленного, так и неодушевленного объекта и понимается на фоне двух доменов ЧЕЛОВЕК и МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ. Остальные значения данной лексемы профилируются на другие домены. Таким образом, концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА понимаем на фоне домена ЧЕЛОВЕК, который, в свою очередь, может выступать в качестве концепта, понимаемого на фоне других доменов.

4. Семантическое пространство номинаций концепта ВНЕШНОСТЬ имеет вид лексико-семантического поля, построенного на основании общей и дифференциальных сем. Центр поля включает десять лексем – *appearance, aspect, air, exterior, form, guise, look, mien, presence, semblance*, имеющих в составе своего значения интегрирующую сему «внешний вид», называющих целостный внешний вид человека и характеризующих разные его аспекты. Девять из указанных десяти лексем, кроме интегральной семы «внешний вид», имеют в составе своего значения дифференциальные семы, дающие основание построить микрополя.

5. Ценностная составляющая изучаемого концепта выражается с помощью оценки, под которой понимается реакция субъекта на внешность человека, ее положительная или отрицательная характеристика, связанная с признанием ее ценности. Средством объективации оценки внешности человека являются частнооценочные прилагательные, которые, в зависимости от основания, выражают три типа оценок – сенсорную, сублимированную и рационалистическую.

5.1. Сенсорная оценка связана с ощущениями, чувственным опытом и характеризует не внешность, а субъект ее восприятия. Основанием данной

оценки являются не объективные свойства внешности, а испытываемое ощущение от ее восприятия.

5.2. Группа сублимированных оценок представлена оценками эстетическими и этическими, первые из которых связаны с удовлетворением чувства прекрасного, а вторые – с удовлетворением нравственного чувства. Основанием для вынесения данных оценок являются существующие в обществе стандарты, эталоны, образцы.

5.3. Рационалистическая оценка связана с практической деятельностью человека. Ее основными критериями являются физическая или психическая польза, соответствие определенному стандарту, являющимся основанием оценки.

6. Прилагательные, выражающие оценочное отношение к внешности человека, располагаются на оценочной шкале. Так, прилагательные, выражающие сенсорную оценку, занимают три традиционно выделяемые зоны – положительного, отрицательного и нейтрального/нормы. Прилагательные, выражающие сублимированную и рационалистическую оценки, распределяются только в зонах положительного и отрицательного. Отсутствие зоны нейтрального/нормы объясняется тем, что норма лежит в основании данных оценок.

Основные положения раздела отражены в публикациях [41; 43; 50; 51; 52; 53; 55; 57; 58].

Глава 4

ОБРАЗНО-ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА *ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА*

Структуру концепта **ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА** составляют понятийный, ценностный и образный компоненты, образующие единство. Их синкретичность основывается на выражении оценочного отношения к внешности концептуальными метафорами, объективирующими образный компонент в структуре изучаемого концепта и имеющими оценочные прилагательные в своем составе.

4.1. Метафора как средство реализации образного восприятия внешности человека

Образный компонент концепта, включает перцептивные, т.е. возникающие на основе визуальных, тактильных, звуковых, вкусовых ощущений признаки, а также признаки когнитивные, основанные на метафорическом уподоблении [320; 323]. Метафора как одно из наиболее эффективных средств представления и оценки действительности является основным способом объективации образного компонента.

4.1.1. Подходы к изучению метафоры

Исследования метафоры имеют давнюю традицию и восходят к трудам Аристотеля, который в качестве основы метафорического переноса выделял подобие между двумя предметами и определял метафору как «перенесение слова с измененным значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [8, с. 156].

Традиционно метафора (греч. *μετάφορα* «перенос») рассматривалась как «скрытое образное сравнение, уподобление одного предмета, явления другому» [362; 249], «троп, состоящий в употреблении слов и выражений

в переносном смысле на основании сходства, аналогии» [350, с. 231], «самая обширная форма тропа, риторическая фигура, представляющая собой уподобление одного понятия или представления другому, перенос на него значимых признаков или характеристик последнего, использование его в качестве неполного сравнения или принципа (схемы) функциональной интерпретации» [353, с. 35], «перенос названия с одного предмета (явления, признака, действия) на другой на основе их сходства [355].

Исследователи подчеркивают антропометричность, характерную для метафоры, которая «выражается в том, что сам выбор того или иного основания для метафоры связан со способностью человека соизмерять все новое для него <...> по своему образу и подобию или же по пространственно воспринимаемым объектам, с которыми человек имеет дело в практической деятельности, в жизненном опыте» [220, с. 136].

Исследователи метафоры предлагают различные ее типологии. Так, Н.Д. Арутюнова выделяет четыре группы метафор – номинативные, состоящие в замене одного дескриптивного значения другим; образные, способствующие развитию фигуральных значений и синонимических средств языка; когнитивные, возникающие в результате сдвига в сочетаемости предикатных слов (переноса значения) и создающие полисемию и генерализирующие (как конечный результат когнитивной метафоры), стирающие в лексическом значении слова границы между логическими порядками и стимулирующие возникновение логической полисемии [12].

Е.О. Опарина также выделяет четыре типа метафор – индикативную (или идентифицирующую), именующую класс конкретных предметов на основании видимого сходства, ассоциативного признака, и впоследствии становящуюся дескриптивным наименованием; эвалюативную (или оценочно-экспрессивную), основной функцией которой является выражение эмоционально-оценочной модальности, а именно, характеристики обозначаемого объекта с точки зрения его свойства, вызывающая отношение

одобрения/неодобрения со стороны говорящего; изобразительно-выразительную, нацеленную на образное представление предмета и метафору концептуальную [165].

В.Н. Телия выделяет три базовых типа метафоры – идентифицирующую (или индикативную), когнитивную и образную. Идентифицирующая метафора основана на сходстве означаемого и означаемого по функции, форме и т. п. (например, «ковш экскаватора», «хребет горы» и др.), отражает свойства существующего объекта, и не характеризуется способностью формирования нового понятия, присущей метафоре когнитивной (например, «поле деятельности», «предел воображаемого» и др.). Функцией образной метафоры является «нацеленность на такое художественное воздействие на реципиента, которое вызывает в нем ценностное отношение к миру, определяемое в диапазоне категорий прекрасного или безобразного» [220, с. 98]. Образная метафора может быть оценочной и оценочно-экспрессивной. Оценочная метафора эмотивно нейтральна, выражает отношение говорящего к обозначаемому, суждение о ценности его свойств на основании некоторой шкалы (хорошо-плохо). Результатом оценочно-экспрессивной метафоры является эмотивно окрашенное значение, которое, «отображая действительность и содержа сведения о ее ценности для говорящего, выражает эмоциональное отношение к обозначаемому, соотносимое с чувствами-отношениями типа презрения, стремления к уничтожению кого-либо, желания выразить порицание или, наоборот, восхищение и т.п.» [там же].

М.В. Никитин выделяет два вида метафор – когнитивную и эмотивно-оценочную. Когнитивную метафору он подразделяет на онтологическую и синестезическую. Онтологическая метафора выявляет существенное сходство между сравниваемыми объектами и делится на прямую (в случае названия какого-либо изначально присущего предмету признака), и структурную (в случае названия признака, появляющегося в описании его взаимоотношений с другими объектами). Следует отметить, что в обоих

случаях сходство признаков существует в вещах до сравнения. В первом случае сравниваемые объекты имеют одинаковую физическую природу, во втором сходство состоит не в онтологии признаков, а в их роли в структуре событий. Синестезические метафоры, в отличие от онтологических, не связаны с изначально присущим объектам и предметам признаками, а отражают особенности восприятия сопоставляемых человеком предметов, например, «мягкий грунт», «мягкий выговор», «мягкий характер» «мягкие нравы» и т.д. [161].

В последние десятилетия изучение метафоры приобрело междисциплинарный характер. Понимание метафоры как концептуального явления, механизма познания мира поместило ее в центр внимания лингвистов, философов, психологов. Известно, что «сам термин *метафора* используется в двух значениях – как результат и реже – как процесс. Именно этот последний, деятельностный аспект метафоры самым непосредственным образом связан с когнитивной деятельностью сознания» [220, с. 134].

Метафора, ранее изучавшаяся только как языковое явление, украшение речи, в настоящее время рассматривается как концептуальное явление и представляет собой мыслительную структуру, способ структурирования и объяснения действительности. «В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [12, с. 6]. Как отмечает Дж. Лакофф, метафора присуща не только языку. Понимание одних явлений в терминах других является свойством нашего мышления [320; 321]. Являясь концептуальным феноменом, метафора «тесно связана с культурно специфическими моделями и сенсорно-пространственным опытом человека» [143, с. 20].

4.1.2. Теория концептуальной метафоры

Представители концептуальной теории метафоры определяют ее как «механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего

некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [12], «сложный когнитивный феномен, возникающий в результате взаимодействия двух смысловых комплексов – содержания/фокуса/источника и оболочки/фрейма/цели» [17, с. 185], «одну из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [138, с. 55]. Метафоризация – это «процесс такого взаимодействия сущностей и операций с ними, которое приводит к получению нового знания о мире и к оязыковлению этого знания. Метафоризация сопровождается вкраплением в новый концепт знаний об уже познанном и названном объекте, отображенных в значении переосмысляемого имени, что оставляет следы в метафорическом значении, которое, в свою очередь, «вплетается» и в картину мира, выражаемую языком» [220, с. 136].

Зарубежные авторы определяют метафору как «способ думать об одной области через призму другой» [246, с. 351], понимание одного концептуального домена с точки зрения другого [320; 321; 308; 318; 319; 267; 268; 269], и отмечают, что в основе процесса метафоризации лежит взаимодействие двух структур знания – области «источника» (source domain) и области «цели» (target domain). Область источника представляет собой более конкретное знание, полученное в результате опыта взаимодействия с окружающим миром, практической жизни человека. Область цели является менее ясным, менее определенным и менее конкретным знанием [321]. Таким образом, концептуальная метафора использует более абстрактное понятие в качестве цели и более конкретное понятие в качестве источника [317; 318]. «Наш дух вынужден поэтому обращаться к легко доступным объектам, чтобы, приняв их за отправную точку, составить себе понятие об объектах сложных и трудноуловимых» [166, с. 72]

Процесс, при котором «высвечиваются» («профилируются») отдельные свойства области источника в области цели, определяется как «метафорическая проекция», а устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, получили название «концептуальных метафор» [320]. Как отмечает И.М. Кобозева, согласно когнитивной теории метафоры, «переносу» подвергается не отдельное имя, а целостная концептуальная структура, активируемая некоторым словом (фокусом метафоры) в сознании носителя языка благодаря связи данного слова с данной концептуальной структурой [106].

Дж. Лакофф и М. Джонсон, классифицируют метафоры согласно выполняемой ими когнитивной функции и подразделяют их на онтологические (ontological), структурные (structural) и ориентационные (orientational). В основе онтологических метафор лежит наш опыт обращения с физическими объектами, веществами, контейнерами, что позволяет нам интерпретировать и другие объекты внешнего мира подобным образом. Таким образом, отождествление частей нашего опыта с объектами дает нам возможность относить их к определенным категориям, группировать их, определять их количество, размышлять о них. В качестве примеров онтологических метафор Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют THE MIND IS A MACHINE/ РАЗУМ ЕСТЬ МАШИНА, INFLATION IS AN ENTITY/ ИНФЛЯЦИЯ ЕСТЬ СУЩНОСТЬ и др. [130]. Следовательно, наш опыт взаимодействия с материальными объектами создает основу для широкого разнообразия онтологических метафор, т.е. способов восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т.п., как материальных сущностей и веществ [там же, с. 49]. Основой ориентационных метафор является наш опыт пространственной ориентации в мире, например, «верх – низ», «внутри – снаружи», «передняя сторона – задняя сторона», «центр – периферия» и др. Таким образом, ориентационные метафоры придают концепту

пространственную ориентацию. Примерами ориентационных метафор являются HAPPY IS UP/СЧАСТЬЕ ЕСТЬ ВВЕРХУ, SAD IS DOWN/ГРУСТЬ ЕСТЬ ВНИЗУ и др. [320].

В структурных метафорах один концепт метафорически структурирован в терминах другого, таким образом, естественный опыт в одной сфере используется для понимания другой концептуальной области. Так, метафора ARGUMENT IS WAR/СПОР ЕСТЬ ВОЙНА помогает нам понять наши действия в споре. Таким образом, мы частично понимаем одну область – спор в терминах другой – войны [130]. Развивая идеи Дж. Лакоффа и М. Джонсона, З. Кёвечеш основанием для классификации метафор также считает выполняемую ими когнитивную функцию и выделяет метафоры онтологические, структурные и ориентационные. По мнению ученого, функция онтологической метафоры состоит в том, чтобы придать онтологический статус обобщенным категориям именуемых концептов, т. е. способствовать пониманию нашего опыта с точки зрения объектов, веществ и контейнеров в общем. Однако использование таких обобщенных категорий не дает нам возможности их полного понимания. Придание этим обобщенным категориям детальной структуры является функцией структурной метафоры. Так, концептуализировав РАЗУМ в качестве материального объекта, мы можем более детально структурировать его с помощью метафоры МАШИНА [318].

Когнитивность метафоры состоит в ее функции концептуализации, структурировании мира, а также интеграции опыта. Система метафор согласуется с укоренившейся в определенной культуре системой ценностей. Следует отметить, что ценности, в свою очередь, также являются средством категоризации действительности [130].

Метафора представляет собой когнитивный механизм, помогающий понять абстрактные, перцептивно не наблюдаемые объекты с помощью сравнения их с объектами конкретными [320; 87]. Однако, как показывают

результаты исследования, внешность человека, являясь его зрительно наблюдаемым признаком, также понимается с помощью когнитивной метафоры.

Метафора как способ вербализации представлений о внешности рассматривается в работах Н.И. Сукаленко, О.А. Макаровой, Н.О. Подсеваловой, С.Ю. Селезневой [218; 141; 185; 205].

Так, Н.И. Сукаленко отмечает, что метафоры, выражающие внешний вид, являются наиболее важными, так как «они наиболее непосредственно связаны с чувственной деятельностью человека, невидимым внутренним миром, представленным через мир видимый, внешний» [218, с. 459].

О.А. Макарова, в результате анализа произведений британских авторов, выделяет несколько типов концептосфер, между которыми возникают метафорические переносы – СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА, ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ, ПРОСТРАНСТВО, ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА, ЖИВОТНЫЙ МИР, ВРЕМЯ, ПУТЬ, ДВИЖЕНИЕ, АБСТРАКТНЫЕ ПОНЯТИЯ, ТЕХНИКА/МЕХАНИКА и отмечает высокую степень метафоризации концептосферы ЧЕЛОВЕК. Метафорически характеризуются все свойства и качества человека: представления о внешности, здоровье, эмоциях, чувствах, характере, моральных качествах человека и др. [141].

Н.О. Подсевалова изучает механизмы метафорических и метонимических переносов, действующих в концептуальном пространстве «face», с целью выявления дополнительных признаков концепта FACE, таких как маска, книга, репутация и др. [185].

Метафорическую концептуализацию как основу формирования портретного описания персонажа исследует С.Ю. Селезнева, которая выделяет метафорические концепты, такие как КОНТЕЙНЕР, МИР ПРИРОДЫ и др. и отмечает использование приема персонификации для описания различных черт внешности [205].

В нашей работе метафоры, реализующие знания о внешности человека анализируются с учетом основных положений теории концептуальной

метафоры, согласно которой метафора рассматривается как ментальный феномен, средство концептуализации, структурирования мира, позволяющее понять ту или иную область действительности с точки зрения мыслительных структур, изначально сложившихся на базе опыта, полученного в других областях.

4.2. Диапазон концептуальной метафоры, объективирующей концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

В результате изучения внешности в качестве **области цели** (внешность – референт концептуальной метафоры) были выявлены концептуальные корреляты, составляющие диапазон метафоры.

Так, метафорический диапазон референтного концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА состоит из следующих коррелятов: ЧЕЛОВЕК, ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ, ЗНАК/ИНДИКАТОР, СУБСТАНЦИЯ/МАТЕРИАЛ, ИНСТРУМЕНТ, ЦЕННАЯ ВЕЩЬ, ТОВАР, НАВЯЗЧИВАЯ ИДЕЯ, ЖИВОТНОЕ, САКРАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ.

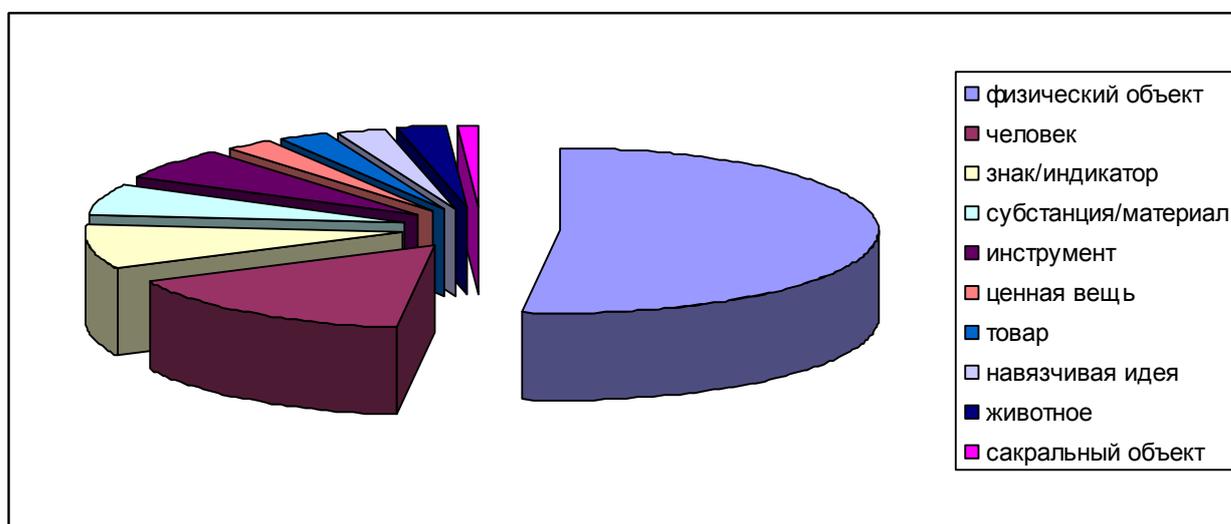

Рис. 4.1. Концептуальные корреляты метафор концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Наиболее частотными в нашей выборке являются корреляты ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ и ЧЕЛОВЕК (41 % и 13 % соответственно). Соотношение частотности

остальных коррелятов следующее: ЗНАК/ИНДИКАТОР (7%), СУБСТАНЦИЯ/МАТЕРИАЛ (5%), ИНСТРУМЕНТ (5%), ЦЕННАЯ ВЕЩЬ (2%), ТОВАР (2%), НАВЯЗЧИВАЯ ИДЕЯ (2%), ДИКОЕ ЖИВОТНОЕ (2%), САКРАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ (1%).

Метафоры, основанные на «повторяющихся систематических корреляциях между явлениями, зафиксированными в нашем опыте», определяются как конвенциональные. Они воспринимаются как привычные способы концептуализации действительности. Метафоры, позволяющие по-новому понять наш опыт, определяются как новые, творческие метафоры [130; 318].

Новые метафоры образуются в результате трансформаций области источника и дают возможность вариативного представления об изучаемом концепте. З. Кёвечеш выделяет четыре типа когнитивных трансформаций области источника концептуальной метафоры, которые представляют собой лингвокогнитивные процедуры *расширения* (extension), *спецификации* (elaboration), *сталкивания* (questioning) и *комбинирования* (combining) [318].

Под расширением понимается трансформация базовой концептуальной метафоры, предполагающая введение нового концепта в домен источника. Трансформация спецификации предполагает детализацию элементов области источника. При когнитивной трансформации сталкивания ставится под сомнение уместность конвенциональной метафоры. В результате процедуры комбинирования происходит активация нескольких концептуальных метафор, объективированных одним метафорическим выражением [там же].

4.2.1. Коррелят ЧЕЛОВЕК

Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, представление объектов и явлений в терминах человека позволяет нам понимать наш опыт взаимодействия с этими сущностями с точки зрения человеческих характеристик [130].

В корпусе примеров выявлен ряд *спецификаций* области источника ЧЕЛОВЕК. Так, в примере (141) объективируется такая характеристика человека, как потребность в еде и внешность понимается как **человек, который хорошо питается**. Способом выражения данной метафоры является словосочетание *well-fed appearance*, где прилагательное *well-fed* имеет значение ‘*adequately or properly nourished*’:

(141) *There is something to be said for having a well-fed appearance*

/BNC, EDA 461/

Внешность понимается как **человек – социальный субъект**, способный участвовать в социальных отношениях, а именно, получать и передавать информацию:

(142) *He led her nearer the light and looked at her again—inquired particularly after her health, and then, correcting himself, observed that he need not inquire, for her appearance spoke sufficiently on that point. A fine blush having succeeded the previous paleness of her face, he was justified in his belief of her equal improvement in health and beauty*

/BNC, EDY 354/

Лингвистическим средством вербализации данной метафоры является глагол *to speak*, определяемый как ‘*to utter words or articulate sounds; talk*’.

Пример (143) свидетельствует о том, что внешность понимается как **человек, сообщающий информацию** разного рода, например, о принадлежности человека к определенной этнической группе. Лингвистическим способом реализации данной метафоры является глагол *to inform*, имеющий значение ‘*to make aware of something, to give or provide information*’:

(143) *Her personal appearance and her imperfect English when she spoke, informed me that she was a foreigner*

/BNC, EFG 652/

Внешность понимается как **ненадежный человек, способный подвести**, разочаровать, что представлено в примере (144):

(144) *If you feel, for example, that your appearance lets you down, perhaps*

you could spend a little time studying magazine features to see where you could make some changes /BNC, AYK 1146/

Средством выражения данной метафоры является словосочетание *your appearance lets you down*, где глагол *to let down* определяется как *'to fail to meet the expectations of; disappoint'*.

В (145) внешность понимается как **человек, способный ввести в заблуждение**, о чем свидетельствует значение глагола *to mislead*, определяемого как *'to lead into error of thought or action, especially by intentionally deceiving'*:

(145) My maid was imprudent in admitting you so easily to my room. I suppose your respectable appearance misled her. I wonder who you are? You mentioned the name of a courier who left us very strangely. Was he married by any chance? Are you his wife? And do you know where he is?

/W. Collins, *The Haunted Hotel*/

Благодаря такой характеристике человека, как способность оказать помощь, внешность понимается как **помощник**, который может способствовать лучшему контакту матери с ребенком:

(146) It adds weight to the idea that plastic surgery benefits many young children, in that improved appearance can help the relationship between mother and child /BNC, G2T 2121/

Такая характеристика внешности, как **способность покорять, завоевывать, пленить** человека, показана в (147):

(147) Being handsome, more Italian-looking than Jewish, his swarthy appearance and broad shoulders captivated the girls /BNC, BN3 410/

Способом объективации данной метафоры является словосочетание *his swarthy appearance captivated the girls*, в котором глагол *to captivate* имеет значение *'to influence and dominate by some special charm, art, or trait and with an irresistible appeal'*.

Внешность понимается как **человек, о котором заботятся** (148) и **человек, которым пренебрегают** (149).

В (148) внешность представлена как человек, которому уделяется слишком много внимания:

(148) Sometimes we care so much about appearance because we see only the perfect world portrayed on the media – TV, magazines, movies and so on
/BNC, CTR 532 /

Средством вербализации данной метафоры является словосочетание *we care so much about appearance*, где глагол *to care* определяется как *'to provide needed assistance or watchful supervision'*.

В (149) внешность понимается как **человек, испытывающий недостаток заботы**, что выражено словосочетанием *neglected appearance*, где прилагательное *neglected* определяется как *'lacking a caretaker'*:

(149) This may be exacerbated by their mental frailty or by their neglected appearance (a vicious circle in this context) or by sensory deficits such as deafness
/BNC, CFE 485/

В (150) внешность представлена как авторитетное лицо, наделенное властью, имеющее полномочия управлять людьми – **руководитель**:

(150) Much information already exists on such topics as how physical appearance affects happiness, self-esteem, and success. It is only the next logical step to examine how appearance governs the environment in which people are immersed in by affecting the opinions of others
/BNC, CV4 643/

Средством объективации данной метафоры является словосочетание *how appearance governs the environment*, где значением глагола *to govern* является *'to control the actions or behavior of'*.

В (151) внешность понимается как руководитель – авторитетный человек, предписывающий определенные действия, диктующий условия:

(151) It was not until many years after the whole Jean-Claude episode was behind me that I realized the extent to which my physical appearance had dictated the terms of my life in Paris

/BNC, FAT 1346/

Способом вербализации данной метафоры является глагол *to dictate*, имеющий значение *'to prescribe with authority; to control or command'*.

В (152) внешность представлена как **соперник** – человек, с которым вступают в противостояние, что выражено словосочетанием *my physical appearance is something that I struggled with*, где глагол *'to struggle'* определяется как *'to contend, battle, or fight'*:

(152) *My physical appearance is something that I struggled with for years, even becoming obsessed with training in the gym convinced that I was skinny* /BNC, GAF 6521/

Внешность понимается как **человек, используя которого можно получить прибыль**:

(153) *Appearance is also exploited enormously by those who wish to sell products, drive consumption and rely upon people always feeling inadequate. Feeling and needing constant reinforcement that one is attractive enough drives all over consumption and addiction* /BNC, FHN 654/

Данная метафора вербализована словосочетанием *appearance is exploited*, где значением глагола *to exploit* является *to take advantage of (a person, etc), esp. unethically or unjustly for one's own needs*.

Таким образом, внешность, понимаемая в терминах человека, наделяется различными, свойственными ему характеристиками, а именно, хорошо питается, получает и передает информацию, имеет достаточное количество внимания или испытывает в нем недостаток, способна подвести, ввести в заблуждение, помочь. Внешность также наделяется способностью покорять, руководить, вступать в противодействие, получать прибыль.

4.2.2. Коррелят ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ

Базовая метафора ВНЕШНОСТЬ есть ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ в результате когнитивной трансформации *спецификации* области источника

детализируется на основе ее дополнительных характеристик. Так, внешность понимается как **физический объект, имеющий площадь:**

(154) *Not only do adolescents start self-consciously considering every square inch of their outward appearance* /BNC, CCN 184/

Данная метафора выражена словосочетанием *every square inch of their outward appearance*, в котором существительное *inch* определяется как ‘*a unit of length*’, что свидетельствует о понимании внешности как материального объекта, имеющего размеры. По мнению В.М. Богуславского, по отношению к «Я» внешность, как физическая форма является в определенной степени независимой, как бы самостоятельно существующей сущностью, что позволяет рассматривать внешность человека как физический объект, характеризующийся пространственной определенностью [28].

В (155) и (156) внешность понимается как **поверхность** физического объекта, на которую можно нанести информацию о личных качествах человека, его привычках:

(155) *Their personalities and habits begin to be printed on their outward appearance* /BNC, FAV 674/

Данная метафора вербализована словосочетанием *printed on their outward appearance*, где глагол *to print* определяется как ‘*to press (a mark or design) onto or into a surface to leave a marking*’.

В (156) метафора выражена словосочетанием *etched in our appearance*, где глагол *etch* имеет значение ‘*to cut on a metal plate, piece of glass, stone etc. to form a picture*’:

(156) *As we grow older, who we are will be more and more clearly etched in our appearance, but we can use this positively and work with it, rather than against it* /BNC, CCN 206/

В примере (157) внешность представлена как **создаваемый физический объект:**

(157) *Realize that these appearances are usually not real. They are designed to portray someone as perfect in some way and more and more*

images have been manipulated by computer to remove defects

/BNC, ANM 583/

Данная метафора объективирована словосочетанием *appearances are designed*. Глагол *to design* определяется как *'to create or contrive for a particular purpose or effect'*. Целью создания определенной внешности является желание соответствовать принятым в обществе стандартам.

В.А. Лабунская отмечает различные мотивы человека для конструирования, «выстраивания» своего внешнего облика, в основе которых лежит необходимость поддержания чувства собственной уникальности с одной стороны, а с другой – стремление показать свою принадлежность к той или иной социальной страте [126].

В (158) внешность понимается как **физический объект, подверженный изменениям** и отмечается, что человек по своему собственному желанию может менять свою внешность так же легко, как и одежду. Данная метафора объективируется словосочетанием *alter body appearance* где глагол *alter* определяется как *'to change or make different; modify, to adjust (a garment) for a better fit'*:

(158) *"The Cult of the L.A. Body" might have created an impression that one could alter body appearance as easily as changing clothes*

/BNC, ADE 763/

Пример (159) указывает на то, что средством данных изменений может быть, например, косметический карандаш:

(159) *With an actress's pencil she had slightly altered the line of her eyebrows, and that, taken in conjunction with the new luxuriant growth of fair hair above, so changed her appearance that she felt confident that even if she came face to face with Whittington he would not recognize her*

/A. Christie, The Secret Adversary /

Внешность может меняться в результате разрушения во внутреннем состоянии человека (160):

(160) *I had a sort of impression that my inner destruction had affected my appearance, that my doom was as it were written on my face*

/J. Conrad, An Outcast of the Islands/

Данная метафора выражена словосочетаниями *changed her appearance* (159) и *affected my appearance* (160), где глаголы *change* и *affect* имеют значения ‘*to transform or convert*’ и ‘*to have an influence on or effect a change in*’, соответственно.

В (161) и (162) внешность представлена как **физический объект, который может быть разрушен**. Данная метафора реализована словосочетаниями *ruin your entire appearance* (161) и *destroy her appearance* (162), в которых глаголы *ruin* и *destroy* определяются как ‘*to harm irreparably, destroy completely; demolish*’ и ‘*to ruin completely; spoil*’, соответственно:

(161) *Unsightly bulges and visible straps will ruin your entire appearance*

/BNC, CDJ 661/

(162) *Henry Crawford had destroyed her happiness, but he should not know that he had done it; he should not destroy her credit, her appearance, her prosperity, too*

/J. Austen, Mansfield Park/

Следующие примеры свидетельствуют о том, что причиной разрушений может быть болезнь или травма (163) или эмоциональные переживания человека (164), однако самыми сильными являются законы притяжения:

(163) *Even if disease or injury does not nullify our appearance, the law of gravity will soon alter it significantly!*

/BNC, BND 123/

Данная метафора объективирована словосочетанием *nullify our appearance*, где глагол *nullify* имеет значение ‘*to deprive (something) of value or effectiveness; destroy, demolish*’.

В (164) средством объективации метафоры является словосочетание *ravages to her appearance*, где существительное *ravage* имеет значение ‘*violently destructive effect*’:

(164) *Turning over, she looked up at Damien's dog-face, and then sat up quickly, trying to repair or disguise the ravages to her appearance caused by the emotional racking she had just endured*

/BNC, GVT 2031/

В (165) внешность представлена как **идеальный физический объект, не имеющий изъянов:**

(165) *Psychologists have developed a new diagnostic measure to gauge individual differences in people's hopes and concerns about a perfect physical appearance*

/BNC, GFD 2414/

Значением лексемы *perfect* является *'being without defect or blemish, excellent and delightful in all respects*. Данный пример указывает на существование в сознании разных людей эталона безукоризненной, идеальной, совершенной внешности.

С точки зрения М. Ямпольского, внешний облик современного человека (тело) все чаще выступает «имитацией некоего идеального тела – отсюда женский грим, имитирующий естественность, культ загара и спортивной комплекции, призванные имитировать здоровье и молодость. Гигантской сферой симуляторов становится реклама и кинематограф» [265, с. 187].

В (166) внешность понимается как **физический объект, имеющий дефекты**, которые человек пытается скрыть с помощью аксессуаров:

(166) *Also such equipment as wigs, visors, jewels, masks, patches, lace, and gauze tended to conceal defects in appearance and tantalize at the same time*

/BNC, AN4 1882/

Данная метафора вербализована словосочетанием *defects in appearance*, где значением существительного *defect* является *'the lack of something necessary or desirable for completion or perfection; a deficiency'*. Наличие изъянов может стать причиной острых переживаний человека, что отмечено в (167):

(167) *I say, in answer, we have proved, first, that the wife was passionately attached to the husband; secondly, that she felt bitterly the defects in her personal appearance, and especially the defects in her complexion; and,*

thirdly, that she was informed of arsenic as a supposed remedy for those defects, taken internally /W. Collins, *Law and the Lady* /

Внешность понимается как **физический объект, за которым что-то находится** (168):

Данная метафора объективирована словосочетанием *beyond his appearance*, где предлог *beyond* имеет значение 'on the far side of; past':

(168) *I did not gather much about him beyond his appearance, which was very disgusting, and which I studied carefully*

/G.K. Chesterton, *The Man Who Was Thursday*/

Как отмечают психологи, внешность есть первое, на что обращено наше внимание в процессе восприятия человека. Следующий этап предполагает интерпретацию увиденных признаков. Таким образом, за внешностью человека может скрываться информация о его внутренних характеристиках, личных качествах и др.

Внешность представлена как **физический объект, являющийся частью, интегрированной в целое.**

Внешность понимается как составная часть человека. В (169) говорится, что после изменений во внешности (например, после пластической операции), человеку необходимо время для привыкания к ней, интегрирования ее в имеющийся образ тела (body image):

(169) *However, even in successful plastic surgery, there is a period of adjustment during which patients integrate their new physical appearance into an established body image. Individuals can experience depression and a feeling of being "lost" in their new body. Consideration of the patient's emotional state before the surgery is critical* /BNC, TR5 542/

Средством вербализации метафоры является словосочетание *patients integrate their new physical appearance into an established body image*, где глагол 'to integrate' имеет значение 'to make part of a larger unit'.

Таким образом, понимание внешности как физического объекта позволяет выделить ее свойства, характеристики: внешность можно

измерить, создать, преобразовать. Внешность может быть как идеальной, так и имеющей изъяны, частью целого, объектом, за которым что-то находится, а также поверхностью, на которую можно нанести информацию о человеке.

Причиной появления новых метафор является когнитивная трансформация *расширения*, которая заключается во введении нового концепта в область источника. В результате данной трансформации в коррелятивный домен базовой метафоры ВНЕШНОСТЬ ЕСТЬ ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ, вводятся новые концепты КОНТЕЙНЕР, ЗДАНИЕ, БАРОМЕТР, ОДЕЖДА, ЗЕРКАЛО, УКРАШЕНИЕ, КНИГА, МАСКА. Теперь эти концепты становятся метафорическими коррелятами концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, и, в свою очередь, детализируются.

Так, метафора ВНЕШНОСТЬ ЕСТЬ КОНТЕЙНЕР имеет ряд *спецификаций*, уточняющих концептуальный коррелят, выделяющих в нем различные характеристики.

Результатом трансформации *спецификации* области источника является понимание внешности в качестве **контейнера, наполненного различными тенденциями, движениями:**

(170) *His physical appearance implied a reservoir into which poured many fashionable currents of the late 1980s: of fitness, of black cool, of conspicuous consumption, of success through one's own efforts, of sportsmen as street glamour figures who anticipated and forged tastes in the way that pop stars did in the Sixties* /BNC, FBL 1368/

Данная метафора вербализована словосочетанием *a reservoir into which poured*, в котором существительное *reservoir* имеет значение 'a natural or artificial pond or lake used for the storage of water', а глагол *pour* 'to make a liquid stream or flow, as from a container'.

В (171) внешность метафорически представлена как **контейнер, в который помещается физическая или умственная энергия:**

(171) *Work your look. What you see is what you get. The more effort you put into your look, the more confident you will feel* /BNC, ADF 5431/

Средством объективации метафоры является словосочетание *effort you put into your look*. В данном примере отмечается связь созданной внешности с самооценкой человека. От количества затраченных на создание своей внешности усилий, зависит уверенность в себе.

В (172) внешность, понимается как **контейнер, содержащий информацию о происхождении человека:**

(172) *In his appearance, speech and manners, he bore broad marks of his origin* /R.L. Stevenson, *Memories and Portraits*/

Средством вербализации метафоры является словосочетание *he bore broad marks of his origin*, в котором глагол *to bear* имеет значение 'to carry or hold something'.

Внешность понимается как **контейнер, в котором могут быть найдены, обнаружены (173) или не найдены (174) качества/характеристики, которыми можно восхищаться**, о чем свидетельствует значение глагола *to find* 'to discover by searching somewhere':

(173) *They found in the appearance of the eldest, who was nearly thirty, with a very plain and not a sensible face, nothing to admire*

/J. Austen, *Sense and Sensibility*/

(174) *There was nothing disagreeable in Mr. Rushworth's appearance, and Sir Thomas was liking him already* /J. Austen, *Emma* /

В (175) внешность понимается как **контейнер, содержащий качества, характеристики, не соответствующие общепринятым нормам, представлениям:**

(175) *Confused by his notice, and blushing from the fear of its being excited by something wrong in her appearance, she turned away her head*

/J. Austen, *Northanger Abbey*/

Словосочетание *something wrong in her appearance*, объективирующее данную метафору, содержит прилагательное *wrong*, определяемое как 'not in accord with established usage, method, or procedure; unacceptable or undesirable according to social convention'.

Внешность может восприниматься как **контейнер, наполненный как приятными, доставляющими удовольствие качествами, характеристиками (176), так и неприятными (177):**

(176) I am sure you will agree with me in saying that none of them can be of a proper size for real Beauty, when you know that two of them are taller and the other shorter than ourselves. In spite of this defect (or rather by reason of it) there is something very noble and majestic in the figures of the Miss Lesleys, and something agreeably lively in the appearance of their pretty little Mother-in-law

/J. Austen, Love and Friendship/

(177) There was something sinister now in his appearance, and as the moonlight touched the hard, cruel faces of the grim and silent men who rode behind him, a little shudder crept over the frame of Joan de Tany

/E. R. Burroughs, The Outlaw of Torn /

В (178) внешность, понимаемая как **контейнер, наполнена свежестью и силой:**

(178) His clothing had proclaimed him a tramp, but, thanks to the razor, Bridge always carried, he was clean shaven. His year of total abstinence had given him clear eyes and a healthy skin. There was a freshness and vigor in his appearance and carriage that inspired confidence rather than suspicion

/E. R. Burroughs, The Mucker/

Внешность, понимаемая как **контейнер, может быть наполнена красотой и изъяснами, что показано в (179):**

(179) He is struck by the Countess's personal appearance, in which beauties and defects are fantastically mingled in the most attractive manner

/W. Collins, The Haunted Hotel/

Таким образом, внешность метафорически представлена как контейнер, в котором может помещаться энергия, информация, качества, различные характеристики.

Внешность понимается как **здание**, что является результатом трансформации *расширения* области источника ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ.

Как отмечает З. Кёвечеш, здание, его части, а также процесс постройки являются распространенной областью источника в процессе метафорической концептуализации [318]. Данная область в результате операции *спецификации*, несет дополнительную информацию о здании, с помощью которого происходит понимание внешности.

Внешность понимается как **здание, которое можно реставрировать и поддерживать в этом состоянии:**

(180) *Restore and maintain youthful appearance with the non-surgical Collagen Programme* /BNC, CFS 1255/

Средством реализации данной метафоры является словосочетание *restore and maintain youthful appearance*, где глаголы *restore* и *maintain* определяются как *'to bring back to an original condition'* и *'to keep in an existing state'*, соответственно.

В (181) внешность понимается как **основание/фундамент**, на котором строится самооценка человека:

(181) *All my life I have believed that my self-worth was based on my appearance* /BNC, RTY 247/

Данная метафора вербализована словосочетанием *based on my appearance*, в котором глагол *to base* определяется как *'to use as a foundation, starting-point etc'*. В данном примере отмечается связь внешности с самооценкой, Я – концепцией (системой представлений человека о самом себе и включающей: а) осознание своих физических, интеллектуальных, характерологических, социальных и пр. свойств; б) самооценку, в) субъективное восприятие влияющих на собственную личность внешних факторов [364]), а именно, способность внешности человека быть основанием для формирования его самооценки.

В результате операции *расширения* внешность понимается как **барометр** – прибор, с помощью которого можно извлечь информацию о человеке:

(182) *For many women, these feelings will come and go and the physical appearance is a useful barometer which the husband, boyfriend or employer will learn to read, if he is wise* /BNC, CCN 163/

Значением существительного *barometer* является ‘*something that registers or responds to fluctuations; an indicator; something that is used to indicate or predict something*’.

Результатом операции *расширения* области источника является понимание внешности как **одежды**.

В (183) внешность представлена как **предмет одежды, которому свойственно терять цвет, изнашиваться**:

(183) *He saw that his faint and worn appearance attracted the attention of the landlord and his waiters* /BNC, AFD 652/

Способом вербализации метафоры является словосочетание *faint and worn appearance*, где прилагательные *faint* и *worn* определяются как ‘*lacking brightness*’ и ‘*impaired or damaged by wear or use*’, соответственно.

В примере (184) внешность понимается как **книга, прочитав которую, можно узнать о личностных качествах человека**.

Данная метафора вербализована словосочетанием *must read your outward appearance*, где глагол *to read* определяется как ‘*to learn or get knowledge of from something written or printed, learn by reading, study*’:

(184) *Your appearance is important! The things you wear convey a message about whom you are and the things for which you stand. The people around you cannot see your heart. Therefore, they must read your outward actions and appearance instead*

/BNC, RUT 672/

Таким образом, опыт получения информации из письменного источника используется нами для извлечения информации о человеке при восприятии его внешности (*to read appearance*).

По мнению С. Рубинштейна, «мы ‘читаем’ людей, т.е. расшифровываем значение их внешних данных. Это ‘чтение’ протекает

бегло, поскольку в процессе общения с окружающими у нас вырабатывается определенный, более или менее, автоматически функционирующий, психологический подтекст к их поведению» [199, с. 180].

В (185) внешность понимается как **книга, содержание которой может быть тщательно изучено:**

(185) *I did not gather much about him beyond his appearance, which was very disgusting, and which I studied carefully* /BNC, ADC 763/

Данная метафора реализована словосочетанием *his appearance, which I studied carefully*, где глагол *to study* определяется как *'to apply one's mind purposefully to the acquisition of knowledge or understanding of (a subject)'*.

Понимание внешности в качестве **зеркала, в котором отражаются черты характера человека**, также является результатом трансформации расширения, о чем свидетельствует следующий пример (186):

(186) *The Romans were interested in conveying aspects of individual character as these were reflected in personal appearance* /BNC, AR4 327/

В (187) и (188) метафора выражена словосочетаниями *mental and emotional problems were often reflected in a patient's physical appearance* (187) и *vanity, exhibitionism, and status-seeking... are reflected in narcissists' physical appearance* (188):

(187) *In his therapeutic work, he found that mental and emotional problems were often reflected in a patient's physical appearance, and began to think that emotions were "locked into" the body by muscular tensions, a good example being "stiff upper lip" and the way that anger can be suppressed by a clenched jaw* /BNC, RY6 652/

(188) *Narcissism is associated with vanity, exhibitionism, and status-seeking. Our findings show that these values are reflected in narcissists' physical appearance – in the clothes they wear, the effort they put into their appearance, and their less-inhibited display of their bodies*

/BNC, NBT 721/

В результате трансформации *расширения* внешность понимается как **украшение**, в частности **обложки популярного журнала**, о чем свидетельствует значение глагола *to grace* 'to give beauty, elegance, or charm to':

(189) *It is primarily her appearance, not the formal language of her art, that has graced the pages of Elle and Vogue magazines*

/BNC, A6U 186/

Понимание внешности как **маски**, надев которую можно ввести в заблуждение, происходит также за счет операции *расширения*, что показано в (190):

(190) *I was a fellow of exquisite dissimulation, who had put on the appearance of poverty in order more effectually to mislead the public*

/BNC, CMH 453/

Средством объективации данной метафоры является словосочетание *put on the appearance of poverty*, в котором глагол *put on* имеет значение 'to dress oneself in'.

Внешность, метафорически понимаемая как **маска**, **может скрывать информацию** о человеке, что показано в (191):

(191) *Appearances are just that – they are what things look like, not what things actually are. You can feel happier about your appearance by focusing on what lies beneath appearance – this is the "real" you!* /BNC, AFG 824/

Внешность, понимаемая как **маска**, **может скрывать информацию о внутреннем состоянии человека**, в частности глубоко укоренившееся психологическое напряжение:

(192) *Beneath the outward appearance of self-assurance and scholarly success, deep-seated psychological tensions were being set up in Nizan's personality, tensions exacerbated by changes in Nizan's family and educational situation, tensions that were to lead to a personal crisis* /BNC, FTW 228/

Внешность, понимаемая как **маска**, **способна скрывать плохие побуждения** человека:

(193) His pleasant appearance and delightful manner conceal bad motives
/BNC, AN4 1085/

Способом вербализации метафоры в этих примерах является предлог *beneath*, определяемый как ‘covered or concealed by’ (193) и глагол *to conceal* означает ‘to keep from being seen, found, observed, or discovered; hide’ (194).

Внешность, понимаемая как **снятая с лица маска**, наоборот, **сообщает ранее неизвестную информацию о человеке:**

(194) No one would claim that appearance is everything, but it is true that appearance reveals much about us
/BNC, C9R 2053/

Данная метафора реализована словосочетанием *appearance reveals*, где глагол *to reveal* определяется как ‘to make known (something concealed or secret); show; lay open to view’.

В следующих примерах указан тип информации, извлекаемой из внешности, а именно, личностные качества, привычки, предпочтения, состояние здоровья (195), взгляды и убеждения (196):

(195) To a certain degree, your physical appearance reveals personal characteristics, habits, preferences, and health potential. Facial features are a physical representation of your inner energies
/BNC, CT7 256/

(196) Your appearance reveals to others your commitments and beliefs. Your appearance reveals what you are!
/BNC, ERT 872/

Выделенные нами концептуальные метафоры образованы в результате когнитивных трансформаций *спецификации* и *расширения* области источника ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ. Данные метафоры связаны с различными видами материальных объектов и позволяют обратить внимание на различные аспекты опыта, используемого для понимания внешности.

4.2.3. Коррелят ЗНАК / ИНДИКАТОР

В метафорический диапазон референтного концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА входит коррелят ЗНАК / ИНДИКАТОР, на основе которого

образуется базовая метафора ВНЕШНОСТЬ есть ЗНАК/ИНДИКАТОР. Далее происходит спецификация области источника, которая детализирует данную метафору.

В (197) внешность понимается как **знак, символизирующий успех** в профессиональной деятельности:

(197) A growing body of research supports what many suspect: In the workplace, an employee's physical appearance is a powerful symbol that affects job success /BNC, ANM 254/

Данная метафора вербализована словосочетанием *an employee's physical appearance is a powerful symbol*, где существительное *symbol* имеет значение *'something that represents something else by association, resemblance, especially a material object used to represent something invisible'*.

Внешность также понимается как **знак, который может содержать информацию о мыслях, чувствах и ценностях человека**, что показано в (198):

(198) Your appearance and clothing are indications of your inner thoughts, attitudes, values, and feelings /BNC, CY6 336/

Средством реализации данной метафоры является словосочетание *appearance and clothing are indications*, где существительное *indication* имеет значение *'something that serves to indicate; a sign'*.

Внешность также понимается как **знак, содержащий информацию о происхождении человека** (199), его **социальном положении** (200):

Данная метафора вербализована словосочетаниями *appearance denoted* и *appearance proclaimed*, где глаголы *to denote* и *to proclaim* определяются как *'to mark; indicate; signify'* и *'to indicate conspicuously; make plain'*, соответственно:

(199) The newcomer was evidently of Scandinavian origin – both his appearance and accent denoted that /E.R. Burroughs, The Son of Tarzan/

(200) His lofty brow, straight nose, narrow, dark face with its chiseled delicacy of feature, gave him an aristocratic appearance which proclaimed his pure descent /J. Conrad, An Outcast of the Islands/

Следует отметить, что в (200) на аристократическое происхождение человека указывают анатомические признаки, а именно, брови, нос, лицо, в то время как информацию о материальном положении несет социальный признак внешности, а именно, одежда, являющийся в данном случае, наиболее выделенным, что очевидно из примера (201):

(201) His appearance, however, did not bespeak a great fortune: he had an old grey hat, short old trousers, an old waistcoat with regimental buttons, and patched Blucher boots, such as are not usually sported by persons in easy life /BNC, FNY 732/

Средством выражения данной метафоры является словосочетание *his appearance did not bespeak a great fortune*, где глагол *bespeak* определяется как *'to be or give a sign of; indicate'*.

В (202) внешность понимается как **знак, сообщающий информацию** о благоразумии человека, что выражено словосочетанием *every show of intelligence and sensibility in their appearance*, где значением существительного *show* является *'a trace or indication'*:

(202) They were people in the prime of youth, with every show of intelligence and sensibility in their appearance

/R.L.Stevenson, *Memories and Portraits*/

В (203) внешность понимается как **неявный знак, содержащий информацию**, что выражено словосочетанием *appearance suggested*, где глагол *to suggest* имеет значение *'to make evident indirectly; intimate or imply'*:

(203) My friend's appearance suggested that he was now in the same predicament, and I prepared myself to cultivate an agreeable acquaintance

/S. Maugham, *Moon and Sixpence*/

Таким образом, внешность, понимается как знак, содержащий информацию разного рода, а именно, о мыслях, чувствах, ценностях человека, его происхождении, социальном положении, благоразумии, а также как знак, передающий информацию неявно.

4.2.4. Коррелят СУБСТАНЦИЯ / МАТЕРИАЛ

Среди коррелятов референтного концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, составляющих диапазон его метафор, выделен коррелят СУБСТАНЦИЯ/МАТЕРИАЛ.

В (204) внешность понимается как **субстанция/материал**, над которым работают:

(204) *Sometimes we spend so much time developing our physical abilities and working on our outward appearance that we fail to work on the more private parts of our lives* /BNC, CNM 254/

Средством вербализации данной метафоры является словосочетание *working on our outward appearance*, в котором глагол *to work* имеет значение ‘*to shape, form, or improve a material*’ [377]. В примере отмечается тот факт, что на формирование/улучшение своей внешности люди иногда тратят слишком много времени и забывают о других аспектах своей личности.

В результате трансформации *спецификации* внешность понимается как **субстанция, имеющая качество**, которое может ухудшаться:

(205) *People noticed Chris's appearance had deteriorated in recent weeks* /BNC, FBM 3169/

Данная метафора вербализована словосочетанием *appearance had deteriorated*. Значением глагола *to deteriorate* является ‘*to diminish or impair in quality, character, or value; to grow worse; degenerate; weaken*’. Основанием данной метафоры является интенциональный признак лексемы *appearance*, определяемый как присущая или отличительная характеристика [377], которая может изменяться, улучшаться или ухудшаться.

В (206) внешность понимается как **субстанция, качество которой может быть улучшено**.

С целью соответствия существующим в обществе канонам, на протяжении миллионов лет люди предпринимали попытки повлиять на свою внешность, улучшить ее:

(206) *I think fashions have changed but I think people's attitudes haven't*

really changed, people have always been striving to improve their appearance /BNC, FM4 162/

Независимо от того, являются ли изменения во внешности человека следствием его преобразовательной активности или появились под влиянием неконтролируемых внешних факторов, они могут иметь особое значение, если внешний облик включен в систему «значащих переживаний», является ценностью человека. Преобразовательная активность, направленная на свой внешний облик, это не просто изменение внешнего облика, а выраженное стремление влиять на свои «внутренние» характеристики, на ценностно-смысловые интерпретации как себя, так и другого человека посредством воздействия на «внешние» характеристики» [126] (о проблеме ценности внешнего облика и проблеме его преобразования см. в работах Г.Е. Крейдлина [117], Е.А. Петровой [176], М. Ямпольского [265]).

В (207) внешность представлена как **строительный материал**:

(207) *But it pleased him to construct little theories about them from their gestures and appearance* /V. Woolf, *The Voyage out* /

Средством реализации данной метафоры является словосочетание *to construct little theories about them from their gestures and appearance*, где глагол *to construct* определяется как *'to form by assembling or combining parts; build'*.

Внешность понимается как **материал – бумага, на которой написана информация о деятельности человека**:

(208) *"Cards, billiards, and betting" – there was the inscription legibly written on the manner and appearance of Captain Peterkin*
/W. Collins, *The Black Robe*/

Значением глагола *to write* является *'to form (letters, words, or symbols) on a surface such as paper with an instrument such as a pen'*.

Таким образом, внешность человека понимается как материал, над которым работают, из которого можно что-либо создать и качество которого может быть улучшено, бумага, на которой можно написать информацию.

4.2.5. Коррелят ИНСТРУМЕНТ

В (209) внешность понимается как **инструмент для отбора претендентов на получение работы.**

(209) *Physical appearance is, no doubt, a very powerful influence in our society. Using appearance as a factor in the hiring process is inevitable*
/BNC, AJ6 254/

Данная метафора вербализована словосочетанием *using appearance*, где глагол *to use* имеет значение *'to apply for a purpose, to seek or achieve an end by means of; exploit*.

Пример (210) свидетельствует о том, что из двух потенциальных кандидатов, имеющих одинаковые навыки, обладатель привлекательной внешности имеет больше шансов получить работу. Метафора в данном случае реализуется существительным *tie breaker* имеющим значение *'something (such as an extra period of play or an extra question) that is used to decide a winner when a game, contest, etc. has ended with a tied score'* (что-либо, например, дополнительное время или дополнительный вопрос, используемые для определения победителя в случае завершения игры с равным счетом). Таким образом, при равных шансах двух потенциальных кандидатов на должность, внешность одного из них может способствовать получению места работы:

(210) *Physical appearance can be the tie breaker between two prospective employees*
/BNC, CNB 287/

В (211) внешность представлена как **инструмент, с помощью которого можно создать у воспринимающего наиболее благоприятное впечатление о себе:**

(211) *In that millisecond that another will form a first impression our looks may be our best tool to steer that impression in a direction that is most favorable to us*
/BNC, FNM 762/

Метафора объективирована словосочетанием *our looks may be our best tool*, где значением существительного *tool* является *'something used in the performance of an operation; an instrument'*.

Пример (212) свидетельствует о том, что внешность понимается как **инструмент, с помощью которого можно стать счастливым**, где метафора вербализована словосочетанием *find happiness with your appearance*, в котором реализуется значение предлога *with* - 'by the means or agency of':

(212) *When you have worked hard at having a nice appearance, you should give yourself credit for that and find happiness with your appearance*

/BNC, AXY 326/

В примере (213) внешность представлена как **инструмент оценивания человека**, в частности определения его возраста:

(213) *Two doctors at Bowman Gray School of Medicine in Winston-Salem, N.C., studied how accurately a patient's age could be judged by physical appearance*

/BNC, FMR 651/

Данная метафора вербализована словосочетанием *a patient's age could be judged by physical appearance*, где глагол *to judge* имеет значение 'to consider and form an idea of; to estimate', а предлог *by* определяется как 'with the use or help of'.

Таким образом, внешность метафорически понимается как инструмент, используемый для отбора кандидатов на должность, создания благоприятного впечатления, оценивания человека.

4.2.6. Коррелят ЦЕННАЯ ВЕЩЬ

В результате операции *спецификации* внешность понимается как **ценная вещь, которую может иметь человек**, о чем свидетельствует значение существительного *asset* 'a single item of ownership having exchange value':

(214) *It is fair and just to say that beautiful looks are the biggest asset one can have*

/BNC, AY3 561/

Внешность также понимается как **вещь, в которую можно вложить деньги с целью повышения ее ценности**, о чем свидетельствует значение глагола *to invest* 'to make use of for future benefits or advantages', например:

(215) *They therefore invest more in other symbols: possessions, appearance, speech*

/BNC, CVR 335/

Таким образом, внешность понимается как вещь, имеющая большую ценность, а также вещь, в которую можно вложить деньги с целью повышения ее ценности.

4.2.7. Коррелят ТОВАР

В примере (216) внешность, понимается как **товар, имеющий свою стоимость:**

(216) *He always set an absurdly high value on personal appearance, and once read a paper before our debating society to prove that it was better to be good-looking than to be good* /BNC, ACY 265/

Данная метафора вербализована словосочетанием *set an absurdly high value on personal appearance*, где существительное *value* определяется как *monetary or material worth, as in commerce or trade*.

Внешность понимается как **товар, который можно купить**. Пример (217) отражает ценность привлекательной внешности, которую можно получить от природы или купить, если человек ей не наделен:

(217) *Other people, though, want to be noticed for being attractive and are prepared to spend large sums of money to purchase good looks if they weren't naturally blessed with them*

/BNC, RT4 136/

Данная метафора объективирована словосочетанием *to purchase good looks*, значением глагола *to purchase* является *'to acquire by the payment of money or its equivalent; buy'*.

Таким образом, внешность понимается как товар, имеющий стоимость и товар, который можно купить.

4.2.8. Коррелят НАВЯЗЧИВАЯ ИДЕЯ

Внешний облик как атрибут «видимого человека», входя в перечень культурных ценностей, порождает такие явления, как «тотальная обеспокоенность своим внешним обликом» [126]. В современном обществе,

по мнению Н. Рамси и Д. Харкот, стремление к совершенствованию своего внешнего облика, «обеспокоенность своей внешностью достигла размеров эпидемии» [194, с. 15]. Чрезмерная обеспокоенность своей внешностью приводит к тому, что она становится навязчивой идеей.

В (218) внешность представлена как **навязчивая идея**, постоянно присутствующая в сознании человека:

(218) *There was nothing unusual in the picture; the man was evidently rather good looking, about fifty years old, with iron-grey hair, a smooth-shaven face and dark, serious eyes. Something in the picture always drew and held my attention. The man's appearance became familiar to me, and "haunted" me* /A. Bierce, *Can Such Things be*/

Данная метафора выражена словосочетанием *the man's appearance 'haunted' me*, где значением глагола *to haunt* является *'to come to the mind of continually; obsess'*.

В (219) и (220) также отмечается чрезмерная заинтересованность, забота, беспокойство о своей внешности, что выражено словосочетанием *people are obsessed with their appearance*, где прилагательное *obsessed* имеет значение *'having or showing excessive or compulsive concern with something'* (219) и существительным *obsession*, определяемым как *'compulsive preoccupation with a fixed idea or an unwanted feeling or emotion, often accompanied by symptoms of anxiety'* (220):

(219) *People are obsessed with their appearance for a number of reasons. Most people want to conform, be in fashion, fit the current trend in style, yet at the same time be different enough to stand out, but not too much*

/BNC, CNB 225 /

(220) *Living in Western society therefore contributes to people's obsession with their appearance, since we are continually told what constitutes beauty and how important it is, and then being exposed to a multitude of advertisements trying to sell us products and services that can supposedly help us look good* /BNC, AYN 651/

Таким образом, в результате чрезмерной обеспокоенности собственной внешностью, она становится навязчивой идеей, завладевающей всеми мыслями и чувствами человека.

4.2.9. Коррелят ЖИВОТНОЕ

В (221) и (222) внешность концептуализируется как **дикое животное**, основными характеристиками которого являются дикий нрав и необузданность:

(221) His appearance was wild and uncouth; there was aloofness in his eyes and sensuality in his mouth; he was big and strong; he gave an impression of untamed passion

/S. Maugham, The Moon and Sixpence /

В (221) средством вербализации данной метафоры являются прилагательные ‘wild’ и ‘uncouth’, определяемые как ‘*occurring, growing, or living in a natural state*’ и ‘*crude; unrefined*’, соответственно, а в (222) прилагательное ‘bestial’, имеющее значение ‘*brutal or savage, lacking in refinement*’:

(222) They were the priests of the Flaming God of Opar – the same, shaggy, knotted, hideous little men who had dragged Jane Clayton to the sacrificial altar at this very spot years before. Their long arms, their short and crooked legs, their close-set, evil eyes, and their low, receding foreheads gave them a bestial appearance that sent a qualm of paralyzing fright through the shaken nerves of the Belgian

/E. R. Burroughs, Tarzan and the Jewels of Opar/

Таким образом, внешность, характеризующаяся как дикая и жестокая, метафорически понимается как животное.

4.2.10. Коррелят САКРАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ

В (223) внешность понимается как **богиня – женщина, которой поклоняются**, о чем свидетельствует значение глагола *to devote* ‘*to dedicate; give priority to*’, а также *goddess* ‘*a woman who is greatly loved or admired*’

(223) *They are not necessarily extravagant but devote themselves to appearance as to a very demanding goddess whose exigencies may account for that well-kempt, bad tempered look most of them adopt*

/BNC, AJU 1018/

Таким образом, данный коррелят является компонентом метафоры ВНЕШНОСТЬ есть САКРАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ и входит в метафорический диапазон референтного концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА.

Выводы к главе 4

1. Способом объективации образной составляющей концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА является концептуальная метафора, понимаемая как ментальный феномен, способ мышления, структурирования и объяснения действительности. Рассматриваемый в качестве области цели концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА является концептуальным референтом, для понимания которого используются концептуальные корреляты, представляющие собой область источника и составляющие диапазон метафоры. Так, диапазон метафоры, объективирующей изучаемый концепт, представлен следующими концептуальными коррелятами: ЧЕЛОВЕК, ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ, ЗНАК/ИНДИКАТОР, СУБСТАНЦИЯ/МАТЕРИАЛ, ИНСТРУМЕНТ, ЦЕННАЯ ВЕЩЬ, ТОВАР, НАВЯЗЧИВАЯ ИДЕЯ, ЖИВОТНОЕ, САКРАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ из которых наиболее количественно представленными являются ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ (41%) и ЧЕЛОВЕК (13%). Когнитивные трансформации *спецификации* и *расширения* области источника концептуальной метафоры дают возможность более полного понимания изучаемого концепта.

2. В результате *спецификации* области источника ЧЕЛОВЕК внешность понимается как человек, который хорошо питается; субъект, участвующий в социальных отношениях; человек, способный подвести, ввести в заблуждение, помочь, покорить другого человека. Внешность также

представлена как человек, о котором заботятся и которым, наоборот, пренебрегают, т.е. испытывающий недостаток заботы. Понимание внешности в терминах руководителя, диктующего условия, и соперника также является результатом *спецификации*.

3. Результатом *спецификации* области источника ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ является его детализация, и внешность понимается как такой физический объект, который имеет площадь, может быть создан, изменен, разрушен, воспринимается как идеальный или имеющий дефекты, а также является частью, интегрированной в целое. Трансформация *расширения*, вводя в область источника новый концепт, позволяет понимать внешность как контейнер, здание, барометр, одежду, зеркало, книгу, украшение, маску. Некоторые из указанных областей источника, в свою очередь, подвергаются трансформациям спецификации. Так, внешность понимается как контейнер, наполненный энергией, информацией, различными качествами, характеристиками, свежестью, а также силой, красотой, изысками. Вариативное представление о внешности выражается также в понимании внешности как изношенной одежды, зеркала, отражающего черты характера человека, украшения обложки журнала, книги, прочитав которую, можно получить информацию о человеке, маски, скрывающей информацию о своем обладателе, в частности его внутреннем состоянии и, наоборот, раскрывающей ранее скрытую информацию, например, о личностных качествах, привычках, состоянии здоровья, взглядах, убеждениях.

4. Трансформации *спецификации* подвергаются также области источника ЗНАК/ИНДИКАТОР, СУБСТАНЦИЯ/МАТЕРИАЛ, ИНСТРУМЕНТ, ЦЕННАЯ ВЕЩЬ, в результате которых внешность понимается как материал, качество которого может улучшаться или ухудшаться, а также инструмент, с помощью которого можно устроиться на желаемую работу, создать о себе благоприятное впечатление, стать счастливым.

5. Области источника НАВЯЗЧИВАЯ ИДЕЯ, ЖИВОТНОЕ и САКРАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ не подвергаются когнитивным трансформациям *расширения* и *спецификации*. Метафоры, образованные с их помощью, рассматриваем как новые, не устоявшиеся.

Основные положения раздела отражены в публикациях [48; 49; 56].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА в английской ЯКМ базируется на принципах когнитивно-дискурсивной парадигмы, в рамках которой языковые явления рассматриваются с учетом когнитивной и коммуникативной функций языка, что дает возможность более полного и всестороннего изучения данного концепта.

Концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА это ментальная единица, совокупность представлений о внешнем образе человека, воспринимаемых зрительно и имеющих осведомительное значение для воспринимающего. Концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА является перцептивным концептом, имеющим вид гештальта.

Средства вербализации концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА – лексемы *appearance, aspect, air, exterior, form, guise, look, mien, presence, semblance* – образуют семантическое пространство его номинаций. Данные лексемы объединены общей семой «внешний вид», составляют синонимический ряд и образуют центр лексико-семантического поля. Девять из указанных десяти лексем, кроме интегральной семы «внешний вид», имеют в составе своего значения дифференциальные семы, на основании которых строятся микрополя «манера поведения», «мимика», «тело», «костюм», «маска», лексемы в которых объединены общей семой, соответствующей названию микрополя.

Имя концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА – лексема *appearance* – является доминантой синонимического ряда и характеризуется многозначностью. Из четырех выделенных ЛСВ данной лексемы только один объективирует внешний вид как одушевленного, так и неодушевленного объекта и понимается на фоне двух доменов ЧЕЛОВЕК и ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ. Остальные значения данной лексемы понимаются на фоне других доменов.

Концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА рассматриваем как синкретичный концепт, структуру которого составляют понятийный, ценностный

и образный компоненты, находящиеся в неразрывном единстве. Понятийный компонент содержит знания о логическом понятии 'внешность', фактуальную информацию об инвариантных признаках внешности, которые, в процессе зрительного восприятия, интерпретируются субъектом, получают оценку, отражают ценности, существующие в данном обществе, и составляют обыденное понятие 'внешность', выражаемое в оценочных суждениях, а также стереотипных представлениях о ней.

Понятийный компонент концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА составляют данные этимологического анализа его слов-репрезентантов, позволившего выделить этимоны (греч. *eidolon* 'appearance'; лат. *apparere* 'to appear, be visible'; др.-англ. *locian* 'to have a certain appearance'), объединенные значением *внешний вид, становится видимым* и прослеживающиеся в значениях лексем, номинирующих изучаемый концепт – *air, appearance, aspect, exterior, form, guise, look, mien, presence, semblance*.

Ценностный компонент концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА отражает ценность внешности для своего обладателя и выявляется на основании оценок, выносимых воспринимающим в соответствии с существующими в обществе нормами. Средством выражения трех групп оценок внешности – сенсорных, сублимированных или рационалистических – являются оценочные прилагательные.

Образный компонент в структуре концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА объективирован когнитивной метафорой, понимаемой как способ мышления, средство концептуализации, структурирования мира, позволяющее понять определенную область действительности с точки зрения мыслительных структур, изначально сложившихся на основании опыта, полученного в других областях. Рассматриваемый в качестве области цели концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА является концептуальным референтом, для понимания которого используются концептуальные корреляты, представляющие собой область источника и составляющие диапазон метафоры. Так, диапазон метафоры, объективирующей изучаемый концепт,

представлен концептуальными коррелятами: ЧЕЛОВЕК, ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ, ЗНАК / ИНДИКАТОР, СУБСТАНЦИЯ / МАТЕРИАЛ, ИНСТРУМЕНТ, ЦЕННАЯ ВЕЩЬ, ТОВАР, НАВЯЗЧИВАЯ ИДЕЯ, ЖИВОТНОЕ, САКРАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ, из которых наиболее количественно представленными являются ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ (41%) и ЧЕЛОВЕК (13%). Когнитивные трансформации *спецификации* и *расширения* области источника концептуальной метафоры дают возможность более полного понимания изучаемого концепта.

Таким образом, в результате решения конкретных задач, на основе уточненных онтологических, этимологических и оценочных характеристик концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА определена его структура, систематизированы языковые средства оценивания внешности, моделирована оценочная шкала, выявлены концептуальные метафоры, способствующие более полному пониманию изучаемого концепта.

Полученные результаты создают перспективу для исследований лингвокультурных концептов в английской ЯКМ с использованием предложенных в работе методик, а также для изучения внешности во взаимосвязи с когнитивными операциями фокусировки, что позволит выделить во внешности отдельные элементы, являющиеся наиболее проминантными в момент восприятия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. Греческая семантика понятия образа в Священном Писании / С. Аверинцев // Православная община. – 2000. – № 55. – С. 42–52.
2. Аминова А.А. Аксиологические особенности концепта "женщина" в русском, английском и татарском языках / А.А. Аминова, А.Н. Махмутова // Сопоставительная филология и полилингвизм : сб. науч. тр. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2003. – С. 19–26.
3. Андросова С.А. Передача характеристики внешности человека французскими анималистическими фразеологизмами / С.А. Андросова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 8. – Ч. 1. – С. 18–21.
4. Аникин Г.В. История английской литературы / Г.В. Аникин, Н.П. Михальская ; [2-е изд., перераб. и испр.]. – М. : Высш. школа, 1985. – 431с.
5. Анисимова А.В. Особенности функционирования английских эмотивных прилагательных в гендерном аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.В. Анисимова. – СПб., 2010. – 225 с.
6. Анисимова Т.В. Современная деловая риторика : учеб. пособие / Т.В. Анисимова, Е.Г. Гимпельсон. – М. : Моск. психол. и социальный ин-т; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2002. – 432 с.
7. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 348–389.
8. Аристотель. Поэтика, Риторика / Аристотель. – СПб. : Азбука-классика, 2010. – 348 с.
9. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике [Электронный ресурс] / И.В. Арнольд. – Режим доступа : <http://www.classes.ru/grammar/128.Arnold-research/html/8.html>

10. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык. К проблеме языковой «картины мира» / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.
11. Арутюнова Н.Д. Истина. Добро. Красота: Взаимодействие концептов / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М. : Индрик, 2004. – 720 с.
12. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс (Теория метафоры) / Н.Д. Арутюнова. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
13. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
14. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
15. Арутюнова Н.Д. Введение / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Образ человека в языке и культуре ; [отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина]. – М. : Индрик, 1999. – 424 с.
16. Баранов А.Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) / А.Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 1989. – № 3. – С. 74–89.
17. Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов // Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М. : Институт русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.
18. Басилая Н.А. Категория признаковости в языке / Н.А. Басилая. – Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1988. – 310 с.
19. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 томах. – Т. 5. / М.М. Бахтин. – М. : Русские словари, 1997.
20. Белехова Л.И. Методика экспликации архетипов, воплощенных в американских поэтических текстах [Электронный ресурс] / Л.И. Белехова // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. ст. – 2014. – № 9. – С. 8–32. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

21. Белова Н.Н. Семантика оценки в именах прилагательных : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.Н. Белова. – Мичуринск, 2011. – 262 с.
22. Белова О. Тело в русской и иных культурах / О. Белова // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 56. – С. 437–440.
23. Беляевская Е.Г. Семантика слова / Е.Г. Беляевская. – М. : Высш. школа, 1987. – 128 с.
24. Белова А.Д. Індивідуальна картина світу: інтерпретація і використання лінгвістичних ідей в НЛП / А.Д. Белова // Мовні і концептуальні картини світу : зб. наук. праць КНЛУ. – 2001. – № 7. – С. 36–43.
25. Бессонова О.Л. Вербалізація концепту ХАРАКТЕР образними найменуваннями особи в англійській мові / О.Л. Бессонова, О.Ф. Пефтієва // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2010. – № 897. – С. 11–17.
26. Бессонова О.Л. Оцінний тезаурус англійської мови: Когнітивно-гендерні аспекти / О.Л. Бессонова. – Донецьк : ДонНУ, 2002. – 362 с.
27. Бобрышева Л.К. Фразеологизмы как национально-культурная экзистенциальная картина мира (на материале русского и адыгейского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Бобрышева Людмила Кадырбечевна. – Майкоп, 2009. – 154 с.
28. Богуславский В.М. Оценка внешности человека : словарь / В.М. Богуславский. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2004. – 254 с.
29. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком / А.А. Бодалев. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 200 с.
30. Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. - №1. С. 5-13.
31. Болдырев Н.Н. Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев ; [изд. 2-е, стер.]. – Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. – 123 с.
32. Болдырев Н.Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: концепт как единица знания / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка.

- Вып. IX. Взаимодействие когнитивных и языковых структур : сб. науч. тр. – М.; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – С. 23–32.
33. Болдырев Н.Н. Фрейм "внешность человека" как основа для его атрибутивно-метонимической характеристики / Н.Н. Болдырев // Филология и культура : материалы V междунар. науч. конф. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 146–148.
34. Бондаренко Е.В. ВРЕМЯ как лингвокогнитивный феномен в англоязычной картине мира : монография. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2009. – 377 с.
35. Бондаренко Е.В. Когнитивная метафора времени в поэтическом дискурсе: трансформация метафорики У. Одена в творчестве И. Бродского / Е.В. Бондаренко // Русская филология. Вестник Харьков. нац. пед. ун-та им. Г.С. Сковороды. – Харьков, 2014. – № 3 (52). – С. 42–47.
36. Бондаренко Е.В. Матричное моделирование базовых понятий картины мира / Е.В. Бондаренко // Вестник ХНУ им. В.Н. Каразина. Серія «Романо-германська філологія». – 2013. – № 1051. – С. 6–11.
37. Бондаренко Е.В. Матричное моделирование. Дуальность времени в англоязычной картине мира : монография / Е.В. Бондаренко. – Харьков.: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2014. – 304 с.
38. Бондаренко Е.В. Эволюция концепта ВРЕМЯ в британском дискурсе [Электронный ресурс] / Е.В. Бондаренко // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. ст. – 2010. – № 1. – С. 22–29. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>
39. Брунер Дж. О перцептивной готовности [Электронный ресурс] / Дж. Брунер. – Режим доступа : <http://psychology-online.net/articles/doc-1223.html>
40. Бугаев К.В. Использование данных о внешности человека в раскрытии и расследовании преступлений / К.В. Бугаев // Законодательство

- и практика. – № 2. – Омск : Изд-во Омск. акад. МВД России, 2005. – С. 66–69.
41. Валюкевич Т.В. Имя концепта ВНЕШНОСТЬ в английской языковой картине мира / Т.В. Валюкевич // Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація : тези доп. XI наук. конф. з міжнар. участю. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – С. 46–47.
  42. Валюкевич Т.В. Концепт внешность в английской языковой картине мира XIX века / Т.В. Валюкевич // Ученые записки ХГУ «НУА». – 2001. – Т. 7. – С. 409–415.
  43. Валюкевич Т.В. Концепт ВНЕШНОСТЬ в домене ЧЕЛОВЕК / Т.В. Валюкевич // Единство системного и функционального анализа языковых единиц : материалы Междунар. науч. конф. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2006. – Вып. 9. – Ч. 1. – С. 96–100.
  44. Валюкевич Т.В. Концепт внешность как культурно-символическая сущность / Т.В. Валюкевич // Ученые записки ХГУ «НУА». – 2003. – Т. 9. – С. 355–363.
  45. Валюкевич Т.В. Концептуализация внешности человека в английском языке / Т.В. Валюкевич // Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація : Матеріали V Всеукр. наук. конф. (11 листопада). – Харків : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2005. – С. 24–26.
  46. Валюкевич Т.В. Лингвистическая интерпретация концепта ВНЕШНОСТЬ в Британской картине мира (диахронический аспект) / Т.В. Валюкевич // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2010. – № 928. – С. 162–168.
  47. Валюкевич Т.В. Лингвистический статус концепта «внешность» (на материале английского языка) / Т.В. Валюкевич // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2001. – № 537. – С. 159–165.
  48. Валюкевич Т.В. Метафора как средство вербализации концепта ВНЕШНОСТЬ / Т.В. Валюкевич // Инновационный подход к исследованию института образования: программа и материалы

- науч.-теор. конф. молодых ученых. – Харьков : Изд-во ХНУ «НУА», 2014. – С. 43-46.
49. Валюкевич Т.В. Метафора как средство вторичной номинации концепта ВНЕШНОСТЬ / Т.В. Валюкевич // Проблемы лингвистики и лингводидактики: Вып. II. – Белгород : ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2014. – С. 6–11.
50. Валюкевич Т.В. Наименование внешности в английской картине мира / Т.В. Валюкевич // Іноземна філологія на межі тисячоліть : тези доп. Міжнар. наук. конф., присвяченій 70-річчю фак-ту іноз. мов Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна (квітень 2000 р.). – Харків : Константа, 2000. – С. 38–39.
51. Валюкевич Т.В. Номинативное поле концепта ВНЕШНОСТЬ / Т.В. Валюкевич // Актуальные вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф. (12 ноября 2012 г.). – Новосибирск, 2012. – С. 18–21.
52. Валюкевич Т.В. Оценочный компонент в структуре концепта ВНЕШНОСТЬ / Т.В. Валюкевич // Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives : The 5th International symposium proceedings (September 15, 2014). – Vienna. – С. 177–183.
53. Валюкевич Т.В. Понятийно-ценностная составляющая в структуре концепта ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА» / Т.В. Валюкевич // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія «Філологічна» : зб. наук. пр. ; [укладачі : І.В. Ковальчук, Л.М. Коцюк, С.В. Новоселецька]. – Острог : Вид-во Нац. ун-ту «Острозька академія», 2015. – Вип. 55. – С. 40–41.
54. Валюкевич Т.В. Принципы концептуализации внешности человека в английском языке / Т.В. Валюкевич // Программа и материалы конференции молодых ученых. – Харьков : Изд-во НУА, 2006. – С. 18–20.
55. Валюкевич Т.В. Семантико-этимологический анализ лингвокультурного концепта ВНЕШНОСТЬ / Т.В. Валюкевич // Вісник

- ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – 2011. – № 973. – С. 155–159.
56. Валюкевич Т.В. Структура концепта внешность в английской языковой картине мира / Т.В. Валюкевич // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – 2005. – № 649. – С. 38–41.
57. Валюкевич Т.В. Фразеологические средства выражения концепта внешность в английском языке / Т.В. Валюкевич // Ученые записки ХГУ «НУА». – 1999. – Т. 5. – С. 386–389.
58. Валюкевич Т.В. Языковые средства оценивания внешности человека / Т.В. Валюкевич // Управление качеством обучения в инновационном вузе: программа и материалы науч.-теор. конф. молодых ученых. – Харьков : Изд-во ХГУ «НУА», 2015. – С. 41–43.
59. Васильев Л.М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты / Л.М. Васильев // Исследования по семантике: Семантические категории в русском языке. – Уфа : Башкир. гос. ун-т, 1996. – С. 55–62.
60. Великородных О.В. Специфика вербализации концепта "femme" ("женщина") в художественной картине мира Ф. Саган в динамико-возрастной перспективе : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Великородных Ольга Владимировна. – Москва, 2008. – 226 с.
61. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов / В.В. Виноградов ; отв. ред. Г.А. Золотова. – [3-е изд., испр.]. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.
62. Внутренний мир человека: семантические константы : кол. монография к юбилею доктора филол. наук, проф. Ю.М. Малиновича / [Ю.М. Малинович, М.В. Малинович, Г.А. Агеева и др. ; ред. М.В. Малинович]. – Иркутск : ИГЛУ, 2007. – 476 с.
63. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного / Е.М. Вольф. – М. : Наука, 1978. – 200 с.
64. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – [2-е изд. доп.]. – М. : Едиториал УРСП, 2002. – 280 с.

65. Воркачев С.Г. Алгебра смысла: имя концепта / С.Г. Воркачев // Вестник Иркут. гос. ун-та. – 2012. – Т. 1. – № 17. – С. 142–145.
66. Воркачев С.Г. *Studia selecta*: избранные работы по теории лингвокультурного концепта: монография. – Волгоград : Парадигма, 2013. – 180 с.
67. Воркачев С.Г. Значимостная составляющая лингвокультурной идеи справедливости [Электронный ресурс] / С.Г. Воркачев // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. тр. – 2010. – № 1. – С. 30–46. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>
68. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
69. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.
70. Воробйова О.П. Концептологія в Україні: здобутки, проблеми, прорахунки / О.П. Воробйова // Вісник Київ. нац. лінгв. ун-ту. Серія Філологія. – 2011. – Т. 14, № 2. – С. 53 – 64.
71. Воробъёва О.П. Концептология в Украине: обзор проблематики // Лингвоконцептология: перспективные направления : монография [авт. кол.: А.Э. Левицкий, С.И. Потапенко, О.П. Воробьева и др.; под. ред. А.Э. Левицкого, С.И. Потапенко, И.В. Недайновой]. – Луганск : Изд-во ГУ „ЛНУ имени Тараса Шевченко”, 2013. – С. 10–37.
72. Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке / В.Г. Гак // Принципы и методы семантических исследований : сб. ст. ; [отв. ред. В.Н. Ярцева]. – М. : Наука, 1976. – С. 73–92.
73. Галанов Б.Е. Искусство портрета [Текст] / Б.Е. Галанов. – М. : Сов. писатель, 1967. – 207 с.
74. Гартман Н. Этика / Н. Гартман ; [пер. с нем. А.Б. Глаголева, под ред. Ю.С. Медведева и Д.В. Складнева]. – СПб. : Владимир Даль, 2002. – 707 с.

75. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель ; [отв. ред. М.М. Розенталь]; Т. 1–3. Т. 1. Учение о бытии. – М. : Мысль, 1970. – 501 с. Т. 2. Учение о сущности. – М. : Мысль, 1971. – 243 с.
76. Герасимова Д.А. Концепт EYES в английской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Герасимова Дарья Алексеевна. – Иркутск : Иркут. гос. лингв. ун-т, 2009. – 198 с.
77. Гребенникова О.М. Телесная маска человека [Электронный ресурс] / О.М. Гребенникова // Вестник Омск. гос. пед. ун-та : электрон. науч. журнал. – 2006. – Режим доступа : <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgru-9.pdf>.
78. Гулинг Х.А. Портрет Дориана Грея [Текст] / Х.А. Гулинг // Человек. – 2001. – № 4. – С. 39–48.
79. Гунина Н.А. О некоторых особенностях анализа перцептивных концептов / Н.А. Гунина // Сб. материалов междунар. конгресса по когнитивной лингвистике ; отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов : ТГУ, 2008. – С. 780–782.
80. Гуревич П.С. Философское постижение человека: проблемы, тенденции и новые темы философской антропологии : монография / П.С. Гуревич. – Germany, Saarbrücken : LAP LAMBER Academic Publishing, 2011. – 664 с.
81. Дарвин Ч. Сочинения : в 12-ти т. Т. 5 : Происхождение человека и половой отбор. Выражение эмоций у человека и животных / Дарвин Ч. ; [под ред. Е.П. Павловского]. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. – 1046 с.
82. Демуцкая А.В. Сопоставление языковых картин мира в русском и английском языках на примере моделирования внутренних свойств человека через внешность / А.В. Демуцкая // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М. : Индрик, 2004. – С. 162–168.
83. Дмитриева Л.Л. Эмотивные характеристики концепта «Улыбка» в индивидуально-акторской картине мира / Л.Л. Дмитриева //

- Межкультурная коммуникация в современном обществе : материалы II Междунар. науч. конф. (Саранск, 26.09.–31.10.2011 г.) (Язык. Культура. Общество. Вып. 3). – Саранск : ИСИ, 2011. – С. 29–33.
84. Емельянов Б.В. Три века русской философии / Б.В. Емельянов. – Екатеринбург : УрГУ, 1999. – 116 с.
85. Жаботинская С.А. Имя как текст: концептуальная сеть лексического значения (анализ имени эмоции) [Электронный ресурс] / С.А. Жаботинская // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. ст. – 2013. – № 6. – С. 47–76. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>
86. Жаботинская С.А. Концепт / домен: матричная и сетевая модели / С.А. Жаботинская // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 168. – Т. 1. – С. 254–259.
87. Жаботинская С.А. Концептуальная метафора: процедура анализа множественных данных / С.А. Жаботинская // Актуальні проблеми металінгвістики : зб. ст. за матеріалами VII Міжнар. конф. – Черкаси : Ант, 2011. – С. 3–6.
88. Залевская А.А. Введение в психолінгвістику / А.А. Залевская. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. – 220 с.
89. Звегинцова М.Э. Концепт «лицо» в лирике О. Седаковой / М.Э. Звегинцова // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – 2013. – № 1048. – С. 165-170.
90. Зенков Г.С. Введение в языкознание / Г.С. Зенков, И.А. Сапожникова. – Бишкек : ИИМОП КГНУ, 1998. – 218 с.
91. Змиева И.В. Лингвокогнитивные характеристики средств вербализации концепта ДОБРО в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Змиева Ирина Владимировна. – Харьков, 2006. – 223 с.
92. Змиева И.В. Лингвокультурный типаж МАКЛЕР: структурные особенности концепта / И.В. Змиева // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – 2010. – № 930. – С. 10–16.

93. Ивин А.А. Основания логики оценок / А.А. Ивин. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1970. – 230 с.
94. Ильенков Э.В. Идеал / Э.В. Ильенков // Философия и культура. – М. : Политиздат, 1991. – С. 204–212.
95. Каган М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.
96. Каминская Н.М. История костюма / Н.М. Каминская. – М. : Легкая индустрия, 1977. – 130 с.
97. Кан Ф. Человек / Ф. Канн. – Л. : Сеятель, 1929. – 164 с.
98. Карасик В.И. Лингвокультурная концептология / В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Парадигма, 2009. – 116 с.
99. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография / В.И. Карасик ; [2-е изд.]. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
100. Карасик В.И. Языковые ключи : монография / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 406 с.
101. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
102. Караулов Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1980. – 207 с.
103. Кимов Р.С. О пространственной концептуализации и категоризации частей тела в кабардинском языке / Р.С. Кимов // Семантика и прагматика языковых единиц : тез. докл. Междунар. науч. конф. (11–12 мая 2015 г.). – Минск : МГЛУ, 2015. – 236 с.
104. Клевцова О.Б. Концепт «человек телесный»: когнитивное моделирование и переносы (на материале сопоставительного анализа древнерусского и древнеанглийского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Клевцова О. Б. – Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2007. – 209 с.
105. Клюкина Ю.В. Гендерные стереотипы внешнего портрета человека : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Клюкина Юлия Викторовна. – Тамбов : Тамбов. гос. тех. ун-т, 2011. – 170 с.

106. Кобозева И.М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода / И.М. Кобозева // Диалог-2002: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии ; [под ред. А.С. Нариньяни]. – М. : РосНИИ ИИ, 2002. – Т. 1. – С. 188–196.
107. Кожанов А.А. Внешность как фактор этнического сопоставления / А.А. Кожанов // Советская этнография. – 1977. – № 3. – С. 14–22.
108. Кокуашвили Н.Б. Одежда как феномен культуры / Н.Б. Кокуашвили // Знаки повседневности : сб. [сост. Л.А. Штомпель]. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 38–44.
109. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 108 с.
110. Комиссаржевский Ф.Ф. История костюма / Ф.Ф. Комиссаржевский. – М. : Астрель, АСТ, 2005. – 336 с.
111. Кон И.С. Открытие "Я" / И.С. Кон. – М. : Политиздат, 1978. – 367 с.
112. Коротун О.В. «Знаки» тела и метаморфозы внешнего человека в современной русской лингвокультуре / О.В. Коротун // Вестник Ом. гос. ун-та. – 2014. – № 1. – С. 95–98.
113. Коротун О.В. Образ-концепт «внешний человек» в русской языковой картине мира : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Коротун Ольга Владимировна. – Омск : Ом. гос. ун-т, 2002. – 193 с.
114. Коршунов А.М. Диалектика субъекта и объекта в познании / А.М. Коршунов. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – С. 134.
115. Коськина Е.В. Внутренний человек в русской языковой картине мира: Образно-ассоциативный и прагмастилистический потенциал семантических категорий "пространство", "субъект", "объект", "инструмент" : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Коськина Е.В. – Омск : Ом. гос. ун-т, 2004. – 200 с.
116. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 194 с.
117. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный

- язык / Г.Е. Крейдлин. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
118. Кречмер Э. Строение тела и характер / Э. Кречмер. – М. : Педагогика Пресс, 1995. – 608 с.
119. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е.С. Кубрякова ; Ин-т. языкознания РАН. – М. : Знак, 2012. – 208 с.
120. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в языковой картине мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира ; [ред. Серебренников Б.А.]. – М. : Наука, 1988. – С. 141–172.
121. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
122. Кузнецова Д.Ю. Номінативне поле «вираз обличчя» в сучасному англomовному художньому дискурсі: емотивний та прагматичний аспекти : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Кузнецова Дарія Юріївна. – Київ : Київ. нац. лінгв. ун-т, 2009. – 20 с.
123. Куприянов В.В. Анатомическая характеристика лица человека / В.В. Куприянов, Г.В. Стowичек // Лицо человека: анатомия, мимика. – М. : Медицина, 1988. – 272 с.
124. Кусова М.Л. Репрезентация отрицания в семантике лексических и фразеологических единиц (лексикографический, ономазиологический, концептуальный анализ) : дис. ... доктора филол. наук : 10.02.01 / Кусова Мария Львовна. – Екатеринбург : Урал. ун-т, 1998. – 428 с.
125. Кюршунова И.А. Реконструкция портрета русского человека в языковой картине мира по данным исторической региональной антропонимии / И.А. Кюршунова // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Научно-методический журнал. Спец. вып. к 70-летию проф. Н.С. Ганцовской. – Кострома, 2007. – № 13. – С. 184–189.

126. Лабунская В.А. «Видимый человек» как социально-психологический феномен / В.А. Лабунская // Социальная психология и общество. – 2010. – № 1. – С. 26–39.
127. Лагун А.Е. Невербальное поведение: к методике использования в социологическом исследовании / А.Е. Лагун // Социологические исследования. – 2004. – № 2. – С. 115–123.
128. Лаенко Л.В. Перцептивный признак как объект номинации : монография / Л.В. Лаенко. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 303 с.
129. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты / Дж.. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1981. – Вып. 10. – 437 с.
130. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж.. Лакофф, М. Джонсон ; [пер. с англ., под ред. и с предисл. А.Н. Баранова]. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
131. Ласка І. "Тілесна" метафора в наївній теорії емоцій (на матеріалі французької фразеології) / І. Ласка // Вісник Львів. ун-ту. Серія Іноземні мови. Вип. 8. – Львів, 2000. – С. 109–118.
132. Левицкий А.Э. Лингвоконцептология: перспективные направления : монография / Левицкий А.Э., Потапенко С.И., Воробьева О.П. – Луганск : Изд-во ГУ "ЛНУ им. Тараса Шевченко", 2013. – 624 с.
133. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов : кол. монография ; [отв. ред. Л.Г. Викулова]. – М. : ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.
134. Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т. 1. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1985. – 621 с.
135. Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступнике = (L'Anthropologie criminelle et ses re'cents progre's par C. Lombroso) / Cesare Lombroso; пер. с разреш. авт., под ред. и с предисл. магистра уголовного права Л.М. Берлина, докт. С.Л. Раппопорт. – СПб : Н.К. Мартынов, 1892. – 168 с.
136. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос / А.Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1993. – 958 с.

137. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1995. – 320 с.
138. Лузина Л.Г. Когнитивная метафора / Л.Г. Лузина // Краткий словарь когнитивных терминов ; [сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Лузина Л.Г.]. – М. : Филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997 – С. 55–56.
139. Лукина М.М. Технология интервью : учеб. пособие для вузов / М.М. Лукина. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 191 с.
140. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии / А.Р. Лурия. – СПб. : Питер, 2006. – 320 с.
141. Макарова О.А. Метафора в британской и американской литературе XX века в свете когнитивной лингвистики : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Макарова О.А. – Самара : Самар. гос. пед. ун-т, 2005. – 168 с.
142. Малік М.Г. Прикметники, що позначають зовнішність людини у сучасній англійській мові : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / М.Г. Малік. – Одеса : Одес. нац. ун-т ім. І.І. Мечникова, 2002. – 19 с.
143. Манерко Л.А. Основы концептуального интегрирования ментальных пространств / Л.А. Манерко // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования : сб. науч. тр. – Рязань : Изд-во РТУ, 2002. – С. 17–29.
144. Мартинюк А.П. Метафора у структурі значення англомовних вторинних номінацій чоловічої та жіночої референції / А.П. Мартинюк // Нова філологія : зб. наук. пр. – Запоріжжя : ЗНУ, 2007. – № 27. – С. 36–41.
145. Мартинюк А.П. Когнитивно-дискурсивний інструментарій аналізу складноподчиненого синтаксиса англоязычного політичного дискурса [Електронний ресурс] / А.П. Мартинюк, А.Ю. Поникарева // Когніція, комунікація, дискурс : междунар. електрон. сб. науч. ст. –

2013. – № 7. – С. 68–80. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>
146. Мартынюк А.П. Опыт модусного моделирования концепта (на примере концепта CELEBRITY/ЗНАМЕНИТОСТЬ, актуализированного в англоязычном газетном дискурсе) [Электронный ресурс] / А.П. Мартынюк // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. ст. – 2010. – № 1. – С. 93–100. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>
147. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / В.А. Маслова ; [5-е изд.]. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 296 с.
148. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 183 с.
149. Мещерякова О.А. Семантика перцептивной единицы в художественном тексте [Текст] / О.А. Мещерякова // Филологические науки. – 2008. – № 4. – С. 17–27.
150. Мещерякова Ю.В. Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Мещерякова Ю.В. – Волгоград : Волгоград. гос. пед. ун-т, 2004. – 24 с.
151. Мириманов В.Б. Искусство и миф. Центральный образ картины мира / В.Б. Мириманов. – М. : Согласие, 1997. – 328 с.
152. Миронова Н.Н. Структура оценочного дискурса : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Миронова Н.Н. – Москва : МГЛУ, 1998. – 355 с.
153. Михайлова Т.А. Цвета красоты / Т.А. Михайлова // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М. : Индрик, 2004. – 720 с.
154. Морозова Е.И. Ложь как дискурсивное образование : монография / Е.И. Морозова. – Харьков : Экограф, 2005. – 300 с.

155. Мыльникова Н.В. Функциональный аспект содержания концепта "рука" / Н.В. Мыльникова // Вестник Самар. гос. ун-та. – 2009. – № 1. – С. 157–163.
156. Нахов И.М. Физиогномика как отражение способа типизации в античной литературе / И.М. Нахов // Живое наследие античности. Вопросы классической филологии. – Вып. IX. – М. : Изд -во МГУ, 1987. – С. 69–89.
157. Нестерова М.В. Вербализация концептосферы HUMAN FACE в американской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Нестерова М.В. – Владивосток : Дальневост. гос. ун-т, 2007. – 232 с.
158. Нечепуренко Т.Л. Социокультурный компонент языковой личности как предпосылка развития системы оценки / Т.Л. Нечепуренко // Семантический анализ единиц языка и речи: Процессы концептуализации и структура значения: вторые чтения памяти О.Н. Селиверстовой. – М. : МГПУ, 2006. – С. 173–179.
159. Никитин М.В. Лексическое значение слова / М.В. Никитин. – М. : Высш. школа, 1983. – 127 с.
160. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53–64.
161. Никитин М.В. О семантике метафоры / М.В. Никитин // Вопросы языкознания. – 1979. – № 1. – С. 100–101.
162. Нічаєнко І.І. Концепт КРАСА в іспанській художній прозі XIX–XX століття та його відтворення в українських перекладах : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.16 «Перекладознавство» / Нічаєнко І.І. – Київ : Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка, 2014. – 19 с.
163. Новоселова И.В. К вопросу об эстетически привлекательной внешности человека: образы рук в живописи XIX / И.В. Новоселова. – Харьков : ХДАДМ, 2005. – С. 46–49.

164. Олейник С.В. Оценочные фразеологические единицы в английском и украинском языках: лингвокогнитивный аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.17 / С.В. Олейник. – Донецк : Донецк. нац. ун-т, 2008. – 243 с.
165. Опарина Е.О. Концептуальная метафора и ее функции в языке : (на примере субстант. метафор) : автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 / Е.О. Опарина. – Москва : ИНИОН АН СССР, 1990. – 24 с.
166. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 68–81.
167. Основные антропологические понятия в посланиях Святого Апостола Павла [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravmir.ru/osnovnyie-antropologicheskie-ponyatiya-v-poslaniyah-svyatogo-apostola-pavla/>
168. Павкин Д.М. Образ волшебной страны в романах Дж.Р.Р. Толкиена: лингвокогнитивный анализ : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Д.М. Павкин. – Киев, 2002. – 23 с.
169. Паланчук Н.В. Гендерная концептосфера в дискурсе драматургов-елизаветинцев : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Паланчук Н.В. – Волгоград : Волгоград. гос. пед. ун-т, 2008. – 172 с.
170. Панферов В.Н. Восприятие и интерпретация внешности людей / В.Н. Панферов // Вопросы психологии ; [ред. А.А. Смирнов, О.А. Конопкин]. – 1974. – № 2. – С. 59–65.
171. Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории / А.Ф. Папина. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 368 с.
172. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории / Б.Д. Парыгин. – М. : Мысль, 1971. – 351 с.
173. Пашина А.В. Концепт ЧЕЛОВЕК в сказках И.М. Ермакова : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Пашина А.В. – Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2006. – 180 с.

174. Песина С.Н. Слово в когнитивном аспекте. Монография – М.: Флинта, Наука. – 2011. – 344 с.
175. Петренко В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко ; [2-е изд., доп.]. – СПб. : Питер, 2005. – 480 с.
176. Петрова Е.А. Знаки общения / Е.А. Петрова. – М. : Изд-во ГНОМ и Д, 2001. – 256 с.
177. Пефтієва О.Ф. Особливості вербалізації концепту ЗОВНІШНІСТЬ в англійській та українських мовах / О.Ф. Пефтієва // STUDIA GERMANICA ET ROMANICA: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання. – 2010. – Том 7, № 2 (20). – С. 149–164.
178. Пименова М.В. Концептуальный мир – основа ментальности / М.В. Пименова // Образ мира в зеркале языка : сб. научных статей. – Серия «Концептуальный и лингвальный миры», Вып. 1. – М.: ФЛИНТА, 2011. С. 16-26.
179. Пименова М.В. Терминология когнитивной лингвистики. Концептуальная система и концептуальная картина мира / М.В. Пименова // Термінологічний вісник. – 2013. – Вип. 2(1). – С. 129–134.
180. Пименова М.В. Язык. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / М.В. Пименова ; [под ред. проф. Г.Н. Манаенко]. – Вып. 5. – Ставрополь : Изд-во ПГЛУ, 2007. – 312 с.
181. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстетические и этические оценки / Т.В. Писанова. – М. : ИКАР, 1997. – 286 с.
182. Платонов Ю.П. Народы мира в зеркале геополитики (структура, динамика, поведение) : учеб пособие / Ю.П. Платонов. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та 2000. – 432 с.
183. Плясовских М.В. Социокультурные стереотипы восприятия внешности в структуре этнического самосознания средневековых исландцев : дис. ... канд. ист. наук. : 07.00.00, 07.00.07 / Плясовских М.В. – М., 2006. – 213 с.

184. Подковырин Ю.В. Внешность литературного героя как художественная ценность : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Подковырин Ю.В. – Кемерово, 2007. – 172 с.
185. Подсевалова Н.О. Соматизм "Face" и его составляющие в английской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Подсевалова Н.О. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2010. – 167 с.
186. Полевая И.В. Речевые гендерные стереотипы и их реализация в российском аналитическом телевизионном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Полевая И.В. – Москва : МГУ им. В.Н. Ломоносова, 2014. – 190 с.
187. Попов С.В. Визуальное наблюдение / С.В. Попов. – СПб. : Речь, 2002. – 320 с.
188. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
189. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 8–69.
190. Потребня А.А. Из записок по русской грамматике : [в 4 т.] / А.А. Потребня ; [отв. ред., предисл. и вступ. ст. В.И. Борковского ; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз.]. – Москва : Учпедгиз : Просвещение, 1958–1985.
191. Почепцов Г.Г. Имиджелогия / Г.Г. Почепцов ; [2-е изд., испр. и доп.]. – М. : Рефл-бук; Киев : Ваклер, 2001. – 698 с.
192. Приходько А.Н. Концепты и концептосистемы / А.Н. Приходько. – Днепропетровск : Белая Е.А., 2013. – 307 с.
193. Приходько Г.І. Специфічні засоби актуалізації когнітивно-прагматичного потенціалу оцінки / Г.І. Приходько // Грані сучасної лінгвістики : монографія. – Запоріжжя : Класичний приватний університет, 2014. – С. 296–321.

194. Рамси Н. Психология внешности / Н. Рамси, Д. Харкорт ; [пер. с англ. А.П. Федорова]. – СПб. : Питер, 2009. – 256 с.
195. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2008. – 416 с.
196. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт // Культурология. XX век ; [пер с нем. ; общ. ред. А.Ф. Зотова]. – М. : Республика, 1998. – 416 с.
197. Розенталь Д.Э. Современный русский язык / Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. – М. : Айрис-Пресс, 2010. – 448 с.
198. Рубинштейн С.Л. Основы Общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1989. – Т. 2. – 328 с.
199. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии / С.Л. Рубинштейн. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 354 с.
200. Рябцева Н.К. Мысль как действие, или риторика рассуждения / Н.К. Рябцева // Логический анализ языка. Модели действия. – М. : Наука, 1991. – С. 60–68.
201. Савченко В.А. Концептосфера «человек телесный» в русской и немецкой паремиологической картине мира : кросскультурный анализ соматизмов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Савченко В.А. – Курск : Курск. гос. ун-т, 2010. – 249 с.
202. Салтыков А.А. Прощальный праздник / А.А. Салтыков // Человек. – 2001. – № 4. – С. 176–186.
203. Самохіна В.О. Оцінка у фокусі функціонально-комунікативної парадигми / В.О. Самохіна, В.П. Кривенко // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2013. – № 1071. – С. 6–13.
204. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт Феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр ; [пер. с франц., предисл., примеч. В.И. Колядко]. – М. : Республика, 2004. – 639 с.
205. Селезнева С.Ю. Языковые средства и когнитивные модели описания внешности персонажей в англоязычной художественной прозе: На

- материале произведений английских и американских писателей XIX и XX вв. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Селезнева С.Ю. – М. : Моск. Ордена Дружбы Народов лингв. ун-т, 2001. – 299 с.
206. Селіванова О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.
207. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? / Б.А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – 244 с.
208. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б.А. Серебренников. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 248 с.
209. Серебренникова Е.Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа / Е.Ф. Серебренникова // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов : кол. монография. – М. : ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.
210. Славин А.В. Наглядный образ в структуре познания / А.В. Славин. – М. : Политиздат, 1971. – 271 с.
211. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : автореф. дис. на соискание учен. степени докт. филол. наук : спец. 10.02.19 "Общее языкознание" / Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Волгоград. гос. пед. ун-т, 2004 – 35 с.
212. Солганик Г.Я. Лексика газеты : учеб. пособие по спец. "Журналистика" / Г.Я. Солганик. – М. : Высш. школа, 1981. – 112 с.
213. Степанов С. Язык внешности / С. Степанов. – М. : ООО "Эксмо-Пресс", 2001. – 409 с.
214. Степанов Ю.С. Константы : Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов ; [изд. 2-е, испр. и доп.]. – М. : Академический проект, 2001 – 590 с.
215. Степанова Г.В. Введение в семасиологию русского языка / Г.В. Степанова, А.Н. Шрам. – Калининград : КГУ, 1980. – 72 с.

216. Стернин И.А. Семантический анализ слова в контексте / И.А. Стернин, М.С. Саломатина. – Воронеж : Истоки, 2011. – 150 с.
217. Страхова В.С. Метафора в научном тексте / В.С. Страхова // Вестник МГЛУ. – Вып. 465: Реализация междисциплинарной парадигмы в различных типах текста. – М., 2002. – С. 165–173.
218. Сукаленко Н.И. Сопоставление портретов человека в трех культурных ареалах: славянском, ближневосточном и дальневосточном / Н.И. Сукаленко // Логический анализ языка. Языки эстетики ; [под ред. Н.Д. Арутюновой]. – М. : Индрик, 2004. – 720 с.
219. Тарабукина М.В. Концепт «человек» и способы его отражения в русских и якутских загадках [Электронный ресурс] / М.В. Тарабукина // Гуманитарные науки и проблемы современной коммуникации : Междунар. науч.-практ. междисциплинар. Интернет-конференция. – Якутск, 2015. – Режим доступа : philology.s-vfu.ru/page_id=1158
220. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурные аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 288 с.
221. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В.Н. Телия. – М. : Наука, 1981. – 269 с.
222. Теппервайн К. Лицо – зеркало здоровья: патофизиогномика для всех / К. Теппервайн. – Санкт-Петербург : Питер Пресс, 1995. – 184 с.
223. Токарев Г.В. Лингвокультурологическая интерпретация концепта [Электронный ресурс] / Г.В. Токарев // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. тр. – 2010. – № 2. – С. 51–61. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>
224. Толстик С.А. Русский концепт "внешность человека": параметрическая характеристика в аспекте польско-русского межъязыкового и межкультурного взаимодействия / С.А. Толстик // Преподавание русского и польского языков с использованием технологии диалога культур ; [ред.: О.В. Орлова, И.В. Никиенко]. – Томск, 2011. – С. 97–101.

225. Толстик С.А. Русское диалектное прилагательное *корыстный* в представлении национального образа внешности / С.А. Толстик // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2011. – № 352. – С. 7–11.
226. Тоцкая О.В. Концепт FEMALE FASHION: структура, способы языковой реализации (когнитивно-фреймовый подход) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : 10.02.04 : спец. «Германские языки» / О.В. Тоцкая. – Пятигорск : Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2012. – 22 с.
227. Тугаринов В.П. Избранные философские труды / В.П. Тугаринов. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1988. – 344 с.
228. Урысон Е.В. Норма, образец, эталон, стандарт, шаблон: заметки о полисемии / Е.В. Урысон // Слово и язык : сб. ст. к 80-летию акад. Ю.Д. Апресяна. – М. : ЯСК. 2011. – С. 347–356.
229. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике [Текст] / Е.В. Урысон. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
230. Федяева Н.Д. Языковой образ среднего человека в аспекте когнитивных категорий градуальности, дуальности, оценки, нормы : На лексическом и текстовом материале современного русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Федяева Наталья Дмитриевна. – Омск : Ом. гос. ун-т, 2003. – 171 с.
231. Филипьев Ю.А. Сигналы эстетической информации / Ю.А. Филипьев. – М. : Наука, 1971. – 111 с.
232. Флоренский П.А. Иконостас / П.А. Флоренский. – М. : АСТ, 2001. – 208 с.
233. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг. – М. : Лабиринт, 1997. – 448 с.
234. Фрумкина Р.М. Психолингвистика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Р.М. Фрумкина. – М. : Изд. центр «Академия», 2003. – 320 с.

235. Халдеева Н.И. Роль внешности человека как фактора социальной адаптации / Н.И. Халдеева // Наука о человеке и общество: итоги, проблемы, перспективы. – М., 2003. – С. 80–91.
236. Харитончик З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка / З.А. Харитончик. – Минск : Высшая школа, 1986. – 96 с.
237. Харитончик З.А. Связующая функция метафоры [Электронный ресурс] / З.А. Харитончик // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. ст. – 2013. – № 6. – С. 107–111. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>
238. Хейзинга. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Хейзинга. – М. : Прогресс, 1992. – 464 с.
239. Хендерсон И. Пикты. Таинственные войны древней Шотландии / И. Хендерсон. – М. : Центрполиграф, 2004. – 217 с.
240. Хомякова Е.Г. Эгосфера. Ее моделирование и содержание / Е.Г. Хомякова // Антропоцентризм в языке и речи : межвуз. сб. – СПб. : Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2003. – С. 3–12.
241. Цивьян Т. Отношение к себе и к своему телу в русской модели мира / Т. Цивьян // Тело в русской культуре : сб. ст. ; [сост. Г. Кабакова, Ф. Конт]. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 399 с.
242. Цыпин П.Е. Внешность человека как один из ключей к определению его социотипа. Развитие методологии соционического типирования / П.Е. Цыпин // «Соционика и психология межличностных отношений». – 2002. – № 9.
243. Чакалова Э.П. Языковая репрезентация национальной картины мира в художественном тексте (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Э.П. Чакалова. – Краснодар, 2006. – 25 с.
244. Чаркова М.Н. Мотивация когнитивного развития личности : дис. ...

- докт. психол. наук : 19.00.01 / М.Н. Чаркова. – Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 2005. – 359 с.
245. Человек. Язык. Культура : сб. науч. ст., посвященных 60-летнему юбилею проф. В.И. Карасика: в 2-х ч.; [отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов]. – Киев : Изд. дом Д. Бураго, 2013 ; [изд. 2-е, испр.]. – Ч. 1. – 800 с. + Ч. 2. – 568 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 2).
246. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – С. 340–369.
247. Черкасова И.С. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в русских и немецких объявлениях о знакомстве : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / И.С. Черкасова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. – 22 с.
248. Чыпсымаа О.О. Языковые средства репрезентации феномена улыбки: семантика и прагматика (на материале немецкого языка) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / О.О. Чыпсымаа. – Иркутск : Иркут. гос. лингв. ун-т, 2011. – 20 с.
249. Шведова Н.Ю. Лексическая система и ее отражение в толковом словаре / Н.Ю. Шведова // Русистика сегодня. Язык: система и её функционирование ; [отв. ред. Ю.Н. Караулов]. – М. : Наука, 1988. – 241 с.
250. Шевченко И.С. Дискурсообразующие концепты Викторианства СКРОМНОСТЬ vs ХАНЖЕСТВО [Электронный ресурс] / И.С. Шевченко // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. ст. – 2010. – № 2. – С. 73–84. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

251. Шевченко И.С. Концепты коммуникативного поведения и дискурс / И.С. Шевченко // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2013. – № 1072. – С. 15–20.
252. Шевченко И.С. Лінгвокультурні концепти: проблеми типології / И.С. Шевченко // Каразінські читання : Людина. Мова. Комунікація : тези доп. XIV наук. конф.з між нар. участю (27 березня 2015 р.). – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2015. – С. 250–251.
253. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / М. Шелер ; [пер. с нем. А.Н. Малинкина]. – СПб. : Наука; Университетская книга, 1999. – 231 с.
254. Шепель В.М. Имиджелогия. Как нравиться людям / В.М. Шепель. – М. : Народное образование, 2002. – 500 с.
255. Шефер Б. Социальная идентичность и групповое сознание как медиаторы межгруппового поведения / Б. Шефер, Б. Шледер // Идентичность : хрестоматия ; [сост. Л.Б. Шнейдер]. – М. : Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. – С. 170–195.
256. Шмелёв А.Д. Виды эстетической оценки в представлении русского языка / А.Д. Шмелёв // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного; [Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; под ред. Н.Д. Арутюновой]. – М. : Индрик, 2004. – С. 303–311.
257. Шпет Г.Г. Сочинения / Г.Г. Шпет ; АН СССР, Ин-т философии. – М. : Правда, 1989. – 604 с.
258. Шпрангер Э. Два вида психологии / Э. Шпрангер // История психологии : Тексты.; [2-е изд., доп. ; под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1992. – С. 347–361.
259. Штерн І.Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики / І.Б. Штерн. – К. : АртЕк, 1998. – 280 с.
260. Штокало М. Представления о личности в античный период [Электронный ресурс] / М. Штокало. – Режим доступа : <http://zhurnal.lib.ru/s/shtokalo>

261. Шэнбо Ю. Человек как объект фразеологической репрезентации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. Шэнбо. – Белгород, 2010. – 305 с.
262. Щекин Г.В. Визуальная психодиагностика: познание людей по их внешности и поведению : учеб.-метод. пособие / Г.В. Щекин ; [изд. 2-е, испр.]. – К. : МАУП, 2001. – 616 с.
263. Юнг К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – С. 283.
264. Юнг К.Г. Очерки по психологии бессознательного / К.Г. Юнг. – М. : Когито-Центр, 2010. – 352 с.
265. Ямпольский М. Язык – тело – случай. Кинематограф и поиски смысла / М. Ямпольский. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – 376 с.
266. Яременко С.Н. Внешность человека в культуре : автореф. дис. на соискание учен. степени докт. филос. наук : спец. 24.00.01 / Яременко С.Н. – Ростов н/Д : ДГТУ, 1997. – 41 с.
267. Barcelona A. Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics: An update / A. Barcelona // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / [ed. By Rene Dirven and Ralf Porings]. – Berlin and New York : Mouton de Gruyter, 2002. – P. 207–274.
268. Barcelona A. Introduction. The Cognitive theory of metaphor and metonymy / A. Barcelona // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective ; [ed. By Antonio Barcelona. Mouton de Gruyter]. – Berlin / New York, 2000. – 356 p.
269. Barnden J.A. Metaphor and metonymy: Making their connections more slippery / J.F. Barnden // Cognitive Linguistics – 2010. – № 21–1. – P. 1–34.
270. Bartsch R. Metaphor and Metonymy / R. Bartsch // R. Dirven, R. Porings. Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast. – Berlin. – New York : Mouton de Gruyter, 2003. – P. 49–75.
271. Bates B. The Human Face / B. Bates, J. Cleese – London : British Broadcasting Corporation, 2001.

272. Blanc C. Dictionnaire universel de la pensee alphabetique, logique et encyclopedique / C. Blanc. – Lyon : Librairie générale catholique et classique, 1899.
273. Bolinger D. Degree words / D. Bolinger. – The Hague : Mouton, 1972. – 324 p.
274. Burlew D.L. Men and Body Image: Current Issues and Counseling Implications / D.L. Burlew, W.M. Shurts // *Journal of Counseling & Developmen.* – Volume 91, Issue 4. – October 2013. – P. 428–435.
275. Caesar C. Julius. Commentarii de bello Gallico et civili / Caesar C. Julius. – C. Tauchnitii, 1826. – Vo 5. – P. 12–14.
276. Chui K. Conceptual metaphors in gesture / K. Chui // *Cognitive Linguistics.* – 2011. – 22–3. – P. 437–458.
277. Cienki A. Metaphor and Gesture / A. Cienki, C. Muller (eds.) – Amsterdam : John Benjamins, 2008. – 307 p.
278. Clausner T.C. Domains and image schemas / T.C. Clausner, W. Croft // *Cognitive Linguistics.* – 1999. – № 10–1. – C. 1–31.
279. Cousin D.R. Kant's Concept of Appearance – I. / D.R. Cousin // *Philosophy,* 16 (63), 1941. – P 169–184.
280. Croft W. Cognitive Linguistics / W. Croft, A.D. Cruse. – New York : Cambridge University Press, 2004. – 374 p.
281. Dijk T.A., van. Cognitive context models and discourse / Dijk T.A., van. // *Language structure, discourse and the access to consciousness ; [ed. by M. Stamenow].* – Amsterdam : Benjamins, 1997. – P. 189–226.
282. Evans V. A Glossary of Cognitive Linguistics / V. Evans. – Edinburgh University Press, 2007. – 256 p.
283. Evans V. Cognitive Linguistics / V. Evans, M. Green // *Introduction* Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.
284. Evans V. Language and Time: A Cognitive Linguistics Approach / V. Evans. – New York : Cambridge University Press, 2013. – 284 p.
285. Evans V. The Cognitive Linguistics enterprise: an overview / V. Evans //

- The Cognitive Linguistics Reader – Equinox Publishing Ltd, 2007. – P. 1–36.
286. Evans V. New directions in cognitive linguistics // Human Cognitive Processing : volume 24 / V. Evans, S. Pourcel (ed.). – John Benjamins Publishing Company, 2009. – 519 p.
287. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language / G. Fauconnier. – Cambridge University Press, 1997. – 205 p.
288. Fauconnier G. The Way We Think / G. Fauconnier, M. Turner // Basic Books: A Member of the Perseus Books Group, 2002. – 440 p.
289. Featherstone M. Body, Image and Affect in Consumer Culture / M. Featherstone // Body & Society. – 2010. – Vol. 16 (1). – P. 193–221.
290. Fillmore Ch. J. Frame semantics / Ch.J. Fillmore // Linguistics in the Morning Calm. – Seoul : Hanshin Publishing Co., 1982. – P. 111–137.
291. Forster T. Sketch Of the New Anatomy and Physiology of The Brain and Nervous System of Drs. Gall and Spurzheim, Considered as Comprehending a Complete System of Zoonomy / T. Forster. – Nabu Press, 2012. – 160 p.
292. Frager R. Glossary of “Personality & Personal Growth” [Электронный ресурс] / Frager R., Fadiman J. – Режим доступа : <http://vocabulary.ru/dictionary/36>
293. Freeman M.H. Metaphor making meaning: Dickinson’s conceptual Universe / M.H. Freeman // Journal of Pragmatics. – 1995. – Vol. 24. – P. 643–665.
294. Frondizi R. What is Value? An Introduction to Axiology / R. Frondizi // An Introduction to axiology by Risiery Frondizi ; [2nd ed.]. – La Salle, Illinois : Open Court Publishing Company. 1971. – 160 p.
295. Fuyin L.Th. Compendium of Cognitive Linguistics Research / L.Th. Fuyin (ed). – Nova Science Publishers. 2014. – 209 p. – (Languages and Linguistics, Volume 3).
296. Gall F.J. On the Functions of the Brain and of Each of Its parts: With Observations on the Possibility of Determining the Instincts, Propensities, and Talents, Or the Moral and Intellectual Dispositions of Men and Animals,

- by the Configuration of the Brain and Head / F.J. Gall. – Volume 1. – Marsh, Capen & Lyon, 1835. – 956 p.
297. Geary J. I Is an Other: The Secret Life of Metaphor and How It Shapes the Way We See the World / J. Geary. – NY : Harper Collins. 2011. – 304 p.
298. Geeraerts, D. The Oxford handbook of cognitive linguistics [Text] / D. Geeraerts, H. Cuyckens. – NY : Oxford University Press, 2007. – 1295 p.
299. Gibbs R.W.Jr. The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / R.W.Jr. Gibbs. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 564 p.
300. Gombrich E.H. On Physiognomic Perception / E.H. Gombrich // Daedalus. – Vol. 89, No. 1. – MIT Press, 1960. – P. 228–24.
301. Gunina N.A. Concept VS meaning: Cognitive approach / N.A. Gunina // Вестник ТГТУ. – 2011. – Том 17. – № 1. – С. 248–250.
302. Harré R. The discursive mind / R. Harré, G. Gillet. – L. : Thousand Oaks, 1994. – 192 p.
303. Hopcke R.H. Persona / R.H. Hopcke. – Berkeley : Shambhala Publications, 1995. – 122 p.
304. Husserl E. Logische Untersuchungen / E. Husserl. – Hamburg 1988.
305. Ittelson W.H. Experiments in perception / W.H. Ittelson, F.P. Kilpatrick. – Scientific American, 1951. – 185 p.
306. Ivashkevich I.N. On the Saliency of the Perceptual Feature ‘SHAPE’ for the Cognitive Basis of Secondary Nomination / I.N. Ivashkevich // International Conference “LANGUAGE, CULTURE, and SOCIETY in Russian/English Studies”. SENATE HOUSE, UNIVERSITY OF LONDON 20-21 JULY, 2010. University of London School of Advanced Studies, Institute of English Studies, LONDON, 2010. – P. 49–55.
307. Izard C.E. The psychology of emotions. New York: Plenum 1991. – 243 p.
308. Jackel O. Kant, Blumenberg, Weinrich. Some forgotten contributions to the cognitive theory of metaphor / O. Jackel // Metaphor in cognitive Linguistics ; [ed. R. Gibbs., G. Steen]. – Amsterdam : John Benjamins, 1999. – P. 9–27.

309. Jackendoff R. What is a concept? / R. Jackendoff // *Frames, fields, and contrasts. New essays in semantics and lexical organization.* – Hillsdale, 1992. – P. 192–209.
310. Jacobi J.S. *Masks of the Soul* / J.S. Jacobi. – William B. Eerdmans Publishing Company, 1977. – 94 p.
311. James W. *The principles of psychology* / W. James. – New York : H. Holt, 1890 (reprinted: New York : Dover Publications, 1950).
312. Jung C.G. *Psychological Types* / C.G. Jung // *Collected Works.* – Vol. 6, N.J., Princeton : Princeton University Press, 1976.
313. Jung C.G. *The Archetypes and the Collective Unconscious* / C.G. Jung ; [Second Edition]. – London : Routledge, 1996.
314. Kittay E. *Metaphor: Its cognitive force and linguistic structure* / E. Kittay. – Oxford : Clarendon Press, 1987. – 358 p.
315. Kövecses Z. American “Friendship” and the Scope of Metaphor / Z. Kövecses // *Cognitive Linguistics.* – 1995. – Vol. 6(4). – P. 315–346.
316. Kövecses Z. *Metaphor and emotion. Language, Culture, and Body in Human Feeling* / Z. Kövecses. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 224 p.
317. Kövecses Z. *Metaphor, creativity, and discourse* / Z. Kövecses // *DELTA: Documentação de Estudos em Lingüística Teórica e Aplicada.* – Brazil : São Paulo, 2010. – Vol. 26.
318. Kövecses Z. *Metaphor: A Practical Introduction* / Z. Kövecses. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 375 p
319. Kuźniak M. *From Conceptual Metaphor Theory to Cognitive Ethnolinguistics: Patterns of Imagery in Language* / Kuźniak M., Libura A., Szawerna M. (ed.). – Peter Lang, 2014. – 276 p.
320. Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor* / G. Lakoff // *Metaphor and Thought* / ed. by A. Ortony. – 2nd ed. – Cambridge, 1993. – P. 202–252.
321. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal*

- about the Mind / G. Lakoff. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
322. Langacker R.W. Cognitive grammar. A basic introduction / R.W. Langacker. – New York : Oxford University Press, 2008. – 562 p.
323. Langacker R.W. Concept, image, and symbol : The cognitive basis of grammar / R.W. Langacker. – Berlin, N.Y. : Gruyter, 1980. – P. 75–95.
324. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites / R.W. Langacker. – Stanford, 1987. – 516 p.
325. Lavater J.C. Physiognomik: Zur Beforderung Der Menschenkenntniss Und Menschenliebe, Dritter Band / J.C. Lavater. – United States : Nabu Press, 2013.
326. Lavater J.K. Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntniss und Menschenliebe / Lavater J.C. – Bd. 1–4, 1775–78. (нов. изд. 1948 г.)
327. Lippman W. Public Opinion / W. Lippman – New York : Cambridge University Press, 1992. – 115 p.
328. Lombroso C. Criminal man / C.Lombroso ; [Edition 5. Edited and translated by Mary Gibson and Nicole Hahn Rafter]. – Durham, NC : Duke University Press. 2006. – 448 p.
329. MacArthur F. Metaphor in Use: Context, culture, and communication / [MacArthur F., Oncins-Martínez J.L., Sánchez-García M., Piquer-Píriz A.M. (ed.)]. – John Benjamins, 2012. – 389 p.
330. Margolis E. Concepts: Core Readings / E. Margolis, S. Laurence. – Bradford Books, 1999. – 616 p.
331. Martinich A.P. A Theory for Metaphor / A.P. Martinich // Pragmatics. – New York, Oxford : Oxford University Press, 1991. – P. 507–518.
332. Mendoza R. Patterns of conceptual interaction / R. de Mendoza, O.D. Velasco // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast ; [ed. by Rene Dirven and Ralf Porings]. – Berlin and New York : Mouton de Gruyter, 2002. – P. 490–532.

333. Morris Ch. *Varieties of Human Values* / Ch. Morris. – Chicago : University of Chicago Press, 1956. – 236 p.
334. Muller J. *Handbuch der Physiologie des Menschen* / J. Muller. – Bd. 1-2, Goblentz, 1833–1834.
335. Nuyts J. *Aspects of a Cognitive-Pragmatic Theory of Language* / J. Nuyts // *Cognition, Functionalism, and Grammar*. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 1992. – 378 p.
336. Rokeach M. *Beliefs, attitudes and values. A Theory of Organisation and Change* / M. Rokeach. – San Francisco, Washington, London : Jossey-Bass Inc. Publishers, 1968. – 214 p.
337. Schwarz M. *Cognitive Semantiktheorie und neuropsychologische Realität: repräsentationale und prozedurale Aspekte der Semantischen Kompetenz* / M. Schwarz. – Tübingen : M. Niemeyer, 1992. – VI. – 163 S.
338. Sharrona P. *About Faces: Physiognomy in Nineteenth-Century Britain* / P. Sharrona. – England : Harvard University Press, 2010 – 302 p.
339. Sharrona P. *As Plain as the Nose on Your Face: Physiognomy in Nineteenth-Century* / P. Sharrona. – England : Harvard University Press, 2005 – 774 p.
340. Shepard R.N. *Mental images and their transformations* / R.N. Shepard, L.A. Cooper. – Cambridge, MA : MIT Press, 1986. – 376 p.
341. Shortland M.A. *The body in question : some perceptions, problems and perspectives of the body in relation to character* [Electronic resource] / M.A. Shortland. – Режим доступа : <http://theses.whiterose.ac.uk/id/eprint/944>
342. Mendes V.S. *Spatial “metametaphors” concerning life: A cognitive holistic approach* – *Revista Veredas*. 2011, Vol. 15 Issue 2, p. 1-11.
343. Turner M. *Metaphor, metonymy and binding* / M. Turner, G. Fauconnier // *Metaphor and metonymy at the crossroads ; [(ed.) Barcelona A.]*. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2000. – P. 133–145.
344. Wierzbicka A. *Lingua Mentalis: The Semantics of Natural Language* / A. Wierzbicka. – Sydney : Academic Press, 1980. – 367 p.

345. Wierzbicka A. Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations / A. Wierzbicka. – USA : Oxford University Press, 1992. – 496 p.
346. Zhabotynska S.A. Constructions and their interplay: Possessive “of” / S.A. Zhabotynska // Text Processing and Cognitive Technologies : Proceedings of the VII International Conference “Cognitive Modeling in Linguistics” (Varna – Moscow, 2004). – Kazan : KSU, 2004. – № 9. – P. 35–44.
347. Zhabotynska S.A. Possession frame / S.A. Zhabotynska // Pragmatics and Beyond : Abstracts of the 2nd USSE Conference. – Kharkiv : Vasyl Karazin National University of Kharkiv, 2001. – P. 100–102.
348. Zhabotynska S.A. Shorts, breeches and bloomers: Plurality in blends / S.A. Zhabotynska // The Way We Think : Odense working papers in language and communication (Odense, August 19-23, 2002). – Odense, 2002. – Vol. 2, № 23. – P. 127–142.
349. Zinken J. Metaphors, stereotypes, and the linguistic picture of the world: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin [Electronic resource] / J. Zinken // Metaphorik.de. – 2004. № 7. – Режим доступа : <http://www.metaphoricde/07>.

СПИСОК СПРАВОЧНЫХ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

350. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова ; [2-е изд., стер.]. – М. : КомКнига, 2007. – 206 с.
351. Большая советская энциклопедия в 30 томах / [гл. ред. А.М. Прохоров ; 3-е изд.]. – М. : Сов. энциклопедия, 1969–1978.
352. Большой энциклопедический словарь / [гл. ред. А.М. Прохоров ; 2-е изд., перераб. и доп.]. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000 . – 1456 с.
353. Гудков Л.Д. Метафора / Л.Д. Гудков // Культурология. XX век : Энциклопедия. – СПб. : Университетская книга, 1998. – Т. 2. – С. 35–36.
354. Дробницкий О.Г. Ценность / Дробницкий О.Г. // Философская энциклопедия. – Т. 5. – М., 1970. – С. 462.
355. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило ; [изд. 5-е, испр. и доп.]. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
356. Зеленский З. Словарь аналитической психологии / З. Зеленский. – М. : Когито-Центр, 2008. – 336 с.
357. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2006. – 672 с.
358. Кондраков Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондраков. – М. : Наука, 1975. – 720 с.
359. Культурология: XX век : Словарь. – СПб. : Университетская книга, 1997. – С. 54–54.
360. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tapemark.narod.ru/les/437c.html>
361. Новиков Л.А. Синонимы / Л.А. Новиков // Лингвистический энциклопедический словарь ; [гл. ред. В.Н. Ярцева]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
362. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Азъ, 1993. – 956 с.

363. Сагатовский В. Ценность / В. Сагатовский // Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1989.
364. Словарь психолога-практика / [сост. С.Ю. Головин ; 2-е изд., перераб. и доп.]. – Мн. : Харвест, М. : АСТ, 2001. – 976 с.
365. Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1989. – 816 с.
366. Эстетика: Словарь / [Под общ. ред. А.А. Беляева и др.]. – М. : Политиздат, 1989. – 447 с.
367. American Heritage Dictionary [Electronic resource]. – Режим доступа : <http://americanheritage.yourdictionary.com/>
368. Cambridge English Dictionary [Electronic resource]. – Режим доступа : <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/>
369. Hoad T.F. The Oxford Dictionary of English Etymology / T.F. Hoad. – Oxford : Oxford University Press, 1986. – 845 p.
370. Longman Dictionary of Contemporary. – English : Pearson Education ESL ; [6 edition], 2015. – 2224 p.
371. Longman English Dictionary Online [Electronic resource]. – Режим доступа : <http://www.ldoceonline.com/>
372. MacMillan Dictionary [Electronic resource]. – Режим доступа : <http://www.macmillandictionary.com/>
373. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – Режим доступа : <http://etymonline.com/index.php>
374. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology [Electronic resource]. – Режим доступа : <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref>
375. The Oxford Dictionary of English Etymology : [ed. by C.T. Onions]. – Oxford : The Clarendon Press, 1966. – 1023 p.
376. Webster's New World College Dictionary [Electronic resource]. – Режим доступа : <http://websters.yourdictionary.com/>
377. YourDictionary [Electronic resource]. – Режим доступа : <http://www.yourdictionary.com/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

378. Austen J. Emma / J. Austen . – New ed. – Oxford : OUP, 2008. – 448 p.
379. Austen J. Love and Friendship [Электронный ресурс] / J. Austen. – Режим доступа : <http://www.online-literature.com/>.
380. Austen J. Pride and Prejudice [Электронный ресурс] / J. Austen. – Режим доступа : <http://www.online-literature.com/>.
381. Austen J. Sense and Sensibility. – London: Penguin Books, 1994. – 380 p.
382. Austen J. Northanger Abbey. – Wordsworth Editions; 1992. – 224 p.
383. Austen J. Mansfield Park. – Wordsworth Editions; 1992. – 400 p.
384. Baum L. Frank Rinkitink in Oz [Электронный ресурс] / L. Frank Baum. – Режим доступа : <http://www.online-literature.com/baum/rinkitink-in-oz/>
385. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://corpus.byu.edu/bnc/>
386. Bronte Ch. Shirley [Электронный ресурс] / Ch. Bronte. – Режим доступа : <http://www.online-literature.com/brontec/shirley/>
387. Chesterton G.K. The Man Who Was Thursday [Электронный ресурс] / G.K. Chesterton. – Режим доступа : http://www.online-literature.com/chesterton/man_thursday/
388. Chesterton G.K. Manalive [Электронный ресурс] / G.K. Chesterton. – Режим доступа : <http://www.online-literature.com/chesterton/manalive/>
389. Christie A. The Secret Adversary. – Toronto; New York; London: Bantam Books, 1977. – 215 p.
390. Christie A. The Lernean Hydra [Электронный ресурс] / A. Christie. – Режим доступа : http://www.online-literature.com/agatha_christie/
391. Christie A. Stymphalian Birds [Электронный ресурс] / A. Christie. – Режим доступа : http://www.online-literature.com/agatha_christie/
392. Collins, Wilkie. Law and the Lady. – New York: Collier, 1900. – 559 p.
393. Collins, Wilkie. The Woman in White. – Oxford, New York: Oxford University Press, 1996. – 702 p.
394. Collins, Wilkie. After Dark [Электронный ресурс] / W. Collins. – Режим

- доступа : <http://www.online-literature.com/wilkie-collins/after-dark/>
395. Collins, Wilkie. The Legacy of Cain [Электронный ресурс] / W. Collins. – Режим доступа : <http://www.online-literature.com/wilkie-collins/legacy-of-cain/>
396. Collins, Wilkie. The Black Robe [Электронный ресурс] / W. Collins. – Режим доступа : <http://www.online-literature.com/wilkie-collins/black-robe/>
397. Collins, Wilkie. The Haunted Hotel [Электронный ресурс] / W. Collins. – Режим доступа : <http://www.online-literature.com/wilkie-collins/haunted-hotel/>
398. Collins, Wilkie. The Evil Genius [Электронный ресурс] / W. Collins. – Режим доступа : <http://www.online-literature.com/wilkie-collins/evil-genius/>
399. Conrad J. An Outcast of the Islands [Электронный ресурс] / J. Conrad. – Режим доступа : <http://www.online-literature.com/conrad/outcast-of-the-islands/>
400. Dickens Ch. A Tale of Two Cities / Ch. Dickens. – London : Campbell, 1993. – 413 p.
401. Dickens Ch. Bleak House. – London: Campbell, 1991. – 891 p.
402. Dickens Ch. Dombey and Son [Электронный ресурс] / Ch. Dickens. – Режим доступа : <http://www.online-literature.com/dickens/dombey/>
403. Dickens Ch. The Battle of Life [Электронный ресурс] / Ch. Dickens . – Режим доступа : <http://www.online-literature.com/dickens/battle-of-life/>
404. Sir Gawain and the Green Knight [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sparknotes.com/lit/gawain/citing.html>
405. Fowls J. The French Lieutenant's Woman. – Vintage Books, 1996. – 235 p.
406. Hardy T. Far From the Madding Crowd [Электронный ресурс] / T. Hardy. – Режим доступа : <http://www.online-literature.com/hardy/madding/>
407. Hailey A. The Final Diagnosis. – Dell, 1985. – 310 p.
408. James H. The American [Электронный ресурс] / H. James. – Режим доступа : http://www.online-literature.com/henry_james/the_american/

409. Lawrence D.H. Sons and Lovers [Электронный ресурс] / D.H. Lawrence. – Режим доступа : http://www.online-literature.com/dh_lawrence/sons_lovers/
410. Maugham W.S. The Moon and Sixpence [Электронный ресурс] / W.S. Maugham. – Режим доступа : <http://www2.hn.psu.edu/faculty/jmanis/s-maugham/moon-sixpence.pdf>
411. Priestly J.B. Angel Pavement / Priestly J.B. – Moscow : Progress Publishers, 1974.
412. Priestly J.B. Bright Day / Priestly J.B. – Great Northern Books Ltd, 2006. – 320 p.
413. Sabatiny R. Mistress Wilding / Sabatiny R. – Echo Library, 2006. – 188 p.
414. Shakespeare W. The Complete Works / W. Shakespeare. – Chatham : Wordsworth, 1999. – 1263 p.
415. Shelley M. Frankenstein [Электронный ресурс] / M. Shelley. – Режим доступа : http://www.online-literature.com/shelley_mary/frankenstein/
416. Scott W. The Heart of Mid-Lothian [Электронный ресурс] / W. Scott. – Режим доступа : http://www.online-literature.com/walter_scott/heart-of-midlothian/
417. Stevenson R.L. Memories and Portraits [Электронный ресурс] / R.L. Stevenson. – Режим доступа : <http://www.online-literature.com/stevenson/memories-and-portraits/>
418. Woolf V. The Voyage out [Электронный ресурс] / V. Woolf. – Режим доступа : http://www.online-literature.com/virginia_woolf/voyage_out/1/